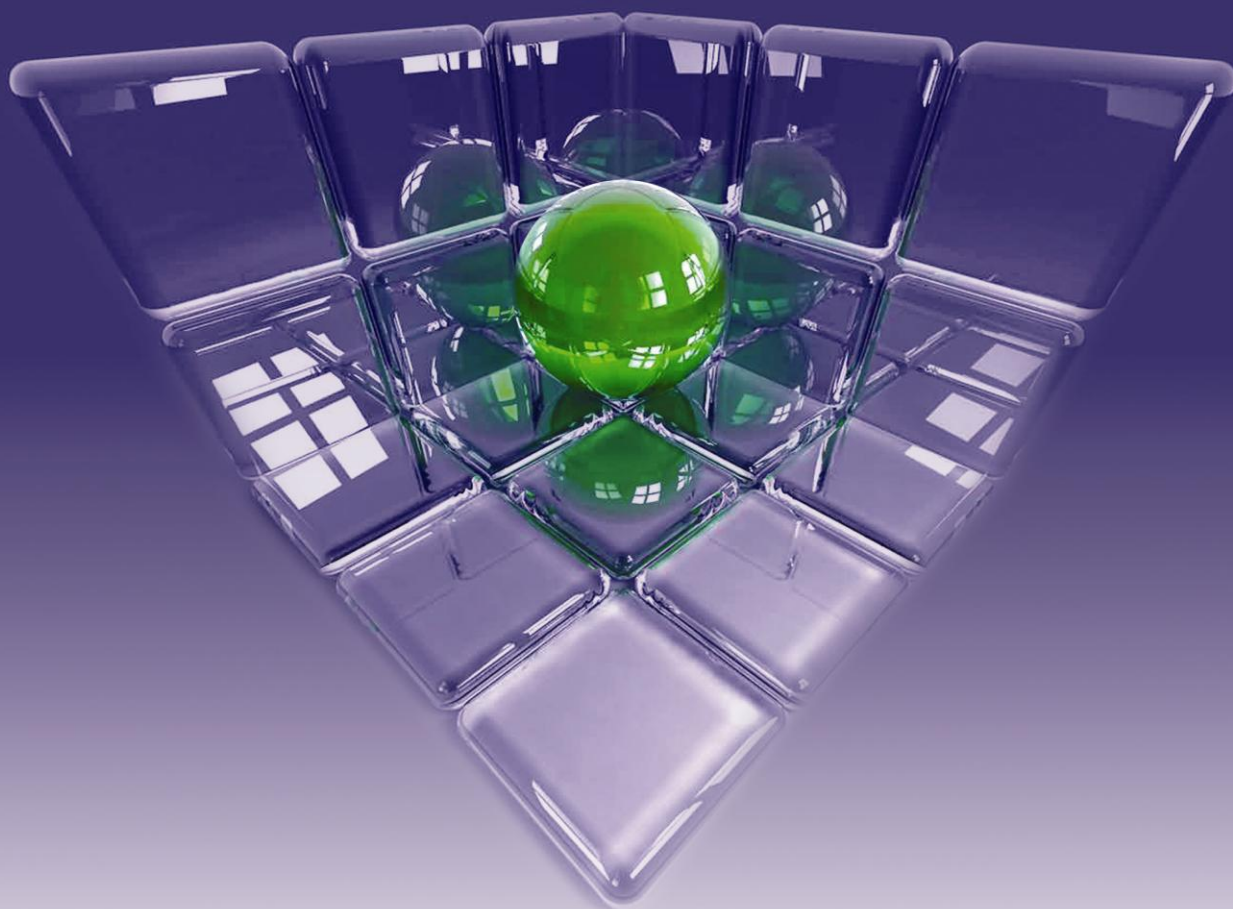

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКИХ И НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

МЕТОДЫ
СТРУКТУРА
СООБЩЕСТВА

СООБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ

**ВИРТУАЛИЗАЦИЯ
МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКИХ И
НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
МЕТОДЫ, СТРУКТУРА, СООБЩЕСТВА**

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н.Е.ПОКРОВСКОГО

МОСКВА 2010

ИЗДАНО ПРИ ПОДДЕРЖКЕ НАУЧНОГО ФОНДА
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГУ-ВШЭ
Проект «Учитель - Ученики» 2010-2011 (№ 10-04-0037)
*Виртуализация межуниверситетских и научных коммуникаций:
методы, структуры, сообщества*

**ВИРТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКИХ И НАУЧНЫХ
КОММУНИКАЦИЙ: МЕТОДЫ, СТРУКТУРА, СООБЩЕСТВА**
/ Под.ред. Н.Е.Покровского. – М.: СоПСо, 2010.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Н.Е.ПОКРОВСКИЙ, проф. д.соц.н. (руководитель)
Д.С.ПОПОВ, доц., канд.соц.н. (зам.руководителя)
А.Н.АНДРЕЕВ, старший преподаватель
А.Е.БОКЛИН, аспирант
К.П.ЛАЗЕБНАЯ, аспирант
В.П.ПОЛУДИНА, аспирант
П.В.ИВАНОВ, студент магистратуры
Е.Г.ЮРЕНЕВА, студентка бакалавриата

ISBN 978-5-903136-13-1

дизайн, верстка: Лазебная К.П.

© Сообщество профессиональных социологов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н.Е.ПОКРОВСКИЙ **7**
УНИВЕРСИТЕТ УХОДИТ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

ЧАСТЬ 1. ИНФОКОММУНИКАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д.С.ПОПОВ **10**
ВИРТУАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ
ПОНЯТИЙ

В.П.ПОЛУДИНА **20**
СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ИНТЕРНЕТА/РУНЕТА

П.В.ИВАНОВ **41**
СТРУКТУРИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ
ДИСТАНТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ

ЧАСТЬ 2. ОПЫТ ДИСТАНТНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ОНЛАЙНЕ / РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

А.Е.БОКЛИН **47**
ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕЛЕМОСТОВ В СФЕРЕ
УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ОПТИМУМ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ
КРИТИКИ ТЕХНОЛОГИЙ

А.Н.АНДРЕЕВ **53**
ОПЫТ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ УДАЛЕННОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНЫХ КУРСОВ)

**ЧАСТЬ 3. ТЕЛЕМОСТЫ В ДЕЙСТВИИ. МАТЕРИАЛЫ
ТЕЛЕКУРСОВ НА КАФЕДРЕ ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
ГУ-ВШЭ (под редакцией А.Е.Боклина)**

WORLD ON THE MOVE **60**
Telebridge with John Urry

PROSUMPTION. A NEW SOCIAL CREATURE **74**
Telebridge with George Ritzer

PUBLIC SOCIOLOGY IN REVIEW **92**
Telebridge with Michael Burawoy

CIVIL SPHERE vs. PUBLIC SPHERE **111**
Telebridge with Jeffrey Alexander

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЗБРАННЫЕ ПРОГРАММЫ И АННОТАЦИИ **126**
ОНЛАЙН КУРСОВ ПО СОЦИОЛОГИИ

К.П. ЛАЗЕБНАЯ **150**
ЭСКИЗ К СОЗДАНИЮ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОНЛАЙН УНИВЕРСИТЕТА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

УНИВЕРСИТЕТ УХОДИТ В ВИРТУАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

7

Перефразируя известное высказывание, можно с большой долей уверенности заявить, что тот, кто владеет современными инфокоммуникациями, владеет миром.

В понятии «инфокоммуникации» естественным образом объединяются два понятия — «информация» и «коммуникации». Таким образом, уже недостаточно просто обладать информацией или генерировать ее. Необходимо осуществлять ее перенос и распространение в заданной среде и по обусловленным целевым ориентирам.

Эти достаточно абстрактные истины, между тем, имеют прямое отношение к практике университетского образования и реализации научных проектов. Если в свое время был актуален призыв «Ни одно социологическое исследование не существует пока оно не отражено в СМИ» (М.К.Горшков, директор Института социологии РАН), то сегодня уже приходится говорить о комплексных программах распространения научного знания и передовой экспертизы в сложном информационно-коммуникационном пространстве с использованием разнообразных форм («форматов»). При этом производители образовательных и научных продуктов теперь одновременно становятся и их распространителями, владеющими всеми средствами коммуникаций. В этих условиях учебный процесс в университетах превращается в инфокоммуникационный процесс,

требующий сложных настроек, ранее не присутствовавших в арсенале университетов.

На недавнем Всемирном социологическом конгрессе в Гетеборге вопрос об инфокоммуникационном присутствии социологии в мире был поднят на новую высоту. По мысли нового президента Международной социологической ассоциации, профессора Майкла Буравого (США), электронные медиа становятся кардинальными для ведущей организации всех социологов мира. Это включает различного рода электронные бюллетени, достигающие посредством Интернета отдаленных социологических центров и факультетов, Интернет-сайт «Университеты в кризисе», превращающийся в поле обсуждения перспектив высшего образования, «портреты социологов» - трибуна ведущих мировых экспертов-социологов, обращающихся посредством электронных коммуникаций к широким слоям мирового сообщества. Программа МСА по внедрению в систему современных коммуникаций лишний раз подчеркивает значимость этого направления.

Особое измерение инфокоммуникационной трансформации гуманитарной сферы и образования связано с виртуализацией. Это процесс утраты важнейшими институтами общества их материальной «осязаемости», предметности, эмпиричности, даваемой нам в ощущениях, и переходом в электронно-цифровую-медийную-коммуникационную форму.

Для традиционалистского сознания понятие «университет» ассоциируется, прежде всего, с представлениями о комплексе зданий (кампусе), аудиториях, наполняемых студентами, руководимыми профессорами. Все представляется в конкретной материальной оболочке и непременно в режиме очного присутствия. От этих стереотипов восприятия университета теперь приходится все чаще и чаще отказываться. Университет продолжает оставаться сложно настраивающейся системой, все большую роль в которой начинают играть виртуальные отношения и процессы, т.е. опосредованные цифровыми технологиями перенесения информации и контроля.

Университет постепенно и частично уходит «в виртуал» в том смысле, что учебный процесс преодолевает физические дистанции, во многих случаях не требуя очного присутствия в одном пространстве и в одно время всех вовлеченных субъектов действия.

Коммуникативные отношения в университетской среде переходят в свое иное качество—в инфокоммуникационный онлайн.

Этот процесс носит объективный характер. Он не есть дань инновационной моде. Напротив, указанная тенденция существенно повышает эффективность всей учебной деятельности и открывает перед ней принципиально новые горизонты.

* *
*

Группа молодых социологов, работающая на кафедре общей социологии Государственного университет — Высшей школы экономики под руководством профессора Н.Е.Покровского, поставила своей целью исследовать процесс виртуализации университетских и научных коммуникаций в современном мире, смоделировать это явление, протестировать его в режиме эксперимента. Каждый из представленных в книге материалов затрагивает тот или иной аспект виртуализации учебного процесса в современном университете. Какие-то аспекты представляются самоочевидными, например, широкая компьютеризация и отцифровка учебных материалов, использование визуальных медийных средств подачи текстов и сопровождения лекций. Все большее распространение получают такие явления как продолжение диалога студента и преподавателя по учебным вопросам, переносимый в среду Интернета. Однако еще более радикальные новшества связаны с развитием дистантного образования в формате онлайн телеконференций и спутникового телевидения.

Исследованиям этих явлений и посвящена программа, промежуточный итог которой представлен в данном издании.

ЧАСТЬ 1

ИНФОКОММУНИКАЦИИ И ВИРТУАЛИЗАЦИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Д.С. ПОПОВ

ВИРТУАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Стремительное развитие коммуникационных технологий на рубеже XX и XXI веков вызвало качественные изменения в обществе. Термин «виртуальная реальность» стал своего рода символом современной эпохи. Виртуальность подразумевает наличие широких возможностей для манипуляций и построения симуляционных структур во всех областях общества - в экономике, политике, образовании.

В литературе часто встречается термин «виртуальные миры», который обозначает зоны особой символической, ценностной, социальной концентрации. Они состоят из симуляций и часто не имеют жесткой связи с материальным референтом. Пожалуй, здесь стоит сказать, что подобный подход достаточно резко отличается от того, что мы видим в философии идеальных форм Платона, где идеальное выступало своего рода основой материальной реальности, ее онтологической базой, скрытой в каждом реальном объекте. Идеальные сущности у античного философа «вдыхают

жизнь» в предметы материального мира. Так, например, идеальная сущность дерева выступает как необходимая «эссенция», спрятанная внутри каждого физического, материального дерева. Платон говорил об онтологической основе реальности, мы же стремимся показать выявить и изучить способность человека замещать актуальное при помощи виртуальных сущностей.

Современное понимание того, что такое «виртуальность» серьезно отличается от этого подхода. Виртуальность - не онтологическая основа реальности, а социальная способность человека конструировать своего рода «идеальные формы» материальных вещей или, выражаясь языком Бодрийяра, создавать симуляции.

11

О виртуальности в современном ее понимании заговорили в 70-е – 80-е годы прошлого столетия. В статье «Симулякры и симуляции» Жан Бодрийяр вводит ключевое понятие «симулякр». Он рассматривает процесс, в ходе которого знак «эволюционирует» от простой отсылки к референту до состояния «копии без оригинала», безграничного распространения копий самого себя, не имеющих к какой либо реальности никакого отношения; этот процесс продуцирует новое состояние реальности, называемое «гиперреальность» (Baudrillard, 1981). Современная культура, рассматриваемая в соответствии с таким представлением, создается средствами коммуникации, и реальность, создаваемая экранами телевизоров и компьютеров, и является самой настоящей реальностью, помимо которой для зрителя-участника не существует ничего другого. Бодрийяр ярко описывает последствия такого преобразования реальности, постоянно балансирующей на грани семиотического самоуничтожения.

Жиль Делёз обращает внимание на то, что виртуальное не противостоит реальному, оно и есть сама реальность. «Виртуальное в схоластическом понимании - это нечто идеальное, например Бог - виртуален, но это, конечно, не значит, что он возможен, - он в полной мере реален» (Делёз, 1998). Виртуальные образы не более отделимы от актуального объекта, чем последний от них. Актуальное и виртуальное сосуществуют и вступают в прямое круговращение, которое постоянно ведет нас от одного к другому. Отношение актуального и виртуального все время образует круговращение, но двумя способами: то актуальное отсылает к виртуальному как к другой вещи в широком кругообороте.

Достаточно удачное, на наш взгляд, определение виртуальности в виде таблицы-схемы было предложено Робом Шилзом (Shields, 2006):

	<i>Реальное</i>	<i>Возможное</i>
Идеальное	Виртуальное (например, воспоминания)	Абстрактное (например, концепции)
Актуальное	Конкретное (например, материальные объекты)	Вероятное (например, риски)

Пьер Леви в своей известной работе «Becoming Virtual» противопоставляет виртуальное актуальному или конкретному, отмечая при этом, что виртуальное точно также реально, как и конкретное (Levy, 2008). Шилз принимает эту оппозицию (реального и виртуального), но расширяет ее, добавляя оппозицию по второй оси: виртуальное как реальное (существующее) противопоставляется абстрактному как возможному (не существующему).

Реальное одновременно конкретно (материально) и виртуально. Точно также идеальное не только виртуально, но и абстрактно. Виртуальный офис – это не офис как его традиционно принято понимать, не помещение, но некоторый «эффект офиса», новая форма, позволяющая осуществлять офисную работу с использованием дистантных и онлайн технологий.

Следует признать, что данное определение достаточно широко, в то время как нас интересует определенный аспект человеческой деятельности – а именно социальные взаимодействия.

В современной социологии широкую известность получило феноменологическое определение реальности, данное П.Бергером и Т.Лукманом: «Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это — реальность повседневной жизни. Реальность повседневной жизни представляется мне как интерсубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интерсубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мной реальностей. Я один в мире снов, но я знаю, что мир повседневной жизни столь же реален для других, как и для меня» (Berger and Luckmann, 1966). Таким образом, «реальный

мир» - это относительно небольшое пространство, которое возможно непосредственно воспринимать здесь-и-сейчас. Все остальное становится виртуальностью.

Социологи не могли не обратить внимание на бурное развитие цифровых информационных технологий, которые по мере своего совершенствования все в большей степени приобретают виртуальный характер, начиная не отражать, а симулировать действительность. Одними из наиболее известных работ в этой области стоит признать книги Мануэля Кастельса (Castells, 2000, 2001).

13

Исследователи виртуализации подчеркивают, что логика виртуализации отвоевывает все новые и новые пространства, проникая в сферу экономики, политики, в институт семьи и др. Изменения происходят в повседневных практиках межличностного взаимодействия людей. «Перспектива того, - пишет российский исследователь Д.В.Иванов, - что отношения между людьми примут форму отношений между образами, и есть перспектива виртуализации общества» (Иванов, 2000). Виртуальность в данном контексте – это особая сфера социальных отношений.

Общество приобретает сущностные характеристики виртуальности. Виртуализацию в этом случае можно определить как замещение реальности ее симуляцией, не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности.

В каждой подсистеме общества образуются параллельные «виртуальные миры», в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества. Исследователи виртуальности видят окружающую действительность как множество «пластов», образующих сложное многомерное пространство. И образы, символы в этом пространстве обладают порой ничуть не меньшей значимостью, чем объекты материального мира. Любой материальный и социальный объект может стать симуляцией. Существуют виртуальные корпорации, телевизионные студии, виртуальная демократия, виртуальные деньги и так далее – этот список можно продолжать бесконечно.

Сегодня мы по-прежнему часто встречаемся с «традиционным» восприятием человеком собственной жизни, своей личной истории. В таком ракурсе время линейно и события представляются как набор логичных и выстроенных в цепочку актов. Визуальные объекты,

такие как фотографии, способны стать звеньями этой цепочки, помогая человеку выстроить стройную линию. В этом контексте небезынтересными представляются размышления Е.Петровской, вошедшие в книгу «Антифотография» (Петровская, 2003). Речь, в частности, идет о том, что мир выстроен вокруг клише, а посему «моя фотография» может быть заменена «какой угодно фотографией», то есть фотографией, на которой представлены чужие люди в контексте, знакомом зрителю. Готовность к воспоминанию, к обращению к личной истории предопределяет «социальный аффект». И это совсем другой ракурс. В этом случае время перестает быть линейным, оно диверсифицировано, множественно. И для создателя/потребителя виртуальности время более не является индикатором процессов и фактов.

Одновременно изменяются свойства географического пространства, которое становится пластичным. В виртуальности каждый может получить мгновенный доступ ко всем событиям и местам без физического перемещения. «*Anything, anywhere, anytime*—таков лозунг индустрии, создающей имиджи и распространяющей их, - пишет Н.Е.Покровский, - Географические показатели пространства уже не играют столь значительную роль в жизни общества, как это было совсем еще недавно. Географическое пространство все меньше и меньше является для нас первостепенным. Интернет сокращает до минимума информационные дистанции между людьми. Время, которое также претерпело изменение, перестало быть объективным, это уже не показатель процессов, фактов, это нечто другое для современного человека. Развитие медиа, которое последовало за прогрессом в науке и технике, привело к тому, что сейчас информация является одним из самых необходимых ресурсов для человека» (Покровский, 2007).

Интересна оценка иракской кампании Жаном Бодрийяром в качестве «войны, которой не было», «мертвой войны». По его мнению, логика происходящих событий не является ни логикой войны, ни логикой мира, это некая «виртуальная невероятность» военных действий. Таким образом, иракская кампания, является первой войной в истории, в которой виртуальное торжествует над реальным (Бодрийар, 2004).

Симулятивная деятельность принимает такие масштабы, что позволяет говорить об утрате устойчивости социальных структур и об ощущении призрачности и нестабильности социального бытия.

Виртуальный университет

Понятие виртуального университета совершенно различно трактуется как минимум в двух исследовательских традициях. Так, в рамках первой из этих традиций, говорится о симуляции университетских образовательных и научных практик. Академический статус становится функцией от образа компетентности, заслуживающей финансирования. В деятельности ученых и студентов все больше сил и времени отводится созданию и презентации образа, необходимого для успеха в конкурсах на получение грантов, стипендий для обучения за границей, заказов на консалтинговые услуги и т.п. Отсюда – расцвет в последние десятилетия именно тех социальных технологий, которые адекватны симуляции компетентности: исследовательские фонды, гранты, консультирование, конференции, академические обмены, перманентное образование (Иванов, 2000). С замещением вещественных объектов и реальных действий симулякрами исполнение социальных ролей ученого, преподавателя, студента становится виртуальным. Как следствие, виртуализируются иерархия научных степеней и званий (академическое сообщество), научная дискуссия (конференции, конкурсы), научное разделение труда (исследовательская/учебная организация), то есть виртуализируются университет и исследовательская лаборатория как социальные институты.

15

Вместе с тем, в другой традиции, термины виртуальный университет или виртуальное образование указывают на то, что образовательный процесс реализуется при посредничестве технологии, что приводит к иному восприятию пространства и времени (Willoughby, 2003; Brooks, 1997). В последующем изложении принимается именно такое понимание этого термина.

Почти каждый университет сегодня нашел возможности для экспериментов в области виртуального образования. Некоторыми из них движет желание повысить качество обучения, другие пытаются найти новые экономически эффективные способы для расширения и

привлечения дополнительных студентов. Виртуальный университет и виртуальное образование в более широком контексте подразумевает передачу знаний при помощи некоторых технических сред-медиаторов, таких как сеть Интернет и некоторые другие информационные и телекоммуникационные средства. Студенты и преподаватели не взаимодействуют в единой географической точке, их общение разделено в пространстве (а порой и во времени) и опосредовано при помощи технических средств. Наиболее распространенными видами виртуализации университетского образования становятся

- технологическая виртуализация, когда процесс обучения опосредован технологическими системами, такими как интернет-платформы дистанционного обучения, мультимедийные средства и другие формы информационных и коммуникационных технологий;
- географическая виртуализация – при которой аудитория учащихся распределена на больших территориях, и никогда (или практически никогда) не встречается в одном месте.

Представляется важным оценить различные модели виртуальных университетов для того, чтобы понять, какие стратегии реалистичны, устойчивы и успешны, что оказывается наиболее важным и ценным для студентов и преподавателей, при каких условиях возможно успешно реализовать эти модели.

Использование технологий в качестве посредника между студентами и преподавателями не является новым. Однако сложность, разнообразие и повсеместность технологических образовательных сред, по сути, формирует новый подход к традиционному пониманию того, что есть образование. Рассмотрим основные формы виртуализации в области университетского образования.

Web-расширение традиционного образования

Эта технология не призвана полностью заменить существовавшие на протяжении столетий методы обучения. Интернет-средства в виде библиотек, дискуссионных форумов, цифровых материалов курса, программных сред для обучающих игр дополняют обычные аудиторные лекции, семинары, консультации. Подобный подход распространен повсеместно, внедрение такого

рода средств в учебный процесс стало своего рода правилом хорошего тона в университетской среде. Каждый приличный университет старается внедрить электронную систему управления обучением (Learning Management System, LMS), которая позволяет заметно упростить коммуникацию преподавателей и студентов.

Классическое дистанционное образование

Дистанционные формы образования появились задолго до создания Интернета. Образовательные средства (учебники, ридеры, видеозаписи лекций, программное обеспечение) пересылались ученикам, что позволяло дистанционно формировать учебный процесс. Однако, эта форма образования до недавнего времени находилась на периферии университетской жизни. Появление широкополосных каналов передачи данных изменило ситуацию в лучшую сторону. Системы видеоконференций позволяют организовать непосредственное взаимодействие между учениками и преподавателями в виде интерактивной аудио-визуальной коммуникации. Становится технологически возможным проведение лекций, семинаров и других учебных занятий одновременно в нескольких местах.

17

Интерактивное web-образование

Ряд университетов (например, Университет Британской Колумбии в Канаде, Университет Дьюка в Северной Каролине, США, и другие) внедряют собственные веб-платформы, которые позволяют сформировать полностью виртуальную образовательную среду, которая доступна 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Одним из примеров наиболее успешной реализации подобной модели стал полностью виртуальный The New School University в Нью-Йорке (<http://www.newschool.edu/>). Учащемуся предлагаются полностью виртуальные курсы, платформы для обсуждений, службы, предназначенные для взаимодействия с преподавателями (консультации, экзамены и др.). При этом может симулироваться и среда взаимодействия, например с привлечением технологий популярных трехмерных онлайн-игр. Так, например, университетский кампус существует в трехмерной игровой онлайн среде SecondLife (<http://sl.nmc.org/>), участниками этого эксперимента стали несколько тысяч человек (Johnson, Levine 2008).

Выбор модели, технологических средств и стратегий внедрения технологий виртуализации в конечном итоге делается конкретным университетом, ориентирующимся на решение собственных задач и проблем. Вместе с тем, говоря об университетском образовании, необходимо учитывать пребывание учащихся в особой академической среде, в академическом сообществе, что обычно подразумевает длительное нахождение в одном и том же географическом месте, в одной точке. Среди факторов, которые оказывают наибольшее воздействие на результаты обучения, находится взаимодействие студентов друг с другом и с представителями университета (Astin, 1993), то есть по сути речь идет о той самой позитивно влияющей академической среде. Физическое отсутствие факультетов, кафедр, университетской инфраструктуры в сознании большинства фактически означает, что университета не существует. Таким образом, вопрос о возможности виртуализации образования переходит в иную плоскость, и может быть сформулирован как «возможна ли виртуальная академическая среда и виртуальное университетское сообщество»? Учитывая успешность экспериментов (например, упомянутого кампуса в SecondLife или виртуального The New School University) виртуализация университетской среды представляется вполне возможной и достижимой.

Библиография

1. Astin, Alexander W. (1993) *What Matters in College? Four Critical Years Revisited*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
2. Baudrillard, Jean. (1981) *Simulacra and Simulations* // Baudrillard, Jean (1988) *Jean Baudrillard. Selected Writings*. Edited and
3. Berger, P. L. and T. Luckmann (1966), *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Garden City, NY: Anchor Books.
4. Brooks, Michael J. (1997) *Beyond Teaching and Learning Paradigms: Trekking into the Virtual University*. *Teaching Sociology*, Vol. 25, No. 1 (Jan., 1997), pp. 1-14
5. Castells, Manuel. 2001. *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford UP.

6. Introduced by Mark Poster. Stanford: Stanford University Press. Ch.7, pp.166-184.
7. Johnson, Laurence F.; Levine, Alan H. (2008) Virtual Worlds: Inherently Immersive, Highly Social Learning Spaces. Theory Into Practice, 47:161–170, 2008
8. Levy, Pierre. 2008. Becoming Virtual. New York: Plenum Pres. P. 171.
9. Shields, Rob. 2006. Virtualities // Theory, Culture & Society 23(2–3)
10. Willoughby, Kelvin W. (2003) The Virtualization of University Education: Concepts, Strategies and Business Models. Discussion Paper #75, September 15-19, 2003. <http://it.coe.uga.edu/itforum/paper75/paper75.html>
11. Бодрийар Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. М., 1994. №3. С. 33 – 36.
12. Делез Ж.Актуальное и виртуальное // Цифровой жук, 1998, № 2.
13. Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб.: "Петербургское Востоковедение", 2000. - 96 с.
14. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
15. Петровская Е. Антифотография. — М.: «Три квадрата», 2003.
16. Покровский Н.Е. Настоящая-ненастоящая реальность // Визуальный анализ виртуальной реальности. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.

В.П.ПОЛУДИНА

СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ ИНТЕРНЕТА/РУНЕТА

(В перспективе развития инфокоммуникационных технологий в образовании)

20

В данной статье пойдет речь о социальных общностях Рунета, о динамике их развития. Мы говорим о Рунете, а не об Интернете в целом – развитие виртуального пространства имеет свои особенности для каждой культуры, об этом писали, например, Евгений Горный, сравнивая феномен виртуальной личности на Западе и в России [6]; или Роман Лейбов, сравнивая метафоры, описывающие Интернет в англоязычной и русскоязычной картинах мира [14]. Но это не значит, что нет общих тенденций, характерных для всего Интернета, – нам видится, что динамика развития общностей Рунета объясняется, с одной стороны, глобальными процессами в сети (например, значительное увеличение доли видео-трафика), и, с другой стороны, российской спецификой. В целом же понятия Интернет и Рунет в статье не противопоставлены друг другу.

Интернет – быстро развивающийся объект, поэтому мы не можем позволить себе рассматривать его в статике. Практически каждые 3-4 месяца в нем происходят разного рода изменения, от функциональных до системных. Именно поэтому мы ставим акцент на динамике развития социальных общностей Рунета– они постоянно трансформируются. Например, на данном этапе развития наличие социальных сетей, блогов и других способов взаимодействия стало социальным фактом. Вслед за этим к концу 2009 года исследователи заметили, что в Рунете выросло число «закрытых» тематических сообществ как на основе отдельных сайтов, так и внутри многопользовательских порталов [15]. Что будет дальше с этими общностями, каков их генезис, их внутренняя структура, механизмы, обеспечивающие целостность группы, насколько они прочны, как рекрутируются их члены?

В данной статье мы пользуемся групповой парадигмой, описанной Петром Штомпка [22], которая включает в себя такие разновидности социальных общностей: популяцию, статистическую категорию, социологическую категорию, социальную категорию, социальную группу и, наконец, социальную организацию. В данной работе мы видим необходимость рассматривать развитие социальных общностей Рунета с использованием элементов нескольких социологических парадигм – структурного функционализма, символического интеракционизма, феноменологии теории структуризации.

Популяция – это множество пользователей Рунета; статистическая категория – это множество пользователей Рунета, обладающих сходными чертами (социально-демографическим профилем в особенности); социологическая категория – множество пользователей Рунета, обладающих сходством сущностно важных черт. Социальная категория – это множество пользователей Рунета, не только обладающих сходством сущностно важных черт, но и осознающих свою общность и отличие от других общностей. Социальная группа же – это множество пользователей, не только обладающих и осознающих все вышеперечисленное, но и активно взаимодействующих между собой. Социальная организация же в данной иерархии последняя – пользователей Рунета в социальной организации связывают социальные отношения.

Относительно социальных общностей в Интернете, в том числе в Рунете, нас интересуют процессы их кристаллизации и деконструкции. Под кристаллизацией мы понимаем процесс усложнения социальной общности (от популяции к организации), а под деконструкцией, наоборот, упрощения.

Наибольшее внимание мы уделяем выявлению социальных групп в Рунете, то есть таких общностей, которые не только обладают схожими, в том числе сущностно важными, чертами, не только это осознают, но и взаимодействуют друг с другом. На наш взгляд, в Интернете линии демаркации между разновидностями социальных общностей более размыты, чем в реальной жизни, поэтому социальная категория и социальная организация также будут рассматриваться нами в исследовании.

Процессы развития социальных общностей могут быть обусловлены огромным количеством факторов. Одним из ключевых факторов являются медиа коммуникации. Коммуникация – процесс

передачи информации, в котором взаимодействуют два и более субъекта. Просто передача информации, когда неизвестно, была ли она воспринята адресатом, не будет являться коммуникацией. Регулярные и осознанные коммуникации, если говорить о социальных общностях, возникают на уровне социальных групп, члены которых взаимодействуют друг с другом. Тем не менее, стоит выделить как минимум два уровня коммуникации – межличностная коммуникация и медиа-коммуникация. Проблематика межличностных коммуникаций разработана в направлении символического интеракционизма (Чарльз Кули, Джорж Герберт Мид, Герберт Блумер); в феноменологическом направлении социологии и экзистенциализме (Эдмунд Гуссерль, Альфред Шюц, Жан Поль Сартр, Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Хосе Ортега-и-Гассет). Говоря о массовой коммуникации, прежде всего, необходимо назвать Гарольда Лассуэлла, Пола Лазерсфельда, Маршалла Маклюэна, Николаса Лумана.

В данном исследовании под медиа коммуникациями в Интернете (Рунете в частности) мы подразумеваем любую коммуникацию в сети, происходящую в «публичной области» - в чатах, на форумах, в блогах, в социальных сетях и в более широком смысле – между посетителями того или иного сайта и т.п. Исключаются только те коммуникации, которые строго межличностные – по почте или в приватной переписке через сервисы общения. Хотя необходимо понимать, что существуют пограничные формы. Медиа коммуникации воспринимаются нами, вслед за Николасом Луманом, как то, что участвует в формировании социальных общностей и обеспечивает их аутопойезис. Глобализация привела к появлению локальных социальных структур, обладающих свойством самовоспроизведения, что требует от социологов поиска новых подходов к их изучению [11].

Социальные общности в Рунете: от субкультуры к популяции

Мы не можем объединить людей в социальную группу только на основании того, что они все имеют доступ к компьютеру, подключенному к Интернету, и каким-то образом совершают интеракции в виртуальном пространстве. Являются ли пользователи Рунета популяцией или все же пока статистической группой? Нам видится, что, несмотря на пока что низкий коэффициент проникновения Интернета в России - на уровне 37%, что не

репрезентует всего населения [28], приход массового пользователя в сеть, отмечаемый экспертами, может говорить о том, что общность пользователей Рунета деконструируется из статистической группы (которой она являлась, когда доступ в сеть имел высокий показатель корреляции с возрастом, доходом, полом, регионом проживания, уровнем образования) в популяцию. Таким образом, мы можем исследовать вопрос о формировании виртуальной популяции, внутри которой есть меньшие общности. Хотя этот процесс еще только начинает разворачиваться во времени.

На заре Интернета исследователи говорили о субкультуре пользователей Интернета [20], для которой характерны идеи «киберпанка», во многом близкие к постмодернистской философии. Сейчас мы, как было сказано выше, не можем говорить об этом в настоящем времени, тем не менее, некоторое знание о такой предыстории необходимо для понимания сегодняшней ситуации.

Кибернетические представления об обществе

Предпосылки развития социальных общностей Интернета относятся ко времени, когда Интернета еще не было – это 1940-50-е годы. Основоположник кибернетического направления в социологии Норберт Винер в своей работе «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» развенчивает стереотип о том, что раз общество больше индивида, то оно должно обладать доступ к большему количеству информации, чем он. Возможно формирование таких общностей, члены которых имеют одинаковый доступ к целому. Однако общество, основанное на купле-продаже, по словам Винера, делает вторичные стороны средств распространения связи основными (реклама и пр.), что требует ограничения доступа к информации [3]. Это направление критического отношения хорошо разработано теоретиками Франкфуртской школы и другими неомарксистами. Первая субкультура пользователей Рунета разделяла воззрения Винера.

Ситуационизм, психоделика, киберпанк

После Винера мы должны назвать имена представителей теории ситуационизма и ее последователей (1950-60-е годы) Марселя Мосса, Жоржа Батая, Ги Дебора. Они предложили свой подход к экономическим отношениям, в рамках которого информация должна была выступать тем, что обмениваться

бесплатно, как дар – говоря в терминологии ситуационистов – по принципу потлача. Дело в том, что Марсель Мосс изучал социальное поведение индейцев и именно у них увидел такое явление. На самом же деле, если обратиться к истории древнего мира, в частности к современному нам ученому Васильеву Л.С., то в его книге «История Востока» мы найдем информацию о том, что принцип «дара и отдара» свойственен всем древним обществам по мере их развития. Поэтому когда современные мыслители называют общности в сети «неотрайбами» [7], мы имеем право учитывать такой взгляд.

Однако ситуационизм не долго был популярен в общественной мысли, и последующий период 1960-70-х годов ознаменован постмодернистской рефлексией на симулякры, введенные Ж.Бодрийяром. Мейнстримовые философы преподносили идеи несвободы распространения информации как естественное явление (как-то адепты психоделии, пост-структурализма и т.п. – их перечисляет Вербицкий М. в своей книге «Антикопирайт».

Следующий виток развития – конец 70-х годов. Появление панка породило идеи в культурной среде, прежде всего в музыкальной, связанные с декларацией независимости, что продолжалось до начала 1990-х годов. С этого момента мы можем наблюдать все большую коммерциализацию всего и вся, и, наконец, новый виток – вторая половина 2000-х годов, наше время [18].

Массовый пользователь Рунета

Первые общности Рунета, таким образом, декларировали свою независимость, однако хватило без малого 10 лет, чтобы сперва в Интернете появилось несколько субкультур пользователей, а затем в ногу с коммерциализацией в сеть пришел массовый пользователь [18]. Каков он, чем он отличается от своих предшественников?

Одно из основных отличий – в том, что массовый пользователь участвует в инфокоммуникациях лишь как «копировальщик». Если первые пользователи Рунета были творцами нового, то массовый пользователь ничего не создает, а только потребляет – скачивает и/или копирует чьи-то картинки, музыкальные записи, фильмы, слова и т.п. И копирование выступает интеракцией, копирование символично – потребление того или иного медиа массовым пользователем, таким образом, является показательным при изучении социальных общностей Рунета.

Однако так как генезис этих общностей уходит в общество «потлача», чему мы уделили столь пристальное внимание выше, мы можем выделить феномен не восприятия информации как товара. Прошлые исследования автора показали, что большинство пользователей Рунета видят его как бесплатный источник информации (весной 2010 года был проведен массовый Интернет-опрос с выборкой 508 респондентов среди активных пользователей Интернета (97% - пользуются Интернетом каждый день)).

Статистические группы Рунета

Осенью 2009 года компания TNS Россия провела исследование о социально-демографическом профиле аудитории Рунета: согласно представленным данным, в составе месячной аудитории Рунета старше 12 лет преобладают мужчины и женщины 25-34 лет. Доля работающих пользователей Рунета составляет 59%. Чаще всего интернет-пользователи в РФ на вопрос о доходах отвечают «средний». В количественном представлении в Рунете больше всего учащихся (6,2 млн) [19].

Если сравнить общность пользователей Рунета с общностью всего Интернета, то мы увидим, что в общности пользователей Рунета доля людей с высшим образованием представлена излишне по сравнению с общностью Интернета[27].

Прошлые исследования автора показали, что такие параметры, как пол, возраст, принадлежность субкультуре, влияют на выбор Интернета как основного источника медиа. Исследование проводилось на примере потребления кинопродукции. Весной 2010 года был проведен массовый Интернет-опрос с выборкой 508 респондентов среди активных пользователей Рунета (97% - пользуются Интернетом каждый день). Был проведен поиск взаимосвязи между переменными социально-демографических характеристик респондентов и предпочтением ими Интернета в качестве основного способа просмотра кино. В результате проведенного анализа нулевая гипотеза о том, что связи нет, отвергается на уровне значимости $p \leq 0,01\%$; $\text{sig} = 0,01$ относительно таких характеристик как пол и возраст. Мужчинам более свойственно обращаться к медиа через Интернет, чем женщинам; тоже касается и возрастной группы до 24 лет, которая оказалась наиболее активной в потреблении кино через сеть. Что касается материального положения, есть небольшая зависимость: чем ниже

доход, тем больше люди пользуются Интернетом, однако, эта зависимость слабая – слабее, чем рисуют ее, например, правообладатели.

Категории общностей Рунета: социологические и социальные

26

Внутри общности пользователей Рунета мы можем выделить также большое количество социологических категорий. Актуальными представляются три вопроса в этом направлении. Во-первых, это сравнение Интернета и реального мира. Какие социологические категории не представлены в сети? Почему? Будут ли они представлены в будущем?

Во-вторых, разные социологические категории представлены в сети по-разному. В этом вопросе мы сталкиваемся с тем, что социологические категории и социальные категории оказываются очень близки, грань между ними размывается. Например, известный факт, что люди, которые по специфике своей работы сталкиваются с вопросами информационной безопасности, контроля сетей (это системные администраторы, хакеры, веб-разработчики и пр.), предпочитают представлять о себе минимум личной информации в сети, так как они по долгу службы представляют, как легко получить доступ к этой информации, которая рядовому пользователю кажется закрытой от посторонних. Люди же менее грамотные в области интернет-технологий склонны меньше задумываться о конфиденциальности личной информации. Зачастую они пишут в блогах «без замка» очень личные вещи, не закрывают доступ к альбомам вконтакте с весьма интимным содержанием и т.п. Причем именно это люди зачастую становятся жертвами как хакеров, так и людей из разных тематических сообществ, тематика которых строится вокруг «стеба» – участники собирают из чужих аккаунтов фотографии, которые на их взгляд демонстрируют глупость авторов (фотографии с ангельскими крылышками, получившие название «какангелы», или в туалете – «туалетная фея») и выкладывают в сообществах, где аудитория обсуждает детали умственного развития авторов и моделей. Вряд ли можно отнести сисадминов или «какангелов» (которые даже не знают о такой своей идентичности, хоть она и возникла в результате технически опосредованной отложенной во времени коммуникации) к социальным группам или

категориям. Скорее, речь о социологической категории. А вот участники высмеивающих их сообществ это уже общность на границе социальной категории и социальной группы. Назвать это социальной группой в полной мере нельзя, так как контакты и взаимодействия с себе подобными носят регулярный и осознанный характер лишь у части сообщества, всегда есть пассивная аудитория.

Третье по порядку, но не по важности - это выделение наиболее значимых социологических категорий для того или иного периода развития Рунета. Зачастую значимость придается тем или иным социологическим категориям в период обострения конфликтов. Примером может послужить конфликт вокруг держания крупных собак в городских квартирах, разгоревшийся около года назад на просторах сети. В результате этого конфликта обрели значимость социологические категории владельцев собак и противников собак. В результате дискурса родились новые словоформы и большое количество стереотипов. Противники собак именовали владельцев собак «шанечками», предпочтение кошки как домашнего животного приравнивалось к негативному отношению к собакам. В целом из-за казалось бы детского вопроса о том, любите ли вы собак или кошек, общность Рунета разделилась на два враждующих лагеря. В целом, обострение значимости социологических категорий связано чаще всего с политическими вопросами, так как Рунет в целом пока что политизирован. Фиксация значимых социологических категорий в динамике их развития может быть интересной для исследования формирования Интернет популяции и ее взаимодействия с реальным миром. Не малую роль в придании значимости тем или иным социологическим категориям играют медиа коммуникации.

Мы уже сказали выше о размытости границ между разными типами социальных общностей. Может ли негативная референтная группа не только участвовать в формировании идентичности индивида через виртуальную социализацию [22], но и в формировании целых социальных групп? Этот вопрос очень актуален для Рунета, так как количество негатива в нем зашкаливает. На наш взгляд, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Вполне вероятно, что в сети есть некоторые социологические и социальные категории, к которым большинство популяции относится негативно. Например, сотрудники милиции, правительство, но и это спорно, во-первых, а во-вторых, это больше внешние по отношению к виртуальному пространству категории. Среди именно сетевых

категорий также есть свои «изгои». Если зайти на сайт lurkmore.ru, то в разделе можно найти типологию сетевых персонажей. Эта типология – не что иное как набор социологических и социальных категорий, как то «нерды», «гики», «тролли» и т.п. Среди персонажей есть и такие, которые вызывают неоднозначное отношение к себе (кто-то реагирует положительными санкциями на «нердов», кто-то отрицательными), а есть априори презируемые персонажи, например «тупая п**а». Мало того с течением времени те или иные общественные санкции могут меняться. Если в начале 2000-х исследователи виртуальной идентичности отмечали, что такой тип как «тролль» всегда наказывался отрицательными санкциями [1], то сейчас отношение к «троллям» несколько изменилось, и есть ситуации взаимодействий, когда поведение тролля встречается положительными санкциями. Соответственно исследование изменения общественных санкций в отношении тех или иных категорий и групп выступает также перспективным.

Социальные группы Рунета

Социальные группы Интернета интересны тем, что их поведенческая составляющая обретает как бы двухмерное представление. Контакты и взаимодействия, необходимые для того, чтобы общность была социальной группой, могут происходить как в сети, так и выходить за ее рамки. В прошлом Рунета знакомства в сети, перетекающим в оффлайн, уделялось особое внимание – здесь имеют место различные вариации: встречи форумов, фанатов, сайты знакомств и т.п. Сейчас это не представляет такого интереса, как тогда, когда Рунет был новинкой, новой игрушкой [1]. Сейчас для активных пользователей сети границы виртуального и реального миров стираются, Интернет становится привычным инструментом, что при этом не отменяет его специфики. Группы, общение которых не выходит за рамки сети, очевидно отличаются от групп, чье общение многомерно. Интересно, что является сдерживающим фактором, не дающим общению выйти за рамки сети, помимо географической отдаленности участников группы. Интересно, какие социальные группы более устойчивы – одномерные (чисто сетевые) или многомерные (онлайн+оффлайн). Всегда ли потеря измерения оффлайна ведет к деконструкции социальной группы?

Является ли общение в социальных группах в Интернете средством или самоцелью, не бывает ли, что группы консервируются

в себе – «развивается связанное традициями священное общество, характеризующееся неофобией» [16]?

Социальные группы принято делить по размеру на крупные, средние и малые, граница здесь нечеткая, особенно в Интернете. Динамика развития Рунета показывает, что размеры той или иной группы подвержены флуктуациям, в зависимости от многих факторов. Выявление факторов, обуславливающих флуктуации размера социальных групп в виртуальном пространстве, видится перспективным направлением исследований в социологии.

Различные исследователи, говоря о социальных группах в Интернете, называют такие как «интеллектуальные секты» [15], «неотрайбы» [7] и др. Под интеллектуальными сектами подразумеваются не секты в их привычном понимании, а тематические сообщества, построенные на основании принадлежности какому-то закрытому, немассовому знанию. Исследование этого феномена также представляется интересным.

Очевидно, что интерес представляет не только выделение социальных групп в Интернете, но и их описание. Когда Интернет только появился в России, первые пользователи были достаточно однородной группой, об этом мы уже говорили в первом параграфе, поднимая вопрос о популяции пользователей сети. Сейчас же социальных групп в Интернете, в Рунете в частности, великое множество - от группы коллег, организовавших для себя чат, до участников альтернативной политической партии, общающихся на своем форуме.

Классификация социальных групп Рунета

Здесь мы снова ссылаемся на Петра Штомпку, а также на Роберта Мертон и Георга Зиммеля. Мертон выделял 26 критериев для классификации социальных групп [17], Штомпка среди них отбирает 8 основных: 6 объективных - численность, прочность, способ рекрутирования членов, интенсивность участия, выгода от членства в группе, уровень организованности; 2 субъективных - идентификация индивида с группой и отношение индивида к группе [22]. Все эти критерии важны для описания социальных групп в Интернете, виртуальное пространство в свою очередь привносит новые грани в понимание этих критериев.

Например, рекрутирование членов в группы может оказаться более очевидным и технически опосредованным, чем в реальном

мире. Такое явление можно наблюдать на форумах, в сообществах или группах социальных сетей, где существуют приватные разделы, доступные только избранным. Наличие доступа определяется технически, на просторах сети зачастую разгораются конфликты на почве действий модераторов.

Численность социальных групп в Рунете

Отдельно стоит коснуться численности. Георг Зиммель называл цифру 20, характеризующую количество членов группы, после которого теряется непосредственное знакомство партнеров, интимность, и появляется формализм и анонимность [10]. Действует ли это правило на социальных группах в Интернете? Вне зависимости от ответа на вопрос, в сети возможно присутствие меньших по численности групп с анонимным участием и наоборот - больших групп, где возможно непосредственное знакомство партнеров – Интернет позволяет «разбивать» групповое взаимодействие на межличностные..

Феномен «личной информации»

Общаясь в Интернете, индивиды пользуются техническими средствами, зачастую предполагающими указание личной информации - пола, возраста, интересов, фотографий и т.д. Исследователи больше обращают внимание на отклонения от реальной жизни - когда у пользователя формируется виртуальная идентичность: он предстает человеком другого пола или возраста, как-то изменяет свои реальные данные. Это довольно изученный феномен и, к тому же, на наш взгляд, несколько потерявший свою актуальность. В сеть пришел массовый пользователь, игра воображения и творческий подход к конструированию своего сетевого образа отходят на задний план. Сейчас больше интересно то, что мы можем без «интимной» коммуникации узнать о партнере очень многое - то, что в реальной жизни могли бы узнать лишь при длительном и доверительном взаимодействии. Это любая информация, начиная от любимых книг, кончая фотографиями из отпуска. Ведь при должном уровне наблюдательности даже из таких скудных фактов можно сделать много выводов о человеке. С одной стороны, это снимает некоторые ненужные вопросы, с другой стороны, это и лишает людей возможности «притереться» друг к другу, ведь общие вопросы, ответы на которых можно найти на

странице личной информации, в реальной жизни дают людям время наладить правильное взаимодействие друг с другом. Также есть другой аспект этого феномена «личной информации» - формирование стереотипов о людях. Очевидно, что в нескольких абзацах текста, размещенных в вебе, сложно дать представление о глубине человеческой личности. Тем более, что не все готовы обнародовать самое интимное о себе - даже не с целью сконструировать что-то иное, а просто в силу закрытости (кто-то, как мы писали выше, из соображений безопасности). Таким образом, воспринимающая сторона предполагает, что знает партнера, а на самом деле, нет. На групповом уровне это имеет большое значение. Интересен сам принцип, по которому люди формируют «личную информацию» - очень часто такая информация содержит ярлыки, которые отсылают нас к той или иной социальной группе. Формируются различные наборы часто упоминаемых интересов, цитат и пр., характерных для конкретных групп. Это в чем-то даже представляет более «чистый» вариант символического взаимодействия [24].

Киберсоциализация

Субъективные критерии также весьма актуальны, в связи с ними мы поднимаем вопрос о социализации в Интернете. Этот вопрос уже довольно давно находится под пристальным вниманием исследователей, но следует отметить, что в большинстве своем это психологи, которые подходят к вопросу «киберсоциализации» с точки зрения личности, а не социальной общности.

Первичные и вторичные социальные группы в Рунете

Помимо этого нас интересует выделение первичных и вторичных групп (описанное Чарльзом Кули [22]), в Рунете, что достаточно близко к вопросу социализации. Некоторые исследователи выделяют первичную и вторичную социализацию в Интернете, причем их порядок может не соответствовать тому порядку, который присутствует в реальной жизни. Примером несоответствия по критерию интимности может служить форум, где новичок имеет доступ лишь к открытым разделам, и лишь с повышением своего статуса в группе приобретает возможность доступа к более приватным разделам. Пример с форумом может показаться устаревшим (хотя некоторые исследователи говорят о

возвращении к этому типу коммуникации после бума социальных сетей). Соответствие наблюдаем в социальных сетях - сперва пользователь попадает в пространство «друзей», затем в менее интимные группы по интересам. Однако в целом в сети могут быть совсем разные сценарии. Например, пользователи со стажем, освоившие сеть еще до появления социальных сетей, свою первичную социализацию прошли на тематических форумах и т.п., и лишь после этого оказались в пространстве общения не тематического, а просто контакта ради - того, что во всех форумах выносили в раздел «для флуда» и наказывали негативными санкциями в не предназначенных для этого разделах. Таким образом, в виртуальном пространстве нет строгой очередности социализаций, и есть множество сценариев. Предположительно, то, какова была социализация индивида в сети, влияет на то, с какими группами он себя идентифицирует, каковы его отношения к различным группам и, наконец, каковы его роль и статус в группе. В целом, интересен вопрос, что детерминировано сценарием социализации в сети.

Социализация и идентичность в Рунете

Как и в обычной человеческой популяции, внутри виртуальной популяции индивиды проходят социализацию. Особенность Интернета заключается в том, что им можно пользоваться и будучи не вовлеченным во взаимодействие с другими людьми, то есть и не проходить социализацию, однако за последние несколько лет функция общения, и так не самая последняя в сети, стала гиперактуальной. Социализация в Интернете, с одной стороны, может рассматриваться как вторичная социализация посредством медиа, с другой стороны, может быть рассмотрена как отдельный вид социализации.

В социализации выделяют два уровня – первичный и вторичный. Очевидно, что в киберсоциализации мы также можем выделить два уровня, об этом уже было сказано выше.

Проблему социализации поднял еще Эмиль Дюркгейм в работе «Самоубийство», описывая явление аномии – разрыва связей с обществом [8]. Однако для Дюркгейма общество первично по отношению к человеку, что сомнительно для современной социологии: «на самом деле социализация позволяет человеку оказывать активное воздействие на окружающую культурную среду

вместо того, чтобы превращать его в запрограммированный автомат» [5]. Для рассмотрения виртуального общества все же важно учесть, что его техническая опосредованность задает некие строгие (или не очень строгие) рамки для взаимодействия, что может трактоваться как «первичное» по отношению к человеку.

Тем не менее, более близкими к поставленной проблематике теориями являются теория социального интеракционизма и возникшая во многом под ее влиянием феноменологическая социология. «Организованное сообщество (социальную группу), которое обеспечивает индивиду единство его самости, можно назвать обобщенным другим. Установка обобщенного другого есть установка всего сообщества» [24]. В частности, современные исследователи отмечают, что «виртуальное сообщество лучше всего рассматривать с точки зрения феноменологии». Однако надо отметить, что рассмотрение именно вопросов формирования виртуальной идентичности хорошо разработано в области психологии, множество авторов пишут о личности в виртуальном пространстве. Однако же нас больше волнует вопрос не только о личности, но и о социальной группе, ее функционировании внутри виртуального пространства, формировании групповой идентичности и социализации личности внутри этой группы.

Роли и статусы в социальных группах Рунета

Если мы рассматриваем социальные группы Рунета как агенты социализации, то мы должны понимать, какие социальные роли предлагают эти группы. Интересен феномен, на который уже обращали не раз внимание психологи, это нереализованность человека в реальной жизни как фактор активного обращения к сетевому взаимодействию. С точки зрения социологии можно говорить о том, что человек, у которого нет той или иной социальной роли в реальной жизни, например, лидера, обретает ее через социализацию в Интернете. Собственно, здесь нет какого-либо особенного свойства Интернета - тоже самое можно сказать про мотивы некоторых людей, находящих себя в сектах, партиях и прочих альтернативных организациях, где не ставшие начальниками на работе могут стать главами придуманных орденов и т.п.

В социальных группах Рунета, как и в неvirtуальных группах, можно обнаружить все стандартные роли от лидера до аутсайдера. Интересен вопрос, можно ли выявить обратную связь между ролями

реальной и виртуальной жизни - всегда ли первостепенные роли в сети указывают на второстепенные или маргинальные в жизни, и наоборот, лидеры в реальной жизни всегда ли не уделяют внимания взаимодействию в сети, получая второстепенные роли, или они стремятся добиться первого места везде? Эти вопросы неоднозначны, здесь необходим многоуровневый анализ мотивов обращения к сети.

Тем более, хоть Энтони Гидденс и указывает на то, что социальная роль - это не функция, навязанная индивиду, критикуя структурно-функциональный подход, и говорит о том, что человек сам конструирует свои роли [5], необходимо учесть, что мотив как элемент конструирования роли не всегда приводит к достижению цели. Это также интересует нас при рассмотрении взаимовлияния индивида и группы - не каждый, претендующий на роль лидера в социальных группах Интернета, им становится. По сути, это одна из причин обилия негатива в виртуальных взаимодействиях - ссор между партнерами, взаимных оскорблений - проявление спора за лидерство в той или иной группе.

В-третьих, так как пространство Интернета допускает высокий уровень анонимности при желании, а также отказа от взаимодействия - никто не мешает индивидам менять группы, в которых происходит их общение, интересно, каким образом в группах все равно формируются второстепенные роли, роли изгоев и другие негативные роли? Почему даже там, где возможно уйти от подчиненного положения, часть пользователей в нем находится?

В-четвертых, до сих пор мы говорили о внутригрупповой иерархии, однако же Интернет позволяет формироваться группам, построенным без иерархического принципа. Один из ярчайших примеров - «двач» - чат, в котором все, абсолютно все пользователи «анонимусы». Изначально это было задумано для того, чтобы никто за счет своего «ветеранства» (долгого присутствия) в чате или созданного благодаря предыдущим дискуссиям образа авторитета не мог иметь более весомое мнение, чем другой пользователь. По сути никто не знает, кто пишет, все равны. Пользователи, пытающиеся себя идентифицировать - например, дающие ссылки на свои личные странички или другие ресурсы, откуда косвенным образом можно установить их личность, наказываются негативными санкциями. Но у каждой медали две стороны - полная анонимность дает чувство безнаказанности, поэтому взаимные оскорбления без

опаски ответить за слова, очень распространены на «дваче». Безусловно, «двач» - явление скорее предыдущего периода развития Интернета, сегодня анонимность практически исчезла из сети.

Специфика Интернета. Гипертекстуальность и мультимедийность

Пространство Интернета создает мультимедийную коммуникативную культуру. Спецификой ее является то, что вместо линейного сообщения мы имеем гипертекст. «Согласно книге Маршалла Маклюэна «Галактика Гуттенберга» (1962), после изобретения печати преобладал линейный способ мышления, но с конца 60-х ему на смену пришло более глобальное восприятие - гиперцепция - через образы телевидения и другие электронные средства» [23]. Таким образом, социальные общности в Интернете формируются в контексте различных медиакоммуникаций. «Человек из читателя превращается в пользователя мультимедийной ОКС, оперирующего письменной и устной речью, изображениями любых видов, кино- и видеороликами, таблицами и схемами, созданными компьютером по его требованию» [21].

Прошлые исследования автора в данной области показали, что зачастую социальные группы формируются вокруг тематических сайтов с мультимедийным контентом, причем, какой именно это контент – не важно, важна его связь с темой, идеей, идеологией. Опрос, проведенный среди владельцев некоторых сайтов, представляющих субкультуры, или их активных помощников, показывает, например, то, что некоторые используют контент не только как самоцель, но как «иллюстрацию к идее». «Медиа не только транслируют информацию, они «конструируют реальность», создавая знаки и образы, отсылающие человека не к его чувственному опыту, а непосредственно к опыту потребления медиа («симулякры» Ж. Бодрийяра)», - пишет Евгений Лапин в своей статье «В поисках реальности: анализ репрезентации» [13].

Визуализация

Энтони Гидденс говорит о том, как появление Интернета реорганизовало пространственно-временной континуум социального взаимодействия, и ставит вопрос о том, что нового принесли технологии [5]. Надо заметить, что он оформляет свои

идеи еще тогда, когда Интернет представлял собой гипертекст и включал в себя довольно мало визуальной информации, особенно видео. Поэтому Гидденс упоминает Бодона и Молоча, которые отмечают отсутствие визуального контакта у партнеров при взаимодействии [5]. В наше же время ситуация изменилась. По прогнозам компании Cisco Systems, представленных в Cisco Visual Index, опубликованном в 2009 году и содержащим перспективы развития видео-трафика в глобальной сети до 2014 года, доля его будет постоянно увеличиваться, и к 2014 году составит 91% мирового трафика [29]. Причем дело не только в том, что видео больше «весит», но и в его растущей популярности. К видеотрафику в том числе относится и способы коммуникации, когда вы видите своего партнера. Безусловно, здесь нельзя говорить о полном контакте «глаза в глаза», но это уже иная ситуация, нежели зафиксированная Гидденсом 10 лет назад.

Интерактивность

Интерактивность позволяет создать дискуссию, а также сгруппировать аудиторию по принципу действия, как отмечает Елена Заяц в своем исследовании «Реалитишоу и Интернет: способы репрезентации и способы присутствия». Елена Заяц пишет о появлении новой категории «действие желания» [9], суть которой заключается в том, что в процессе коммуникации между медиа и реципиентом возникает совсем иная, нежели привычные, идентификация реципиента – он встраивается в определенную общность, сформировавшуюся среди аудитории, и соответственно этой общности стремится совершить какое-то действие. Под действием подразумевается оставить комментарий, поучаствовать в голосовании. Таким образом, интерактивность Интернета играет свою особую роль для общностей Интернета. По данным прошлых исследований автора, тематические сайты, вокруг которых формируются социальные группы — это своего рода «фильтры контента» и агрегаторы информации, в основном и так имеющей хождение, актуальной именно для данной общности, выделяющие из общего потока нужное именно ей.

Функции Рунета

В прошлых исследованиях автора были исследованы функции Интернета с точки зрения потребления медиа на примере

кинопродукции. В ходе массового опроса, о котором уже говорилось выше, мы воспользовались проективной психологической методикой: респондентам задавался открытый вопрос о том, с чем у них ассоциируется Интернет как источник кино. В результате был получен массив из 1900 слов. Всего было выделено порядка 500 различных словоформ, за исключением предлогов, союзов и частиц. Затем все эти словоформы были группированы в несколько категорий. Группировка проходила в несколько этапов. На первом этапе получилось порядка 50 категорий, на втором 25. И, наконец, было выделено 4 ключевых направления, которые были названы больше, чем 10% респондентами.

Анализ ассоциаций показывает, что на первом месте стоит такая функция Интернета, как хранение информации. «Библиотека» (здесь же: «видеотека», «фильмотека», «фонд», «коллекция», «склад», «хранилище», «кладовая», «камера хранения» и т.д.) предполагает, что в Интернете хранится большое количество информации, достаточно упорядоченно. Этого нельзя сказать ни про какое другое медиа.

Вторая ассоциация также указывает на обилие информации, однако мы выделили ее в свое направление, так как речь идет о неупорядоченности информации и о том, что не вся информация полезна. «Свалка» - здесь же «хлам», «мусор», «помойка», «бардак», «не разобранный стол с бумагами», «темная комната, где ищешь второй носок», «винегрет», «женская сумочка, где все есть, но ничего не найдешь», «творческий беспорядок», «море», «песчаный карьер», «среди навоза одна роза», «мешок гороха с одной-двумя жемчужинами». «шляпа фокусника», «ящик Пандоры» и т.п. То есть в Интернете поиск не так прост, и чтобы найти то, что интересно, необходимо стараться – Интернет завален произведениями массового формата, а чтобы найти что-то немассовое, нужно перебирать песчинки и копать вглубь. Но при этом это немассовое там есть, в отличие от других медиа, где его в принципе нет.

Третья же группа ассоциаций объединена под названием «ноосфера» - здесь же: «энциклопедия», «цивилизация» «просветитель», «свободный», «бесплатный», «доступ», «всеобъемлющий» и т.п. Смысл в том, что Интернет открывает доступ к достижениям всего мира, охватывает все и при этом свободен и общедоступен.

На четвертом месте «пробник» - здесь же: «вывеска», «превью», «каталог», «картотека», «база данных» и т.п. Смысл в том, что Интернет не столько хранилище, но указатель того, где что хранится. В Интернете можно узнать, где идет какой фильм, можно посмотреть трейлер и сам фильм и решить, стоит ли идти на это в кино.

Заключение

38

В данной статье мы перечислили основные направления исследований в рамках изучения динамики развития социальных общностей Рунета. Мы описали групповую парадигму, которой мы пользуемся для их описания. Интернет же – это воплощение новой информационной эпохи, что было сформулировано Мануэлем Кастельсом. Без учета этого нового медиа невозможен процесс перехода к построению нового общества в России, - писал он в предисловии к русскому изданию своей книги «Галактика Интернет» еще в 2004 году [12].

Нам видится перспективным исследование динамики развития социальных общностей Рунета, их кристаллизации и деконструкции. Наибольшее внимание, на наш взгляд, стоит обратить на социальные группы, сформировавшиеся внутри сети. Помимо этого есть ряд других важных вопросов, которые могут стать основой для гипотез дальнейших исследований – например, гипотезы о том, что общность пользователей Рунета является популяцией (а не субкультурой, как считалось ранее). Другое не менее важное направление исследований состоит в определении роли медиа в формировании социальных групп в Интернете.

Библиография

1. Белинская Е.П., Жичкина А.Е. Стратегии саморепрезентации в Интернет и их связь с реальной идентичностью URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy>
2. Бондаренко С.В. Социальная общность киберпространства, 2002 URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/c5544a701b75c0b7c3256d570040b854>
3. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине URL: <http://grachev62.narod.ru/cybern/contents.htm>

4. Галкин Д. Виртуальный дискурс в культуре постмодерна // Критика и семиотика. Вып. 1-2, 2000. С. 26-34. URL: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs12galkin.htm>
5. Гидденс Э. Социология /При участии К.Бердсолл: Пер. с англ. Изд 2-е, полностью перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 632 с.
6. Горный Е. Виртуальная личность как жанр творчества (на материале русского Интернета) \\ URL: <http://www.netslova.ru/gorny/vl.html>
7. Гуцуляк О. Нас спасут «иные» общности? 2010 URL: <http://politiko.com.ua/blogpost5572>
8. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд [http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Sociolog/Durkgeim/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/index.php)
9. Заяц Е. Реалити-шоу и Интернет: способы репрезентации vs. способы присутствия URL: http://www.ruhr-uni-bochum.de/russ-cyb/library/texts/ru/zajac_realityshow.htm
10. Зиммель Г. Социальная дифференциация: социологическое и психологическое исследование. Расширение группы и развитие индивидуальности //Тексты по истории социологии 19-20 веков, хрестоматия под ред. Беленковой Л..П., Добренкова В.И. URL: [http://polbu.ru/dobrenkov sociology/ch64 i.html](http://polbu.ru/dobrenkov_sociology/ch64_i.html)
11. Ивахненко Е.Н. Айтопойезис информационных объектов URL: <http://www.mdi.ru/encycl.php?RubricID=3511>
12. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-фактория (при участии изд-ва гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. (Серия «Академический бестселлер»)
13. Лапин Е. В поисках реальности: анализ репрезентации URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73/la46-pr.html>
14. Лейбов Р. Язык рисует Интернет URL: <http://www.gagin.ru/internet/4/9.html>
15. Маслов О.Ю., Прудник А.В. Интернет-социология: итоги 2009 года и феномен роста интеллектуальных сект <http://www.polit.nnov.ru/2010/01/22/socinternet09/>
16. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории) Москва, 1966.

- Перевод с французского Е.А.Самарской. Редактор перевода М.Н. Грецкий. Издательство «Прогресс».С. 299-313
17. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура, - М.: АСТ, Хранитель, 2006. 880 с.
 18. Милачева Т.В., Полудина В.П. Метафоры Интернета // Журнал практического психолога 2010, №4
 19. Сети все возрасты покорны. URL:
<http://rumetrika.rambler.ru/review/0/4207?article=4207>
 20. Смирнова И.А. Субкультура общности пользователей Интернет // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: [Санкт-Петербургское философское общество](#), 2000. С.148-149
 21. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации. / Учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461с.
 22. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: Пер. с польск. С.М.Червонной. – М.: Логос, 2008. – 664 с.
 23. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. \ \ Сайт: www.philosophy.ru URL:
<http://www.philosophy.ru/library/eco/internet.html>
 24. Mead G. Internalized Others and the Self //Mead G. Mind, Self and Society. Chicago, 1934. P. 144 — 145, 149—152. (Перевод А. Гараджи) URL: http://www.fidel-kastro.ru/sociologia/mead.htm#_Toc83369052
 25. Suler J. Online Gender-Switching. 1996 URL:
www.rider.edu/users/suler/psycyber/genderswap.html
 26. Suler J. Managing Deviant Behavior in Online Communities. 1997 URL: www.rider.edu/users/suler/psycyber/badboys.html
 27. Alexa.com – статистика по сетевому трафику
 28. <http://bd.fom.ru> – базы данных опросов
 29. Cisco Visual Networking Index: Forecast and Methodology, 2008-2013 URL:
http://www.cisco.com/en/US/solutions/collateral/ns341/ns525/ns537/ns705/ns827/white_paper_c11-481360_ns827_Networking_Solutions_White_Paper.html

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ ДИСТАНТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНЕ И МИРЕ

На данном этапе развития, распространённости и перцепции технологий виртуальных коммуникаций затруднительно говорить о чёткой типологии виртуальных научных сообществ и образовательных программ. Во многом это связано с субъектами коммуникации, поскольку, несмотря на ориентацию на инновации и развитие, научная и университетская среды обладают огромной долей инертности. Принятие новых сред и средств коммуникации происходит медленно и неравномерно. Далеко не сразу преподаватели и студенты могут привыкнуть к географической удалённости друг от друга, учёные не сразу могут адаптироваться к условиям теле-конференции, абитуриенты и аспиранты европейских и американских университетов до сих пор удивляются скайп-беседованиям с профессорами и администрацией. Однако процесс виртуализации и переход к дистантным формам взаимодействий набирает силу. Он отнюдь не заменяет традиционные формы работы в обычной среде очного взаимодействия, но лишь повышает его эффективность и адаптивность к новым условиям.

Можно выделить ряд направлений, по которым развивается виртуализация образовательных и научных коммуникаций.

Первый тренд касается организации самого учебного и научного процесса. Он заключается в виртуализации бюрократических и координационных элементов, как-то создание единой базы курсов, учебных материалов, научных статей для университета или группы университетов. Специально разработанная для студентов цифровая книга Evolve(<http://evolvebookstore.elsevier.com/>)Select, например, является носителем базы данных книг, статей, монографий, словарей, необходимых для обучения в том или ином учебном заведении, оснащена удобным поиском и независима от доступа в Интернет. Иными словами, это некоторый виртуальный аналог библиотеки. С другой стороны, в университете Тамагава(Япония

<http://www.tamagawa.jp/en/>) , студентам предоставляются массивы аудио- и видеоматериалов, благодаря которым они могут, скажем, заново переслушать лекцию, или посмотреть пропущенный семинар, или, наоборот, изучить курс на несколько лекций вперёд, в целях тайм-менеджмента. Многие институты, поддерживающие международные студенческие программы и ориентированные на иностранных абитуриентов (московский РУДН, польский Artes Liberalis), проводят вступительные собеседования по Skype, что вполне логично, поскольку данная форма коммуникации, с одной стороны, позволяет выяснить реальный уровень абитуриента, поскольку почти исключает жульничество со стороны абитуриентов, с другой стороны, в финансовые потери в случае провала на собеседовании со стороны абитуриента минимизируются, что в свою очередь увеличивает приток желающих поступить в университет в силу снижения рисков и расширяет поле выбора абитуриентского контингента.

Для научного сообщества также весьма полезны размещенные в открытом доступе базы данных университетов, содержащие резюме научных сотрудников и преподавателей, как, например это сделано на сайте ГУ-ВШЭ. Это увеличивает эффективность поиска коллег, преподавателей, авторов, статей, библиографической информации и.т.п. Некоторые учебные заведения, например Камский региональный университет (<http://kama.openet.ru>), развивают направление интеллектуальной защиты виртуальных книг, авторских курсов. Это своего рода обратная сторона процесса виртуализации, поскольку, чем больше научное и университетское сообщества интегрируется в Интернет, тем актуальнее становится проблема интеллектуальной собственности и безопасности, в частности нелегального коммерческого использования авторских материалов (например, авторских учебных курсов).

Все аспекты данного тренда, несмотря на свои достоинства и новизну, являются количественным развитием научных и учебных коммуникаций. Они ускоряют, упрощают, удешевляют уже существующие элементы, но *принципиально* не меняют картину учебного процесса и проведения научного поиска.

Качественно новые явления в сфере научных и учебных коммуникаций следует рассматривать отдельно.

В первую очередь, следует отметить электронные курсы. По сути дела это пакеты программ, содержащие материал курса и

контрольные задания. Студент, изучающий такой курс, потенциально может по электронной почте или через сайт обращаться за помощью к преподавателю (тьютору), однако это взаимодействие не является обязательным. Подобные опыты в академической программе проводят многие зарубежные ВУЗы. В России же пока только делаются первые шаги в этом направлении, так, например, в рамках эксперимента в Череповецком государственном университете перевели на электронные курсы ряд предметов изучаемых на металлургическом факультете.

В чём-то похож по замыслу на электронные курсы проект «Викиуниверситет» на базе «Википедии» (<http://www.wikiversity.org/>). Идея заключается в создании на вики-движке своего рода базы данных курсов по различным сферам знаний. Эта идея зародилась из очевидного факта, что для понимания того, что такое, скажем, социология, не достаточно просто прочесть словарную статью «Социология», пускай даже самую подробную. Необходима определённым образом структурированная форма подачи информации. Этой формой и становятся вики-курсы. Качественным их отличием от, например, учебников, оказывается возможность общения с «преподавателем» через форумный интерфейс, а также встроенность курсов в Википедию, что в свою очередь обеспечивает «студенту» возможность интерактивной справки по почти любому связанному с курсом вопросу.

Главной же инновацией в плане электронных технологий в образовании признается концепция трансграничных распределённых ВУЗов. Суть концепции в том, что современные телекоммуникационные технологии позволяют не только доставлять образовательные продукты в любую точку земного шара, но и осуществлять полноценную обратную связь в режиме реального времени, проводить рубежный контроль знаний в удалённом режиме. А, следовательно, университет из здания, в которое приходят студенты с целью получения образовательных продуктов, превращается в телепорт, транслирующий образовательные продукты студентам, где бы они ни находились. В России данную концепцию развивает Современная гуманитарная академия (СГУ mih.ru), работающая в 57 городах 12 стран и продолжающая расширять образовательную сеть. Американским аналогом является American Intercontinental University (aiuniv.edu).

Создание подобных мощных виртуальных университетов возможно благодаря развитию видеотелекоммуникационных систем. Специфика обучающей технологии заключается в том, что видеокоммуникационные системы для университетского образования должны соответствовать целому ряду требований – они должны быть доступными малообеспеченным пользователям, т.е. не предъявлять высоких требований к оборудованию, должны поддерживать обоюдную связь между большим количеством пользователей (создавать «виртуальный класс»), должны поддерживать режимы демонстрации дополнительных учебных материалов (видео, изображения, презентации). На данный момент в качестве наиболее адекватной системы видеотелекоммуникации для образовательных учреждений можно назвать продукт «ВидеоМост», используемый в частности в центре образования и дистанционного обучения для детей-инвалидов в Красноярске (http://www.krao.ru/rb-topic_t_65.htm).

В отличие от количественных элементов виртуализации, принимаемых почти без сопротивления, качественно новые элементы вызывают если не отторжение, то настороженность, поскольку ставят под вопрос вековые традиции университетского образования. E-learning требует во многом принципиально иных подходов и методов, а также организационно-административных условий, нежели классический учебный процесс. Для обсуждения вопросов виртуализации образования был создан журнал «E-learning» (<http://www.elw.ru/>), а также, с 2010 ого года выходит журнал «E-learning Россия» www.elearning-russia.ru/.

В зарубежных университетах последние несколько лет регулярно проводятся опросы и исследования, изучающие эффективность виртуальных образовательных программ, а также отношение к ним преподавателей и студентов. Знаменитый Open University <http://www.open.ac.uk/>, целиком построенный на электронном обучении, по результатам исследования 2008 года, оказался на первом месте в рейтинге «Удовлетворённость студентов обучением» (<http://www3.open.ac.uk/media/fullstory.aspx?id=19508>) и на пятом месте в британском рейтинге качества академического образования (<http://www.hefce.ac.uk/learning/>). Этот пример позволяет с оптимизмом смотреть на потенциал развития электронного образования, однако по прежнему есть значительные опасения. В первую очередь они касаются качества электронного

образования, поскольку с методологической точки зрения содержание виртуальных курсов принципиально отличается от содержания классических курсов. В силу интегрированности в Интернет, постепенно теряется значение лекционного материала, а то время как стремительно растёт ценность семинарской работы. Для мониторинга и оценки качества e-learning была создана Европейская ассоциация университетов дистанционного обучения (EADTU), разработавшая параметры качества Европы, направленные на специфику электронного обучения. В России этим же занимается Аккредитованное Агентство по оценке Качества Электронного Обучения (ААКЭО), созданное на базе Евразийского открытого университета, предлагающее российским ВУЗам услуги по оценке качества электронных курсов.

Несмотря на пока еще не значительную развитость виртуального образования в России, большая часть инфраструктуры, необходимой для эскалации развития, уже существует. Большинство столичных и региональных университетов в России имеют хорошо оснащенные классы-аудитории для телеконференций. Однако эти информационные мощности, как правило, простаивают без использования и лишь «украшают» университет.

Суммируя все вышесказанное, можно выделить следующие пункты, отталкиваясь от которых может развиваться российский e-learning – наличие качественного программного обеспечения от отечественного производителя, интегрированность российских ВУЗов в Болонский процесс, наличие формируемого журналом «E-learning» и его ежегодными конференциями сообщества людей, заинтересованных в вопросах электронного обучения, достаточно высокий уровень компьютеризации и интернетизации населения (хотя и в среднем ниже европейского), растущая потребность в высшем образовании, поддерживаемый на государственном уровне курс на инновации и развитые связи с зарубежными университетами, позволяющие производить обмен опытом в развитии дистантного обучения. Данные предпосылки позволят разрешить текущие проблемы виртуального образования в России, а именно, во-первых, разрыв между качеством образовательных продуктов и доступом к инфраструктуре. По не вполне понятной причине, большинство наиболее сильных с точки зрения качества образования российских ВУЗов не спешат развивать e-learning программы с одной стороны, а с другой стороны, наблюдается

мощных рост таковых программ во второстепенных ВУЗах. Во-вторых – признание e-learning полноценным методом обучения. Академическая среда России в своей массе воспринимает e-learning как не более чем забавную игрушку в худшем случае, а в лучшем случае как второстепенное дополнение к основному курсу обучения, что в корне не верно, как показывает опыт того же Open University. И в-третьих, – разоблачение шарлатанов от e-learning, ведущих дистантные курсы за определённую плату и выдающие дипломы, имеющие исключительно декоративную ценность. Подобные программы дискредитируют e-learning, что в определённой мере мешает его полноценному развитию, которое должно подразумевать стандартизацию и государственную аккредитацию.

Список ссылок на сайты некоторых университетов, реализующих дистантное обучение:

1. aiuniv.edu- American Intercontinental University
2. capella.edu – Capella University
3. devry.edu – DeVry University
4. kaplan.com – Kaplan University
5. aptm.phoenix.edu – Phoenix University
6. regis.edu – Regis University
7. strayer.edu – Strayer University
8. waldenu.edu – Walden University
9. muh.ru – Современная гуманитарная академия
10. dipoli.tkkfi - TKK Dipoli
11. elene.tlc.net - METID Centre
12. mesi.ru/e-learning/ – Московский Государственный Университет Экономики, Статистики и Информатики
13. susu.ac.ru – Южноуральский государственный университет
14. vologda.mubint.ru – Вологодский филиал Академии МУБиНТ
15. open.ac.uk - Open University

Другие ссылки:

1. eoi.ru/quality - ААКЭО
2. eatdu.nl – Европейская ассоциация университетов дистантного обучения
3. videomost.com – компания «ВидеоМост»
4. elearning.ru – журнал «E-learning Россия»
5. e-learningcenter.ru – компания «Центр eLearning»

ЧАСТЬ 2

ОПЫТ ДИСТАНТНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ В ОНЛАЙНЕ И РЕАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

47

А.Е.БОКЛИН

ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕЛЕМОСТОВ В СФЕРЕ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПТИМУМ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ТЕХНОЛОГИЙ

Как в свое время заметил М. Кастельс, несмотря на потенциал, который информационные технологии несут для образования (а также здоровья и культурного развития), преобладающим и наиболее безопасным, с точки зрения бизнеса, вложением денег является развитие «гигантской электронной развлекательной системы» [Castells 2000, р. 397-398], что весьма логично с учетом того, что мы живем в эпоху индустрии развлечений. Тем не менее, и «серьезные» сферы, в том числе образование, не стоят на месте: одним из применений технологий в данной сфере могут служить телемосты, т.е. видеозвонки онлайн с подачей изображения на телевизионный экран или проектор.

Телесоединения обладают целым рядом очевидных экономических и временных преимуществ, но за чисто прагматической перспективой стоит другая - социологическая, или, если угодно, гуманистическая перспектива, что подтверждается

словами Ш. Тёкл: «На каждом шагу, как учителя и граждане, мы должны спрашивать себя, ведет ли текущая технология в направлении, которое служит нашим человеческим целям. Подобные вопросы - не технического характера; это социальные, моральные и политические вопросы... Технология не определяет изменение, но она побуждает нас идти в определенных направлениях. Если мы проясним эти направления, нам будет проще принять человеческое решение» [Turkle 2004].

* * *

Практика использования телемостов может быть помещена в более широкий контекст критического осмысления негативных последствий технологического развития для человеческой жизни в целом и социального взаимодействия в частности.

Технологии, или, по словам М. Маклюэна, «расширения» человека, ведут к неблагоприятному парадоксу: «непрерывное принятие внутрь себя нашей собственной технологии в ходе повседневного ее использования помещает нас в роль Нарцисса, состоящую в подсознательном восприятии этих образов нас самих и оцепенении перед ними. Непрерывно заключая технологии в свои объятия, мы привязываем себя к ним как сервомеханизмы. Именно поэтому мы, чтобы вообще пользоваться этими объектами, должны служить им – этим расширениям нас самих – как богам или в некотором роде святыням» [Маклюэн 2007, с. 56]. Хотя сам Маклюэн понимал «технологии» предельно широко – от устного слова или чисел до денег, телевидения или одежды, а здесь в данном случае имеется в виду узкое понимание («компьютерные технологии»), но образ все равно более чем уместен. Более того, технологии кардинально преобразуют и идейную, мировоззренческую сферу – опять же, далеко не всегда благоприятным образом: «технология основывается на фантазиях, связанных с идеей спасения и апокалипсиса и на осознании того, что угрожающая обществу опасность реальна» [Александер 2001, с. 98]. Речь здесь идет о проблеме реификации, которую сформулировали П. Бергер и Т. Лукман: «... реификация — это восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, то есть в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах [...] Реификация означает как то, что человек может забыть о своем авторстве в деле создания человеческого мира, так и то, что у него нет понимания диалектической связи между человеком-творцом и его творениями.

Реифицированный мир, по определению, мир дегуманизированный. Он воспринимается человеком как чуждая фактичность, как *opus alienum*, который ему неподконтролен, а не как *opus proprium* его собственной производительной деятельности» [Бергер, Лукман 1995, с. 146].

Указанная проблема связана, на мой взгляд, с процессом, который Л. Ионин охарактеризовал как «падение витальности», т.е. падение активности и легитимизацию созерцательности как норму жизни в условиях постмодерна [Ионин 2004]. Иначе говоря, пишет Ионин, уходит то, что А. Шюц назвал «напряженным отношением к жизни»; стоит подчеркнуть, что для последнего это одна из неотъемлемых характеристик повседневности, которая сама по себе отличается от других «конечных областей значения» предметностью, телесностью и, в силу этого, является «верховой реальностью» [Шюц 2004].

В свою очередь, «падение витальности» напрямую сказывается в сфере взаимодействия лицом-к-лицу. Так, некоторые исследователи полагают, что частота контактов лицом-к-лицу резко падает с ростом дистанции между теми, кто вступает в коммуникацию – несмотря на то, что Интернет, казалось бы, как раз и предоставляет прекрасные возможности для подобного рода коммуникации на расстоянии [Mok, Wellman, Carrasco 2010]. И здесь возникает еще одна проблема: «... если значительная часть общения осуществляется онлайн – будь то дома, в школе или где-либо еще – дети и кибердети (*cyberkids*), скорее всего, разовьют навыки, необходимые для взаимодействия онлайн, но, скорее всего, им также будет не хватать некоторых навыков, вовлеченных во взаимодействие лицом-к-лицу» [Brignall, Van Valey 2005, 342-343]. Вывод таков: «Если сила Интернет будущего состоит в том, что индивиды смогут выбирать, с кем взаимодействовать, то, когда речь идет о развитии навыков социального взаимодействия, это также может быть одной из слабостей Интернет» [Ibid, p. 345].

* * *

Практика организации телемостов является, как нам представляется, одним из неизбежных следствий развития коммуникационных технологий – по крайней мере, в том виде, который они приняли в нашем мире. Но в данном случае неизбежность не является чем-то негативным.

Если в качестве наиболее полноценного взаимодействия мы рассматриваем взаимодействие лицом-к-лицу, т.е. взаимодействие, предполагающее в качестве своей основы физическое соприсутствие участников (в нашем случае – учителя и ученика), то можно построить своеобразный континуум взаимодействий. На одной стороне континуума находится «взаимодействие» между учителем и учеником в виде чтения книг – так, например, могут «взаимодействовать» с Вебером или Дюркгеймом начинающие социологи или те, кто в социологии далеко не первый год (здесь выражение «автор говорит с читателем» носит образный характер, поскольку взаимодействие лицом-к-лицу отсутствует). На другом конце континуума будет взаимодействие ученика и учителя, представленных друг другу в виде так называемых аватаров (онлайн-репрезентаций - созданных персонажей, управляемых реальными людьми). Такого рода коммуникации свойственны, например, виртуальному миру Second Life, который используется, в том числе, и в образовательных целях [Second Life - Wikipedia, the free encyclopedia].

Взаимодействие между со-существующими, но отделенными друг от друга расстояниями участниками, опосредованное технологиями, будет в таком случае максимально близким к подлинному взаимодействию. Телемосты более реальны, чем чтение, потому что авторы более реальны - не только в том смысле, что их можно увидеть, но и в том смысле, что теперь это действительно *взаимодействие* автора и читателя, и здесь возможна обратная реакция (пусть даже приглашенные нами классики в течение виртуальных встреч вряд ли сказали что-то, о чем еще не успели написать). Таким образом, мы получаем социальное взаимодействие между учителем и учеником – в той мере, в какой оно возможно с учетом расстояния, разделяющего первого и последнего, и текущего развития информационных технологий.

Но здесь возникает другая проблема. Вполне возможно, технологии разовьются однажды до такой степени, что ни учителю, ни ученику уже не нужно будет даже выходить из дома, чтобы «попасть» на занятия (или «отправиться» на конференцию). Другими словами, люди станут настолько «быстрыми», что вообще перестанут передвигаться физически и встречаться «настоящим лицом»-к-«настоящему лицу», так что телемосты полностью вытеснят реальные взаимодействия. Но сейчас пока еще рано

строить прогнозы в этой области. Но тем не менее, представляется, что университет, безусловно, будет эволюционировать в сторону увеличения виртуальной компоненты в образовательных (и, отчасти, административных) процессах - но, на наш взгляд, практика телемостов в сочетании с реальными мероприятиями и занятиями представляет оптимум с точки зрения развития информационных технологий и гуманистической критики этого развития.

В завершение стоит отметить, что, как показывает опыт (в том числе автора), вне зависимости от уровня развития технологий, базовым уровнем взаимодействия так или иначе является та самая «верховная реальность» – уже хотя бы в силу того, что «серьезные» (в нашем случае - академические) отношения очень трудно установить и поддерживать исключительно виртуально. Как совершенно верно заметил Дж.Урри, в течение одного из телемостов, «тот факт, что мы сейчас общаемся, обязан своим происхождением тому факту, что мы сперва встретились и познакомились в реальной жизни». Живого общения не заменит никакая технология.

Библиография

1. *Александр Дж.* Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности-II: Актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия / Сост. и общ. ред. С.А. Ерофеева. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 2001. С. 91-98.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: "Медиум", 1995.
3. *Ионин Л.* Социология культуры. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2004.
4. *Маклюэн Г.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: «Гиперборея», «Кучково поле», 2007.
5. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
6. *Brignall T., Van Valey T.* The Impact of Internet Communication on Social Interaction // Sociological Spectrum, 2005. Volume 25, Issue 3. Pp. 335 – 348.
7. *Castells M.* The Rise of the Network Society. Vol.1: The Information Age: Economy, Society and Culture. Oxford: Blackwell, 2000.

8. *Mok D., Wellman B., and Carrasco J.A.* Does Distance Still Matter in Connected Lives? A Pre- and Post-Internet Comparison // Urban Studies, 2010 (in print).
9. *Turkle S.* How Computers Change the Way We Think // The Chronicle Review, 2004 // <http://chronicle.com/prm/weekly/v50/i21/21b02601.htm>
10. Second Life - Wikipedia, the free encyclopedia // http://ru.wikipedia.org/wiki/Second_Life

А.Н.АНДРЕЕВ

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ВИРТУАЛИЗАЦИИ УЧАСТНИКАМИ ТЕЛЕМОСТОВ (ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

53

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы обозначить сходства и различия традиционной формы ведения семинарских занятий и семинара в форме телемоста (он-лайн соединения).

Настоящий текст – это, скорее, полевые заметки человека, непосредственно участвующего в организации телемостов. Помимо наблюдения автором были проведены полуструктурированные интервью с участниками телемостов – студентами-магистрантами соцфака ГУ-ВШЭ. Интервью проводились после того, как студенты-магистранты присутствовали на телемостах *три раза*. Все интервьюируемые прежде не участвовали в подобных технически опосредованных семинарах. Результаты интервью составляют основной корпус настоящего текста.

Проведение телемостов и восприятие последних их участниками мы будем называть виртуализацией. Общее теоретическое осмысление процесса виртуализации мы будем проводить в рамках теории информации и теории М. Маклюена о “горячих” и “холодных” средствах коммуникации.

Теория информации предполагает саму возможность коммуникации, включающую такие элементы: отправитель сообщения, канал распространения, реципиент и эффект коммуникации. При этом, важно, что понятие информации не тождественно лингвистическому предложению, словосочетанию. Информацией является лишь то, что практически воспроизводит коммуникацию, то есть имеет обратную связь. «Мерой количества информации в сообщениях должна служить величина, измеряющая изменение вероятности события под действием сообщения» [1].

Также в основе нашего исследования лежит понимание Маршалом Маклюеном средств массовой коммуникации как “холодных” и “горячих”. Являются ли телемосты «холодными»

средствами коммуникации? То есть такими, которые заставляют человеческое сознание *достраивать образ* [2]. Или они, скорее, «горячие»?

Первый вопрос касается того, насколько коммуникация в формате телемоста отличается от коммуникации в Интернет-формате. Участник телемостов начинает пространно рассуждать:

Участник: *если в интернете я отвлеченный пользователь и ищу себе нужную мне информацию, то здесь я ее вылавливаю в процессе самого семинара и я строю как бы схему поиска, то есть я не участвую в принципе, но не на ведущих ролях, я не могу скорректировать, что конкретно я хотел бы узнать и мы общаемся в рамках выбранной темы. Это скорее какой-то форум. То есть, если с интернетом, аналогии проводить, - это форум, в котором участвуют люди, а интернет для меня все равно немножко другое.... пользование интернетом и вот и этого семинара ... в принципе что-то есть схожее, но я не ставил тождество между ними.*

Интервьюер: *в чем это отличие, можно его как-то сформулировать?*

У: *Самое простое отличие то, что я с людьми общаюсь. То есть я не как бы в библиотеке, в которой я ищу через тот же удаленный доступ. Вот - я общаюсь с людьми и получаю знания от них. То есть они ... как бы можно спросить, можно узнать и люди подведут к правильному решению, а в интернете я должен как бы набрать информацию сам и сделать свои выводы. Поэтому, я думаю, вот в этом главное отличие. Когда я в интернете, я являюсь единственным и непосредственным творцом, а здесь я слушатель и скорее я знаний набираюсь от людей.*

Самоотчет от другого участника:

Новое в ней [в телеконференции¹] – это, во-первых, прямое включение, то есть, что это не, допустим, лекция,

¹ Слова *телеконференция*, *телемост* автором статьи и участниками - интервьюируемыми использовались в ходе интервью как синонимы.

которую нам может быть записали и прислали, это вот именно живой такой формат, мы можем задавать вопросы по ходу, например какого-то, рассказа, что мы можем делиться своими впечатлениями, то есть свежими, а не так, что там, например, посмотришь... а потом вспоминаешь, и что может включаться как-то.. общение живое получается и можем видеть реакцию на экране человека, он может нас в ответ о чем-то спросить... то есть такое фактически полное ощущение реальности, что ты находишься в одной комнате с этими людьми... и вот это расстояние оно совершенно не чувствуется.

Аспект «присутствия», «живости» телемостов отмечали и другие участники, которые подчеркивали важность окружающего пространства, в котором находятся лекторы на экране. Это пространство наделялось культурной составляющей: для участников было важно, как оформлены стены, какие символические фигуры в виде плакатов и сувениров присутствуют.

Одна из важнейших культурных характеристик телемостов - это язык общения. В данном случае, речь идет об английском языке.

...я посчитал так, что мне удобней будет сходить на следующий курс, который был на английском языке тоже

...ну во-первых, предмет на английском языке. То есть у нас английского сейчас нет, поэтому ... нужно практику языковую хоть какую-то. Год, собственно, не разговаривал на английском. Поэтому пока с трудом, но может быть легче будет чуть позже.

Сам языковой навык, получаемый в ходе проведения телемостов, воспринимается участником следующим образом:

...у меня в принципе довольно нормальный такой уровень <английского языка> ... но есть люди, которые, может быть, побоялись даже пойти на этот курс или пошли, но все равно себя неуверенно чувствуют с английским языком, поскольку у нас <нет> практики свободного общения ... ну устного уж точно ... ну, письменный может быть английский, а вот свободный

устный - это редко, потому что нужна практика и занятия и здесь как раз удобно тем, что, когда ты слушаешь человека, то вот этот его рассказ, его объяснения, пояснения какие-то ... <вот этот> поток мысли ... то в принципе ты понимаешь лучше ... Когда говорят какой-то одной фразой в которой непонятные слова, то это воспринимается очень сложно, как на уроке, например: задают ... учитель английского языка, что-то скажет и ты не понял одно слово и все - и для тебя этот смысл утерян. Когда здесь идет вот эта вот беседа- то любой человек, я думаю, в процессе выражения своей мысли повторяет это как-то другими словами может быть и даже тем, кто что-то не понял, какое-то одно слово в вопросе, как бывает ... так со стороны преподавателя, то потом он объясняет этот вопрос и получается другими словами и ты это понимаешь.

Необходимо подчеркнуть данный аспект, выражаемый участником не через понятие языка, но речи. Именно общий контекст формулирования мысли носителями языка (этот аспект также подчеркивался некоторыми участниками) делает коммуникацию возможной и преобразовывает сообщение лектора в информацию для участника.

Но не только английский язык является основой выбора курса. Тем не менее, английский язык присутствует в своеобразной классификации:

И: Что послужило выбором этого курса?

У: Во-первых, изначально, я судила по названию, то есть это что-то принципиально новое, интересное. В тоже время связанное с профессиональной или академической моей деятельностью. То есть заинтересовала тема, в которой можно было бы узнать что-то принципиально новое, интересное для себя. Это первый, наверное, момент. Второе - это то, что курс на английском языке. То есть это ... возможность читать какие-то материалы, но оригинальные материалы... то есть не переводы, а оригинальные тексты и в том числе общаться с авторами этих текстов. Ну то есть быть

максимально близко к профессионалам своего дела, то есть в области социологии.

К характерному признаку формата телемостов стоит отнести большую *дисциплинированность*. Проблемы участника телемостов строятся вокруг “ока веб-камеры” к которому участники пока не привыкли:

...сложности, наверное в том, что есть зрительный контакт, т.е. сложно, наверное, все время смотреть в одну точку, грубо говоря, на человека... вот... или в камеру специально... то есть какое-то такое есть напряжение немного в этом, а что касается восприятия, то тоже какие-то некоторые вещи как ну... не знаю... большой поток информации иногда бывает с той, например, стороны.

57

Самоотчет другого участника:

У: Теперь даже не знаю на самом деле. Ну, наверное, живую лучше слушать. Вот так вот перед собою видеть человека... лучше слушать, чем через телемост.

И: Какие критерии живости?

У: Не знаю, как вам сказать... на уровне чувств, то есть как бы, когда человек вещает прямо перед тобой у доски, какой-то энергетикой все равно заряжаешься... ну и это как-то доходчивее. По крайней мере, мне кажется, что было бы доходчивее и понятней...

Если «живость» телемоста (см. выше) ассоциируется у участников с *культурной* наполненностью формата и необходимостью постоянно удерживать внимание, то, когда речь идет о традиционной форме семинарского занятия с участниками говорят о большей возможности расслабиться, иметь возможность на какое-то время “потерять внимание”. В этом контексте мы можем говорить об отнесении такого средства коммуникации как телемост скорее к “холодному” средству коммуникации, а семинар в оффлайне – к горячему.

Однако, как в случае и с другими исследованиями [3] о сравнении традиционных видов коммуникации с виртуальной коммуникацией, неизбежными характеристиками

«привлекательности» последнего остаются *время и пространство*. Слово участнику:

58

я подумал, что... я хотел бы, наверное, посмотреть, как социология за океаном, она чем-то отличается от нашей. Вот так вот разительно. Как бы американский курс: разработки новые или сам подход к изучению проблемы как-то отличается от нашей или нет. Поэтому для меня в целом телеконференция - знакомство с новой информацией за счет того, что она позволяет преодолевать большие расстояния, люди могут общаться не выходя из помещения с людьми с другого конца света, обмениваться своевременно информацией, а не встречаться раз в год на конференциях... То есть, если это сотрудничество какое-то или с одного конца света и с другого конца света, то это очень хорошее как бы в этом плане. Телемост очень поможет этому сотрудничеству.

Участники говорили о возможности «перенестись» на другой континент, побывать в другом времени, времени *Других*, находящихся по ту сторону экрана.

В заключении стоит сказать о **проблеме навыка** использования *формата виртуальности в процессе обучения, семинаров онлайн*, которую формулирует участник виртуальных семинаров:

Я считаю, что это перспективно с точки зрения обучения как такого, потому что привыкать к этому формату необходимо, если люди собираются заниматься более ли менее серьезным делом, то телеконференция - это нормальная практика с веб-камерой и т.д. и т.п. Поэтому нужно привыкать и нужно этому учиться...

Телемост – одна из моделей проведения занятий со студентами. В данной модели проблемой выступает отсутствие навыка участия в подобных формах коммуникации. При этом участники телемостов отмечают, что виртуальная форма лекций и семинаров не заменяет функции традиционной, но обладает особыми функциями, которые удовлетворяют потребности, которые традиционная форма удовлетворить не может.

Библиография

1. *Голдман С.* Теория информации. М.: ИИЛ, 1956, С.8.
2. *Маклюен М.* Понимание медиа. М.: Кучково поле, 2003, С. 27-40.
3. *Ball W.J.* Political Science : Academic Virtual Conferencing – The Case of the Teaching Politics Virtual Conference // Social Science Computer Review, Vol. 18, #2.

ЧАСТЬ 3
ТЕЛЕМОСТЫ В ДЕЙСТВИИ
МАТЕРИАЛЫ ТЕЛЕКУРСОВ
НА КАФЕДРЕ ОБЩЕЙ
СОЦИОЛОГИИ ГУ-ВШЭ

под редакцией А.Е. Боклина

WORLD ON THE MOVE
Telebridge with John Urry

September 10, 2009

Higher School of Economics (Moscow, Russia) —
Lancaster University (UK)

Джон Урри (род. 1946)

Выдающийся современный британский социолог, профессор Ланкастерского университета, руководитель Центра исследований мобильности. Им написаны работы в области социологии окружающей среды, социологии туризма, социологии мобильности и в области социальной теории в целом. Джон Урри является автором теории перехода современного общества от эпохи «организованного капитализма».

Ранние работы в Ланкастере сосредотачивали внимание на социальной теории и философии социальных наук. В результате был подготовлен совместный труд «Социальная теория как наука» (1975, 1982), в котором изложены основные черты реалистической философии науки. В «Анатомии капиталистических обществ» (1981) представлены критические очерки к ряду марксистских традиций, структурализму Л. Альтюссера, немецкой теории государства и к последователям А. Грамши. В последнее время Джон Урри сосредотачивает свое внимание на изучении изменений в характере мобильности в современном обществе. Среди последних работ Дж.

Урри: «Социология за пределами общества» (2000), «Мобильные технологии города» (соредактор с М. Шелером, 2006).

Participants

JU – John Urry, Lancaster University

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

SB – Svetlana Bankovskaya, HSE

AB – Alex Boklin, HSE

Q – Questions from HSE MA students

61

JU: It sometimes seems as if all the world is on the move. The early retired, international students, terrorists, members of diasporas, holidaymakers, business people, slaves, sports stars, asylum seekers, refugees, backpackers, commuters, young mobile professionals, prostitutes - these and many others - seem to find the contemporary world is their oyster or at least their destiny. Criss-crossing the globe are the routeways of these many groups intermittently encountering one another in transportation and communication hubs, searching out in real and electronic databases the next coach, message, plane, back of lorry, text, bus, lift, ferry, train, car, web site, wifi hot spot and so on. So we have sort of pattern of movement and various hubs where different groups in different sorts of ways – virtually or really – encounter each other.

The scale of this travelling is immense. It is predicted that by 2010 there will be at least one billion legal international arrivals each year (compared with 25 million in 1950); there are four million air passengers each day; at any one time 360,000 passengers are at any time in flight *above* the United States, equivalent to a substantial city; 31 million refugees roam the globe; and there were 552 m cars in 1998 with a projected 730 m in 2020, equivalent to one for every 8.6 people. In 1800 people in the United States travelled on average 50 metres a day -they now travel 50 kilometres a day. Today world citizens move 23 billion kilometres; by 2050 it is predicted that that figure will have increased fourfold to 106 billion.

Today world citizens move 23 billion kilometres; by 2050 it is predicted that that figure will have increased fourfold to 106

billion. But interestingly, people actually don't spend more time travelling, since this seems to have remained more or less constant at about one hour or so a day. Also, people do not necessarily make more journeys, they don't travel more time - but they travel faster and further, so what is crucial is the speed of travel. And of course what has happened has been the shift from walking, cycling or being on the back of a horse to sitting in the car, being on the train or in an airplane, the shift from slow modes to fast modes of travel.

The amount of travel industry accounts for about 10% of the world economy, about 10 % of the world employment and about 10% of world income, and almost everywhere is to some degree affected by it. The World Tourism Organization, for example, publishes statistics for over 200 countries: most countries send and most countries receive some visitors. Perhaps North Korea has very few of them, but almost every other country of the world is a recipient of some visitors.

We have a pattern of voluntary or mostly voluntary travelling. It is the largest ever peaceful movement of people across borders. To some degree for people who are relatively affluent, maybe the rich - quarter or the third of the world population - the world has become a 'department store of countrysides and cities' that can be at least from time to time sampled. And it is also interesting: even with various global catastrophes like September 11 or the bombings in Madrid, Bali, Moscow and London, various global pandemics and so on this pattern of general increase in physical movement and in communications has not significantly gone down. If you look at the statistics after September 2001 or after these various bombings you got a little deep and then it reasserts itself. The only exception to that has been after the financial collapse in various countries - it has been a significant worldwide deep after October 2008. Interesting question as well is whether that upward line will reassert itself or whether this is a significant shift eating mobility patterns around the world.

I should also point out that not only people are physically mobile but also materials are on the move, often carried by moving bodies and of course many products are made up of many different components that have been moved in and assembled in different sorts of ways. Physical movement takes place at the same with an astonishing growth of the Internet from 1993 and 1994 when the first Internet practices were brought in, and since the growth of mobile telephony as well. Internet, mobile telephony have reorganized communications between

people and yet you have also had a large and significant increase in physical movements simultaneously.

It is now thought like 2 to 3 billion mobile phones in the world, with the population of 6.5 billion people and a billion to 2 billion internet users. So you have a worldwide mobilizing of mobile phones, Internet and also physical movements. Mobile technologies appear to be transforming many aspects of economic and social life that are in some sense on the 'move' or away from 'home'. What we have are extensive, intricate connections between physical travel and modes of communication. Some people say that physical changes appear to be 'de-materializing' connections, as people, machines, images, information, money and finance, ideas and dangers are 'on the move', making and remaking connections at rapid speeds around the world. I think that issues of too much movement for some and too little for others, the wrong sort of movement or the wrong time are central to people's lives and central to the operations of many organizations, public institutions, private companies, NGOs and so on, they are centre-stage on many policy and academic agendas.

Q: What do you think about the recent development of mobile technology? Does it change the experience of movement? Does it actually destroy the experience of movement? Because irrelevant of where you are, you are constantly linked to your personal networks, you can even receive a call from your mother asking what you had for breakfast.

JU: Yes, sure. One of the things I would suggest is the way in which people are not quite away, intimately connected, and some people describe this as 'imagined presence'. As you move you are in your little mobile machine carrying around your connections and your relationships.

And of course address books. In a way, everybody's address book is different from others. So rather than in former times most people would have known roughly the same other people, what mobile life is a situation in which people know a lot of different people and each person's network is distinct, we have personalized networks. It is also interesting because although we don't know each other, but probably there are connections between our networks: there are people in my address book who know some other people, who would then know Nikita, so there are interesting interconnections around the world through these networks.

* * *

JU: There are four main senses of the term 'mobile' or 'mobility'. I use it a lot and write about the idea of mobile sociology. I think 'mobile' has at least 4 meanings.

First, there is the use of mobile to mean something that moves or is capable of movement, as with the iconic mobile (portable) phone but also with the mobile person, home, hospital, kitchen, and so on. Mobile is a property of things and of people (as with the class designated the 'new mobility'). Many technologies in the contemporary era appear to have set in motion new ways of people being temporarily mobile, including various physical prostheses that enable the 'disabled immobile' to acquire some means of movement. Mostly the term mobile here is a positive category, except in the various critiques of what has been termed 'hypermobility'.

Second, there is the sense of mobile as a mob, a rabble or an unruly crowd. The mob is seen as disorderly precisely because it is mobile, not fully fixed within boundaries and therefore needs to be tracked and socially regulated. The contemporary world appears to be generating many new dangerous mobs or multitudes, including so-called smart mobs, which are less easily regulated and require for their governance, new and extensive physical and/or electronic systems of counting, regulation and fixing within known places or specified borders.

Third, there is the sense of mobility deployed in mainstream sociology/ social science. This is upward or downward social mobility. Mobility is here vertical. It is presumed that there is relatively clear cut vertical hierarchy of positions and that individuals can be located by comparison with their parent's position or with their own starting position within such hierarchies. There is debate as to whether or not contemporary societies have increased the circulation of people up and down such hierarchies, making the modern world more or less mobile. Some argue that extra circulation only results from changes in the number of top positions and not in increased movement between them. There are complex relations between elements of physical movement and social mobility.

And finally, there is mobility in the longer term sense of migration or other kinds of semi-permanent geographical

movement. This is a horizontal sense of being 'on the move, and refers especially to moving country or continent often in search of a 'better life' or to escape from drought, persecution, war, starvation and so on. Although it is thought that contemporary societies entail much mobility in this sense, previous cultures often presupposed considerable movement such as from Europe to the dominated countries of their various Empires or later to North America.

I am going to use 'mobility' to cover all of these senses but we have to be careful to be precise about which we are using.

65

One of the things that happened in the last 20-30 years has been the growth of an enormous number of different kinds of social patterns that presume physical movement and communications at a distance.

First of all, there has been the growth of forced migration, asylum seeking, refugees, the homeless, travelling and migrating. And of course some of these are now said to be the product of the effects of the climate change (droughts, floods etc), of huge problems in securing sufficient food in various countries and continents. And indeed some are related to the growth of slavery: some people now say there are more slaves in the contemporary world than there were at the heights of the European slave trade in the late 18th century - the period of the European history that Europeans are often keen to forget. But there is a large amount of forced or more or less forced movement and often obviously in circumstances which are unbelievably exploitative and oppressive.

Second kind of travel is the huge amount of business and professional travel and the proliferation of all sorts of places – hotels, conference centers - which have sprung up to provide temporary homes for business and academic folks, architects and artists and so on to meet up, often explicitly in neutral territories. The scale of that is very extensive.

Thirdly, there has been the growth of international students and the travel by young people often developing what in New Zealand is called 'overseas experience'. I guess a lot of people at least in Europe would also have patterns of overseas experience, they believe that in order to discover yourself you have to have travelled - away from the place that you were brought up in. that is quite significant

Fourth category has been the growth of a large amount of medical travel. In fact medical travel was very important in the early development of leisurely travel because of the importance of spa-towns -

places to take water. These days, in the contemporary world there are many different kinds of what people call 'medical tourism'. I think one of the interesting countries for medical tourism is Cuba. It has a good health service and now tries to attract large numbers of west-European visitors and Canadians.

Fifthly, there is a significance of what we might call military mobility of armies, tanks, helicopters, aircrafts, satellites and so on, some of which have important spin-offs into civilian usages: for example, airports often change from being military to then being civilian.

Then is a quite significant pattern of what I call 'post-employment travel', that is people retiring to the same country or to sunnier places - a lot of people from Scandinavia often retire to Spain and other parts of the Mediterranean, so persons of retirement are forming transnational post-employment lifestyles.

Then also what I call 'trailing travel', the trailing travel of children, partners, other relatives and domestic servants who have to follow around the primary breadwinner, that is a trailing pattern of dependence.

Then there is travelling migration within diasporas; the most interesting diaspora, I think, is the Chinese diaspora which some people think has at least 45 million people, pretty big society. The Chinese diaspora spread around the world and obviously all sorts of patterns of movement are increasing between that it and China itself.

There are many travelling service workers in somewhere like Dubai for example, so Dubai is both a place of huge numbers of temporary visitors and then huge numbers of temporary visitors who are workers including sex workers 'servicing' the visitors.

There is tourist travel and within it a particularly important and the fastest growing category is visiting friends and relatives. That is partly because of the all of the things I said earlier about young people's travel or business and professional travel that sets up connections, networks and as a consequence of these networks from time to time friends and relatives get travelled too.

Then finally, there are all sorts of work-related travel and especially commuting travelling to other places daily or weekly.

A consequence of all these different patterns of social life is what I call 'the mobility turn'. Thinking about how mobilities should be built into social science, trying to mobilize analysis that have tended to be static, fixed and relatively non-spatial, non-mobile. This mobility turn is thus

concerned with multiple ways in which economic and social life is performed and organized through time and across various kinds of space and especially the ways in which social relations get 'stretched' across the globe. I try to think about the methods that follow and the phrase I have for this is 'the developing mobile methods' so if people, ideas, information, money and objects are moving about how is it that social scientists try to capture and understand and analyze those movements? By definition, they are hard to capture, they are on the move, often they are not very visible and not very clear and some of the methods that social science has used are not very effective at capturing the slippery and changeable character of these patterns of movement.

67

In general, mobilities have been a black box, something people do not know about and do not investigate. Normally movement is seen as a neutral set of processes that permit the forms of economic social and political life that need to be explained by other processes such as by economics or by politics. And to the extent which travel and communication have been studied, they have normally been placed in very separated categories so you have the study of transport, geography, the sociology of tourism or the study of communications. Of course holiday making, driving, walking phoning, flying and so on are manifestly significant within people's lives and yet they tend to be under-examined.

One of the things that I think is necessary to develop in relation to thinking about mobility is to take account of what I call 'the mobility system'. These systems make possible movement, they mean that there are spaces for what I have been called 'spaces of anticipation' that the journey can be made, that the message will get through, that the parcel will arrive, that the family group can meet up. These systems permit relatively predictable and relatively risk-free replication of the movement in question. And in the contemporary world there are an extraordinary number of these systems such as systems of tickets, addresses, safety, hubs, web-sites, money transfer, tours, storage of luggage, air traffic control, bar codes, timetables and there are many others of course. These systems are very interesting and are parts of the way in which the physical world has been overcome and made relatively secure regulated and relatively risk-free.

SB: Movement is always being and not-being in the present point; a question on movement ambiguity and movement unpredictability: does your notion of systems solve this problem?

JU: My view of systems is that they never finalize, never complete, and they are never a matter of equilibrium. Physicist have a term which I like – ‘metastable’: not stable and not anarchic, contingently stable. Systems are held in a state in which quite minor things – bearing in mind the idea of complexity - can in certain circumstances disrupt what appears to be a highly stabilized system or a set of systems. Also, of course, systems are very interdependent with each other, so again - a small change somewhere in one system can then have a knock-on effect, reverberations which then impact on other systems.

* * *

JU: I see the capacity to network as a form of capital like economic capital or cultural capital. Network capital, I want to argue, is increasingly important in the contemporary world and it is probably more unequally distributed as other forms of capital.

Movement of some creates new industries, new things like airports, service stations, hotels, leisure centers because for others they are employees. But for me, an utterly central part of the mobilities’ program of research is to think about the new ways in which movement for some is non-movement for others.

A very interesting example is the big cities that now are come to develop around airports. Airports are epitome of movement aspects - people are moving in and out all the time. But of course there are large numbers of people who are relatively immobilized living and working in cities which often employ 50 or 100 thousand people. Sometimes they are mobile, but mobile to work for others - like my example with Dubai where the 80% of workforce are made up from migrant workers from Pakistan and India – incredible flows coming in to service. And when the workers arrive in Dubai their passports are taken away from them and they only get them back when leaving.

Yes, I completely agree and my method of looking at that is the concept of network capital. Also, I think there is an ideology of movement, the notion that to be a successful professional person you should have travelled about and you should have accumulated network capital from movement - I guess that is something that all of us are complicit in to some degree.

* * *

The significance of ideas of movement and circulation in the early scientific thinking, especially followed Harvey's discovery of how blood circulates within the human body and Galileo's notion that a natural

state is to be in motion and not at rest, was the very idea that motion is 'natural' and is something that ought to be identified, registered, promoted and so on. Some of the ideas that circulation is good you can see in a lot of early discussions on what should be done about cities in the early 20th century with the development of the motorcar with the car being something that would promote good healthy circulation in the body of society or the body of the city. So I think in Western thought the virtues of movement are very significant. There is in the modern world an accumulation of movement that is analogous to the accumulation of capital - repetitive movement or circulation made possible by diverse, interdependent mobility-systems.

69

Some pre-industrial mobility-systems included walking, horse-riding, sedan chairs, coach travel, inland waterways, sea shipping and so on. But many of the mobility-systems which are now significant date from England and France in the 1840s and 1850s. Their interdependent development defines the contours of the modern mobilized world that brings about an awesome 'mastery' of the physical world (generally known as the 'industrial revolution'). Nature gets dramatically and systematically 'mobilized' in mid nineteenth-century Europe. Systems dating from that exceptional moment include a national post system in 1840 (Rowland Hill's Penny Post in Britain based upon the simple invention of the prepaid stamp), the first commercial electrical telegram in 1839 (constructed by Sir Charles Wheatstone and Sir William Fothergill Cooke for use on the Great Western Railway), the invention of photography and its use within guide books and advertising more generally (Daguerre in France in 1839, Fox Talbot in England in 1840), the first Baedeker guide (about the Rhine), the first railway age and the first ever national railway timetable in 1839 (Bradshaws), the first city built for the tourist gaze (Paris), the first inclusive or 'package' tour in 1841 (organized by Thomas Cook between Leicester and Loughborough in Britain), the first scheduled ocean steamship service (Cunard), the first railway hotel (York), the early department stores (first in Paris in 1843), the first system for the separate circulation of water and sewage (Chadwick in Britain) and so on. In 1854 Thomas Cook declared as the slogan for such a period: 'To remain stationary in these times of change, when all the world is on the move, would be a crime. Hurrah for the Trip - the cheap, cheap Trip'.

But of course it turned out to be very limited changes - the twentieth century then saw a huge array of other 'mobility-systems'

develop, including the car-system, national telephone system, air power, high speed trains, modern urban systems, budget air travel, mobile phones, networked computers. As we move into the twenty first century these 'mobility systems' are developing further novel characteristics.

First, systems are getting even more complicated, made up of many elements and based upon an array of specialized and arcane forms of expertise. Mobilities have always involved expert systems but these are now highly specific, many are based upon entire university degree programmes and there is the development of highly specialized companies. Second, such systems are much more interdependent with each other so that individual journeys or pieces of communication depend upon multiple systems, all needing to function and interface effectively with each other. Third, since the 1970s onwards, systems are much more dependent upon computers and software. There has been a large-scale generation of specific software systems that need to speak to each other in order that particular mobilities take place. Fourth, these systems have become especially vulnerable to what Charles Perrow 'normal accidents', accidents that are almost certain to occur from time to time, given the tightly locked-in and mobile nature of many such interdependent systems: if one bit goes wrong, the whole system goes wrong.

What has been generated is what I like to call 'mobility complex' which is a new system of economy, society and resources. That have spread around the world and this mobility complex is remaking consumption, pleasure, work, friendship and family life.

One of the most interesting writers about that is Zygmunt Bauman. He says, as a consequence of this complex 'mobility climbs to the rank of the uppermost among the coveted values - and the freedom to move, perpetually a scarce and unequally distributed commodity, fast becomes the main stratifying factor of our late-modern or postmodern times'. Mobility inequalities become central to understanding contemporary societies. And of course as people move about gaining new addresses in their address books so that network extends, they then become more networked and networking thus is a form of inequality.

As I said earlier, movement and especially the capacity to move through what I call network capital have become particularly significant. Network capital may consist of the number of features: the ability to access forms of movement (the capacity to repair a journey when something goes wrong with it and then other alternative could replace

it), to know about these forms of movement through, for example, timetables, access to information and communication systems.

My argument is that the contemporary social science ought to take very much into the hand these inequalities of network capital and network capital is obviously connected to income and wealth, it is, as Bauman says, a main stratifying factor in contemporary times and we should study network capital alongside economic capital and cultural capital.

Q: Is network capital measurable or is it just a metaphor?

JU: Yes, it is certainly not as easily measurable as you could measure the economic capital or the distribution of income or wealth but of course normally we would think that, for example, relationships of social class involves more than just a distribution of income and wealth but these are sets of relations, so network capital would also be a set of relations and it would involve therefore indicators – say, the number of different forms of transport that any individual has access to, forms of communications, the reliability and consistency of those, the degree to which in a given society those were consistent and integrated with each other, the degree to which it was possible for particular groups to repair situations where there might be a some kind of a breakdown. So I think what we could do is to study it at a specific level - particular social groups, to establish how and why these groups have high or low network capital. It would be difficult to produce a national distribution but then that would be true for other forms of basis of stratification as well.

I am writing a book with Anthony Elliott called 'Mobile Lives' and he is been doing a research on what we call 'the globals' – those who are hugely rich and with high levels of network capital and we have to some degree being exploring through his research how to study the network capital of what we might loosely call 'the super rich' whose lives are formed through movement. There is no problem in moving from one country to another because 'the super rich' would have homes in those countries as opposed to merely having to book a hotel room or sleeping on somebody's couch. And of course also there are some groups who compensate for relatively low network capital such as youngish people who in a way often travel in ways more than they 'ought to', given their income – for example couchsurfing networks is an interesting way of getting around or compensating for limitations on network capital. So there lots of ways in which one can begin to study at least for specific groups the huge inequalities. I'm not sure whether these inequalities are

more pronounced than distribution of income and wealth but they are certainly very pronounced and also they are obviously very significant by ethnicity, by gender, in complicated ways by age and so on.

* * *

AB: I would like to know your opinion of what might be called 'dematerialization of human experience' or 'decrease of vitality'. For example, instead of making a real journey I can sit in front of a TV or a computer and watch pictures, videos or take a virtual tour on the Internet. What do you think about the perspectives of this phenomenon?

JU: The contemporary world is extremely difficult to research because the conditions of physical travel and communications are so rapidly changing, and figuring out how that is going to develop in the future is a huge question.

I think there is still a very strong notion of material connections, at least from time to time. This event wouldn't have been possible if I hadn't met couple of colleagues and organized this previously somehow. There has been an establishment and a certain sort of trust between us because we physically met - it is a material basis. And then, on this basis, we have other kinds of communications, such as we are having now, or through mobile telephony, e-mails or Skype. So at the moment it seems to me that the virtual is adding into material.

What is really interesting is whether people would substitute for the physical or body relationships or encounters with purely virtual. I don't think there is much evidence that this happens so far, but we don't know in what ways technologies will change – this might be a much more dematerialized possibility. What would the Internet be like in a, say, 20-years time? How would we be doing this encounter 20 years from now? I guess it would be pretty different and maybe each of you and I would be 3D-figures, many of the features of the faces would be experienced by the virtual communication systems and we might well say: 'Ok, that's the more real experience we said of the physical travel'.

NP: I believe that in the prospective of a few years from now or few decades perhaps, we will have less need for physical travel and there is a lot of evidence how physical travel in the world is replaced with virtual (not to mention what we are having now). Take virtual tourism for example: now we are installing web-cams in different geographical spots of the world in order to give people the illusion of being present somewhere where they can go physically! But they don't have time or desire enough - just to see the picture of what is happening there online.

In my view, non-material, dematerialized factors will take the leading and prevailing role – in one way or another, and the segment of dematerialized world would increase substantially. Virtual mobilities will replace the lack of physical motion; it will even bring some changes in human bodies - we will look differently from what we are now.

SB: What will happen if the virtual communication replaces physical movement on which all the tourist industry stands upon? Or why people are willing to be there physically, by their own bodies?

NP: This is debatable – some people do, some people don't. I don't think that everybody is just dying to travel - this is sometimes forced by the circumstances, by mass media, by public opinion, but sometimes to stay where you are is a bit more rewarding than to go somewhere.

JU: The physical movement that we have known, at least in a part of the world, over the last century or so, have all been premised upon cheap oil. The politics of oil and the fact that at the moment there is no real substitute for oil for moving water, people and objects around the world – this is all a big issue. And, of course carbon emissions from that oil and the effects on climate change are incredibly significant and that would add to the complexities of your point that life would be increasingly 'living a life on the screen' as opposed to 'living a life on the road'.

PROSUMPTION. A NEW SOCIAL CREATURE

Telebridge with George Ritzer

December 11, 2009

Higher School of Economics (Moscow, Russia)—
University of Maryland (USA)

Джордж Ритцер (род. 1940)

Американский социолог, один из лидеров современной социологии, заслуженный профессор Мэрилендского университета (США). Более всего Дж. Ритцер известен своей концепцией «макдональдизации» в которой расширил классическую теорию рационализации Макса Вебера. Дж. Ритцер утверждает, что рестораны «МакДоналдс» оказались лучшими проявлениями возрастающей инструментальной рационализации и иррациональных последствий человеческого существования. Также Дж. Ритцер является одним из ведущих теоретиков теории глобализации и общества потребления. Среди последних работ Дж. Ритцера: «Макдонализация общества» (пятое издание, 2008), «Глобализация Ничего» (2004).

Participants

GR – George Ritzer, University of Maryland

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

NJ - Nathan Jurgenson, University of Maryland

PJ - P.J. Rey, University of Maryland

AB – Alex Boklin, HSE

TR - Tatiana Razumovskaya, HSE

Q – Questions from HSE MA students

GR: I have long been working on the topic of prosumption although I did not have the term ‘prosumption’. The term first appears in Alvin Toffler’s work in 1980 and was very popular, but I don’t think that his use of the concept of prosumption had very strong effect on me nor on very many people. There are many other things about Toffler’s work that caught people’s attention – not that one in particular.

When I was writing the book on McDonaldization and writing about the issues of efficiency I started talking about the idea that one of the ways in which McDonalds made operations efficient was to put customers to work. So there has long been a section in the book headed ‘Putting customers to work’ and obviously that’s the forerunner in many ways at least to my thinking on prosumption. Some years later I started to think about this phenomenon in terms of a continuum: on the one hand we have a pure consumer – someone who does nothing but consume; and on the other hand we have a pure producer, if such thing is possible, where there is no consumption going on.

At one point I played with terminology of using the term ‘prosumer’ in a more limited sense to be the kind of person who is more producer than consumer: a prosumer would be toward the production end of the continuum. Then I played on the other end of the continuum with the idea of what I all ‘conducer’, which is obviously just reversing the priorities. The conductor is somebody who is more of a consumer than a producer. I found it so unpleasant that I actually never did

anything more with that idea. But still - at least in general - we need to think in terms of a continuum – from a pure producer to a pure consumer and then think of mixed types in the middle.

76

NP: On my part, if you allow me, I would suggest one more entry to the list of those new functions of consumers who are becoming producers. This is the entry of those consumers who buy electronic equipment and, in order to start all the functions, are forced to study very thick manuals which is quite a labor to do in fact and takes a lot of time and practicing. So, you really need to have a special training before you can become a well-operating person. There is no way to do anything without producing this knowledge for yourself.

NJ: Can you give an example? A lot of new technologies are increasingly easier to use user-friendly that don't require the sort of production of knowledge on the part of the consumer?

NP: I think this format of 'easy-using' or 'friendly-using' equipment is a fake thing, because if you go deeper in studying those functions, physically speaking, you get lost. You need to have a very special knowledge of how to use them and when a technician comes to help you to install the equipment he operates very easily with those things but as soon as s(he) leaves, you're absolutely lost and you have to learn a lot. It refers to some software, hardware, notebooks, HD television sets, HD satellite receivers, washing machines, dish washers, everything. It is my general attitude.

AB: I would refer to Linux which you largely discuss in your mutual paper. Even most friendly-made editions of Linux operating systems are hard to use because if we compare them with Windows which is very friendly and which does almost all the things for you, in Linux you really have to learn in order to operate it well and not to face any critical errors.

* * *

GR: On the one hand there is interesting prosumer and on the other hand there is the interesting Web 2.0. Of course they come together since the most important contemporary examples of the prosumer exist on Web 2.0.

One of the arguments that I make in one of my papers is first of all that in thinking about presumption and production and consumption we need to correct two historical errors. I think it comes from the tendency in economics to differentiate between supply and demand, basically supply being production and demand being consumption. Then in other fields, and in sociology – a separation of production and consumption. I think there is a problem here historically of making this conceptual distinctions but also seeing them as in some way opposed to one another while privileging supply in economics and production in sociology. So two related errors are that we are separating these ideas and then privileging supply and production over demand and consumption.

77

Over the last century and a half or more, there is a tendency among social theorists to emphasize either production or consumption. Most of the early theorists – and Marx being the most important example – emphasized issues of production. Consumption was of secondary importance to Marx and consumption he dealt with really had to do with something taking place in the process of production, not the kind of consumption that we generally think of today.

Conversely, beginning in the post-war era, in the United States especially, the focus began to shift from production to consumption as production in the United States started to decline – early with the decline of the steel industry and then more recently with the decline of the automobile industry. I think you know I'm interested in what I call the cathedrals of consumption – Disney world, shopping malls, Las Vegas and things like that. All of those were products that began in the United States in the 1950-s and boomed in the 1950-s, 1960-s and 1970-s and reflected, in the United States, the shift from society dominated by production to one in which consumption was more and more important, and the statistics that we use a lot in the US these days, is to say that 70% of the American economy relates to consumption. There is some controversy about how accurate that figure is but in any case it's an indication of the degree to which consumption has become predominant in the United States.

Of course the scholarship began to shift as well. We have the beginning of the field of the sociology of consumption as a result of this although interestingly the sociology of consumption has never been strong in the United States. It's great paradox - the fact that here we

have the world leader in consumption and the world leader of exportation of consumer goods and modes of consumption but at the same time we have a rather undeveloped sociology of consumption. Probably the richest work in the sociology of consumption has been done for years in Great Britain. The key document was done by Jean Baudrillard in his 'Consumer Society' which was published in 1970. Baudrillard announced there the arrival of consumer society and it was very important that someone within Marxist tradition made this point. Of course later on he published books on his break with Marxism and then his more radical ideas; anyway, I think that volume was important in the history of thinking about this. But the essential point is if you think of Marx as being overwhelmingly a theorist of production and Baudrillard at least in 1970 as being overwhelmingly a theorist of consumption what you have here is that dysfunctional separation between production and consumption, which has adversely affected our ability to think about many things by feeling that we necessarily had to categorize them as either production and consumption.

From my point of view, I would say: we have always been prosumers. To me, the primordial state is the prosumption state. If we go back to the earliest history, back to Middle Ages where people are raising their food, hunting for their food or however get what they need to eat – they are more or less or simultaneously are producers and consumers of what they need in order to live. I think that historically that is the primary state. What happened in the Industrial Revolution, is that we came - as Marx did – to separation of home and a workplace (a factory). We came to think of those people who went to the factory as producers without taking into consideration the fact that – as Marx recognized but did not emphasized enough – even in their active producing within the factory they were prosuming because they had to at the minimum consume – they had to consume Marx's means of production in order to produce. So what we thought of as a production worker was a prosumer.

As we move into the era of the last half-century or so in the United States, we think in terms of a consumer society. The fact is of course that increasingly – as you, Nikita, pointed out with your examples – consumers are producers. And it's back to my idea 'putting consumers to work' but it seems to me that we see an explosion of prosumption – for a variety of different reasons. Enormous basis of costs saving, for example. It's much cheaper to have you buy that expensive book and look things

up and do it all yourself then to send somebody out to your house to do that. Obviously, it's very difficult these days to get corporations to provide those kinds of services, they want you to do your work for yourself. Of course the real force at the moment in the explosion of prosumption is on the Internet, it's on Web 2.0: Wikipedia, Facebook and sites like that are fundamentally prosumption sites: one is consuming what is on those sites but is also producing what is there. Everyone expects the Internet to explode, Web 2.0 to explode and evolve perhaps in Web 3.0. whatever that might be. The future is much greater explosion of prosumption and of the utility of that concept.

79

NJ: Facebook, for instance, is essentially an entire system where the users create almost all of the content. Obviously the structure of this site is created by the corporation but all the content, every reading is created and also consumed by users so that's a really good example of the importance of prosumption.

* * *

GR: Let's discuss the issue of exploitation. To some degree it depends on your theoretical perspective as to whether you see this as a system of exploitation. I remember going back to very primitive forms of this when they first arose in the US – self-service gasoline stations. The idea was that: do it yourself and the price of gasoline will be cheaper. But very quickly, however, after that initial lowering of the price the price pretty quickly went back to where it was before so you were paying the same price and now you were doing the work. I guess that begins to communicate my perspective on this: in my opinion, that this is genuinely a new form of exploitation.

If you take a Marxian view on this, obviously capitalism is a system which was based on the exploitation of the worker so the idea was to reduce the worker's pay to as little as possible – just pay the worker enough so the worker can survive and come back the next day. And obviously that has worked very well for capitalism. However I think the prosumer is an amazing gift to the capitalist. All of a sudden you have a whole mass of people who are willing to do all sorts of work for nothing, for no pay at all. I'm not sure and I guess if you take business literature on this topic which comes under topics like 'co-creation', the business orientation toward this is not to look at this from the point of view of exploitation. But I do think of it as a kind of exploitation because the level

of exploitation of a prosumer is in many ways much greater than the level of exploitation of a worker. You have to pay workers something, you have to provide them with various sorts of things and in the case of prosumers you don't pay them anything and they provide everything – their own computers, their own electricity, their labor power – they do it all for nothing. This is a controversial issue and other people argue: 'How can you call it exploitation? People love to do this, they have fun doing this, they are fulfilling themselves and therefore it's not exploitation.'

NP: Well, personally I can interpret this as a personal love for being exploited which is a neo-Freudian way of approaching it. Another example of what you are saying, George, is IKEA type of furniture.

GR: Absolutely.

NP: The whole business of IKEA is based on that you build your own furniture using your own labor and your tools and this is why - they say - it's cheaper than in other stores although it is not cheaper, I guess, at least in our country. This is what we can call 'the hidden exploitation'.

GR: IKEA is a good example and you could think of it as a new form of false consciousness, I suppose: we all think we are having all sorts of fun putting together IKEA furniture or doing any number of these prosumption tasks but you are still doing lots of work for them that they used to have to pay people to do. Now you are doing it for them and you are doing it for nothing. And you are smiling as you do it – it's ideal from the capitalist point of view.

* * *

NP: The another issue, a very sharp one. Can you, at least at some point, give an example of prosumer strategies at the universities, in high education, since you are an expert on McDonalds university? Do you think that we have prosumer phenomena in this shere?

GR: Well, I think online universities would be more ideal prosumer kind of universities where professors are doing little or no work and the students are at home on their computers basically educating themselves, using the variety of things that have been provided by the universities. That would be the major example.

NP: Usually it is considered – at least in our country and I'm sure in the US as well - to be very progressive, to be very up-to-date to enable

students to work themselves on searching the information or just educating themselves instead of teaching them certain things in class.

GR: I'm sure that ideology exists; it is also a lot cheaper, right? They don't have to pay me or they don't have to pay you. I don't have to be here – go off on the Internet, look up my papers and read them - and I will give you a multiple choice exam that you can take at home. That would be ideal from the university's point of view but I'm not sure it is ideal from the educational point of view. It is probably a good idea that we have combine traditional kinds of education with using that to have students go off and create acknowledge themselves or find knowledge for themselves. But I'm not sure that we want to go to the university where students are prosuming their entire education. I would be troubled by that - I guess because I would be out of the job.

81

* * *

PJ: Returning to the issue of exploitation. While I largely agree with characterization of prosumption on the Internet as exploitation, the counter-argument exists. A lot of people who are doing prosumption – most prominent example maybe is bloggers - are doing activities, for much of which they are not getting paid, but they are earning a degree of social capital that they can ultimately leverage and monetize and make real money often. You have a number of examples of Internet millionaires - people who would be able to use their prosumption on the Internet to become famous or to be recognized as having a level of expertise because of the free labor that they contribute and ultimately gained a great deal of indirect benefits from that activities. So while of course no direct wages are being paid through that system bloggers are receiving money from the web-sites, they ultimately are able to monetize their activity and many make a living from the free content that they had originally produced.

NJ: The general point is that even if we are not being paid to use Facebook for instance there is also non-monetary value – social capital, social networks that we make. We can find jobs in the future or just get personal enjoyment. It maybe doesn't have to do with direct wages but value can be calculated in different ways because if you only calculate value by direct wages then exploitation on Facebook is infinite.

GR: Right.

NJ: If the producers are not being paid, then the exploitation is infinite because in Marx's sense you are only calculating value on direct monetary wages. So if we want to talk about exploitation we also need to see the other sorts of non-monetary value that are created.

PJ: I think some people have drawn the analogy that is more useful to look at - gift economies which operate on indirect reciprocity, reputation economies. The issue is that certainly exploitation is occurring with prosumption online but there's also a lot more going on, it's a much more complex story and to really fully understand this process you have to step outside the conventional Marxist framework.

GR: This gets into an issue getting a lot of attention here these days - an argument by Anderson about the free economy. Are you familiar with that argument there?

NP: Can you be more specific?

GR: I'll let Nathan do it, but the basic argument is that mainly because of the Internet we have become more and more accustomed to getting things free. Lots of the services that we get on the Internet we get for nothing. I would say it costs Facebook (and many other companies) huge amount of money to provide the infrastructure. They are providing us with the service and we are not paying for it. The other side: you have lots of things that are available to you on the Internet that are free.

That creates an ethic where what you do on the Internet is free. The argument is that we have emerging here a free economy which raises all sorts of interesting issues to think about in the future and how it is that all of these people who are often doing GPS mapping in order to map the world or writing book reviews for Amazon.com and they're doing it because they like to do it. How are they going to survive?

NJ: I think it's a good summary. We are working on the Internet for free and we're buying our products for free – that's the free economy.

PJ: The other issue is this: a company will provide, say, 90% of their services for free but once you are hooked, once you like what they have to offer, in order to access the full value of their products you need to start paying, buy a premium - and then additional services are made

available to you. I think that a lot of online companies have moved to that model.

GR: An interesting example of this is iPod with its apps. People send in apps and iPod decides which they are going to include and which not. Many of them are free some they charge for. It's a hugely growing number of these applications which greatly expand the capability of an iPod. Now the point here is that many people are creating these apps this for free but by having more applications iPod is enriched, it becomes more attractive and acquires more power in the market place. I think Google now has a version of this and has gone to a model of the 'accept them all'. In any case, prosumers are doing all sorts of work that is greatly benefiting. Maybe it's a beginning of a career, maybe they can start charging for it but in many cases they end up getting nothing but pleasure that iPod is using their application.

83

NP: So, the question is, why do people do that? What's in your opinion the main motivation for people to share their free products and put them online or send them to Wikipedia or any other Internet source and giving them for free for the common use?

NJ: You use the word 'common' – we hear it behind the ethic of Linux and other open source software. In a 'creative commons' community like Wikipedia the idea is collaborating in creating some sort of a social good. It is a very socially rich environment that people get a lot out of.

NP: This is what we call 'free economy', then.

GR: Yes. There is an ideological conflict on the Internet between a capitalistic mentality and what's called the cyber libertarian notion. Linux, for example, would be a part of this. There are people who adopt the cyber libertarian notion – that Internet should be free and controlled by the mass of prosumers – they derive pleasure from being involved in this movement. Linux succeeds as opposed to the other available systems that charge large sums of money to provide essentially the same kinds of services. So there's kind of an ideological satisfaction for many people that is derived from this as well.

AB: I have a question that would refer to the issues that we have just mentioned exploitation and free economy ethics. How would you threat the phenomenon of Internet piracy? Is it just a way of breaking

the law or that's a way of protesting or even bringing that free economy ethics to greater extent? For example, if I contribute to Wikipedia or Linux or to other things it wouldn't that be quite logical for me if I expected to get music, video files, or watch online television for free as well? Just because I would like to see some feedback from corporations.

NP: Indirectly it also refers to plagiarism on the Internet – not the same subject but they intersect one another very closely- which is widely spread among students in all the countries. At the university where now I work there is a special division and a software program for tracing plagiarism and not a single student's paper can get any satisfactory degree without getting through this program.

GR: So are you both saying that because you are doing those things free on the Internet it is ok to steal music or to steal ideas?

NP: No, this is a question, this is not an affirmation or anything like this. If Internet is a free zone, then everything is free on the Internet.

AB: And this is about the question of a new form of capitalism, I suppose, in general. A total free market which will replace the old-fashioned capitalism aimed at selling goods and at the same time exploiting people for free. That is just a question, not a thesis.

GR: Yes, I think it's a big new issue. There are a lot of questions associated with it, of developing a total economic model where people do things for free and get things for free. That is such a revolutionary idea.

I was just in Italy. We spent a week there and we had a guy who was our driver for the week. I thought he was the employee of my host. Two or three days into the trip I asked, 'How long have you been driving for so and so?' and he answered, 'I don't drive for him, I'm his friend.' A couple of days later I said to my host, 'It is quite unusual that this guy is willing to take a week out of his life and out of his work to drive us around all over Italy.' And he replied, 'That's the Mediterranean way'. It's a version of a free economy. Maybe there are more places in the world where we have these pockets of free economy.

NP: I think it is primordial, prehistoric ethic. Italy, Greece, sometimes the south of Russia (it used to be in Russia at least) – same things. You can get a lot of services for free.

GR: Well, perhaps what we have here is a coming together of primordial performance of services for free and the Internet performance of services for free. Obviously, however, we have daunting problems in creating the free economy, the actual implementation of that. It bubbles the mind to try to think about how you would run an entire economy in that way.

NJ: I think the issue of piracy is really good to give another sort of not-so-capitalist slant to what is going on with prosumption, even though I'm sure it will leverage for profit in the long run. I don't think that prosumption is an invention of capitalist to just trick us all into working for free; with piracy or related developments we see collapsing of giant capitalist institutions in the economy such as the publishing industry or music industry.

85

* * *

GR: With Nathan, we have also been thinking and writing about efficiency versus effectiveness. Efficiency is, of course, one of the basic characteristics of Weber's theory of rationalization and my theory of McDonalidization and certainly a basic component of capitalism as well. All of these refer to what we do or what is ought to be done if efficient kind of way.

Sometimes efficiency is effective too, but other times efficiency ends up being ineffective. We have the examples of recent failure of the American automobile companies which were operating very efficiently but not very effectively in the sense that they were not producing competitive automobiles, automobiles that were well adapted to the environmental problems we have, to gasoline prices etc.

The argument is that what we see on the Internet and Web 2.0 is the issue of effectiveness rather than efficiency. It is not efficient for ten thousand people to be involved in the creation of Wikipedia entry, a very inefficient model, right? But it is quite an effective model. I think increasingly people are accepting Wikipedia as a legitimate source. I edited a few years ago the Encyclopedia of Sociology which is 11 volumes long - a traditional model where I used 17 hundred scholars around the world to write the entries. And one of the review said something like: 'Well, many of the entries are not as good as or no better then Wikipedia entries.' I thought it was a good contrast between the older, relatively

efficient model of getting 17 hundred scholars to write in their areas of expertise – efficient but maybe not so effective – and the Wikipedia model which is not very efficient but quite effective.

* * *

86

GR: Another idea that I have been working on with Nathan has to do with various models of surveillance and control within society. What we start with there is Michel Foucault's notion (based on the work of Jeremy Bentham) of the Panopticon in his book 'Discipline and Punish'. His model is the prison and the tower in the prison. The prison cells are open to the tower and you can have hundreds or thousands of prisoners who are being surveilled and controlled by a very small number of prison guards. And in fact in the end you don't necessarily even need to have anybody in the tower because the prisoners cannot see into the tower and so they conform simply out of the idea that there might be somebody in there. That is the 'few-many issue' - the few controlling the many.

Other models have recently been suggested. The second one is 'synopticon' which is 'the many surveilling the few'. Television would be the example of that where there are many viewers who are watching popular shows. You can have millions of people watching Oprah Winfrey's guests and they will reveal things about themselves.

A third possibility is what we are calling the 'miniopticon' – that is 'the few surveilling the few.' We are using here Norbert Elias' work and his idea of lengthening dependency chains. But the point is that earlier in that process you have only a few people surveilling a few people. It's not important for our purposes.

The key point here is the forth type – what we call the 'omniopticon.' And the 'omniopticon' is 'the many watching the many'. What we want to argue is that in the contemporary world – especially on the Internet – what you have and what has become a much more important model than the classic 'the few watching the many' is "the many watching the many" so we see this is emerging new model of surveillance and control. Facebook would be an example here. These is an important corrective on Foucault's perspective.

AB: If we talk about the last example, Facebook, even despite the fact that still the many are watching the many another premise is

implicated – the Foucauldian premise – which is that the few are watching the many. So it is argued sometimes that Facebook reveals too much personal information from the users which they upload to their profiles to secret services.

GR: That is a good point because what you are really saying is that we basically create here four types but of course in the real world you have a combination of types. So I think it is entirely possible that we have ‘many-many’ model going on and the few out there who are watching the many-many kind of model. I think that would be a useful addition to the paper we are working on.

87

AB: That also might be about the Frankfurt School problem between what is pronounced and what is true, what is behind. As a pronounced model you can have this ‘opmiopticon’ translated to lay people while in fact you have classical panopticon.

NJ: But I think it is important not to fall back into this. We all should be wary of very important critiques about how panopticon surveillance exists on Facebook. All those critiques are very important and a lot of people are focused on them with respect to the Internet. But what has not really been written and what has not been focused on is finding issue with the ‘omnipticon’. Again – not to say we should not talk about government or corporate surveillance on Facebook, but I think there is a new problematic, a new potential for new theorizing on ‘the many are watching the many’.

* * *

AB: Just a short note about ‘effectiveness versus efficiency’. If we discuss effectiveness it is important to bear in mind which sphere we take – for example the Italian man Professor Ritzer was talking about was effective in gaining social capital but he was not effective in gaining money. And the same can be said about Wikipedia: you can be effective in providing useful knowledge for all the people around the world but it is not effective to give money to those who contribute to this project.

GR: Yes, fair point.

* * *

GR: One of the things we are interested in is the transition from Web 1.0 to Web 2.0 and the implications of that. It relates to the ideas

that I develop in 'The Globalization of Nothing'. The general argument that we make is that Web 1.0 was dominated more by what I call 'nothing'. 'Nothing' is any social form which is centrally conceived, centrally controlled and lacking in distinctive content. The classic Yahoo page that is closer to the 'nothing' end of the continuum is centrally controlled by Yahoo, centrally conceived by Yahoo and lacking in distinctive content – and historically, at least in the early years of Web 1.0, everybody got basically the same page. On Web 2.0, it seems to me, there is much greater possibility for the existence of 'something' - on Web 2.0 we can see the development of many more social forms that are more indigenously conceived by the people who happen to be involved in, controlled by those people and producing as a result distinctive content rather than the homogenous content that gets produced on Web 1.0. In that sense that is a rather optimistic view of social change and optimistic view of Web 2.0 as opposed to Web 1.0: Web 2.0 is more a domain of 'somethingness' and on Web 2.0 there are much greater possibilities for the creation of it than on Web 1.0.

AB: If we treat Web 2.0 as a positive transmission from its previous variant, do we face the problems we have just mentioned – social control and the problem of manipulation? I guess we should take both sides of the coin in our analysis.

GR: What I always like to do is to look at a social phenomenon from a variety of different theoretical lenses and I think we need to be wary of adopting one overarching lens and always seeing things from the point of view of that lens. In terms of what we talk about today we get rather contradictory conclusions: on the one hand, Web 2.0 is an exploitative domain and on the other hand it is also a domain in which we see more 'somethingness' than 'nothingness'. So you have simultaneously a critical orientation and a laudatory orientation. For me, social theory is like a huge toolkit and I think from a student's point of view what is desirable is to know as much about the tools that exist in that kit as possible. I suppose I should do a TV show, 'Theorizing anything'.

NP: But behind this joke, I suppose, there is a very serious content because being a theorist today in sociology means that, basically speaking, in my opinion one has to have an interpretation for almost

everything in the world. This is in what sociological theory is today how I think. I am not sure you have the same attitude, perhaps you do.

GR: Yes, I always try to make sense out of whatever I am encountering and usually I fall back on my own theoretical ideas or other theoretical ideas, or develop new ones. There are always new developments, vast warehouse stores of ideas that you can use to think about various things or to come up with new ideas. The other thing about being a theorist is that you can theorize as long as you have two or three brain cells left – and maybe beyond that. I may have gone beyond that.

89

* * *

TR: Have I understood correctly that consuming process in IKEA or Facebook examples is a free kind of labor that actually brings pleasure just because people do it for themselves so they are, in Marx's terminology, not really separated from the result of their work and the labor process?

PJ: I would say that what you bring up is that prosumption to some degree may overcome alienation. I think the another important thing that we have not brought up in the conversation about prosumption is the fact that visual content is infinitely reproducible. I think what is interesting about the way that economy works on the Internet is that you can actually produce something for your own enjoyment not being separated from the product of your own labor. But then everyone else can come along and simply copy that million times, infinitely. For example, with the iPod and iPhone apps, you can make a program that is useful to you and then Apple can come along and reproduce it and leverage value from that product. And I think that understanding the aspect of infinite reproducibility in conjunction with the idea that labor is less alienated has a lot of potential for explaining why prosumption has exploded in the context of Web 2.0.

NJ: As a possibility, we can have exploitation and not alienation – maybe what we have is that people are not alienated and not moved from their work but they can still be exploited.

GR: I would answer that you need to distinguish between structural realities and attitudes and feelings. You may feel not alienated, you may feel not exploited, you may feel really good about what you are

going, but from a structural point of view – Marx’s definition of alienation was really a structural definition – you lose control over, you get separated from that. The same thing with exploitation – these are to me concepts which relate to the fundamental structure of capitalism. And I think those fundamental realities continue to be in place while more and more people are putting their IKEA furniture together or writing on their Facebook wall and things like that. They are feeling good about it but at the same time Facebook’s market value goes up a billion dollars a year and IKEA is more and more profitable. So you feel good and they are growing richer. One of the ways they are growing richer is what you are doing for them. It is a great system from a capitalistic point of view because we are all joyfully enriching Facebook, Apple Computer, IKEA. If I could only get you all to write my books for me and apply this that way I could become wealthy myself.

AB: That is once again about compensatory mechanisms which can help to overcome exploitation. Even if the system is really exploitative you may still have a lot of joy and if you are copied millions of time – doesn’t it mean that you are popular, that you have gained social capital?

NP: I would say that what we are discussing today is the post-consumer society type of free economy where people would be contributing to the common market or different kinds of markets without having such a self-consciousness of being exploited. It is the free donations of products and free consumption - but only under the condition that the economic and social security of people is guaranteed by the society. Otherwise I cannot imagine it to be something real. The question is whether we have enough evidence of those new-coming phenomena and the key issue is what is going to be after the economic crisis – is it going to be a new stage of development of the consumer ideology and consumption, a post-consumerism type of thing which I think you, George, is describing as the totality of prosumer culture where everyone will be contributing to consuming from the same reservoir.

GR: Yes, that is right. I think there is a lot of evidence that there is a new world emerging here. Your point is a good one, that is if we are all doing this stuff for free that might work if we lived in a society where everyone was being cared for at some at least minimum level by the society but that is certainly not the case in the United States – we don’t have that kind of ethic. We have a real contradiction here in the sense

that lots of people often do things for free not really knowing how they are going to profit from it but doing it nonetheless because they like doing it. But it is in the context of the society which is not going to be there to protect them. This is another dilemma that we need to address in the future. This is all exploding around us – we are all part of it, we can all see it very clearly, and so we all can analyze this as we go on a day-to-day basis.

PUBLIC SOCIOLOGY IN REVIEW

Telebridge with Michael Burawoy

December 18, 2009

Higher School of Economics (Moscow, Russia)—
University of California, Berkley (USA)

Майкл Буравой

Выдающийся американский социолог, в настоящее время профессор университета Калифорнии, Беркли, на XVII Всемирном конгрессе социологи Международной социологической ассоциации был избран ее президентом на период 2010-2014 гг. Майкл Буравой наиболее известен как автор работы «Производство согласия: изменения в трудовом процессе в условиях монополистического капитализма» (1979), известен как сторонник «публичной социологии». Первые работы Майкла Буравого были построены на методе включенного наблюдения в производственные процессы на промышленных предприятиях в различных странах: в Замбии, Чикаго, Венгрии, России. В последнее время М. Буравой акцентирует свое внимание на том, каким образом социология как тип знания внедряется в публичную сферу, становится общественным достоянием. Для этого в качестве аналитических идеал-типических конструкций используются сферы академической/профессиональной социологии, прикладной социологии, критической социологии и непосредственно социологии публичной. Среди последних публикаций: «Что случилось с рабочим классом?» (2002), «Приватное беспокойство и публичные проблемы» (2007), «Публичная социология в Калифорнии» (2008).

Participants

MB – Michael Burawoy, University of California

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

Q – questions from HSE MA students.

93

MB: What I want to do is to give an introduction to public sociology based on my own experience and then more abstractly so you have a sense of its genesis and then we can have a discussion about its relevance for Russia.

I am going to start in 1990. I was invited to join a boat full of Russian sociologists going down the Volga river for 10 days – it was a wonderful trip and introduced me to Russian sociology – many of these sociologists, of course, were working in large enterprises and so were very applied sociologists. 1990 was a very exciting year in the history of the Soviet Union, it was just about the end although at that time we did not know it. I had been to the Soviet Union before but this was the first time I had a chance to speak to sociologists on an informal basis.

After Moscow I went to South Africa. This was the first time I had been there since 1968. I had never returned because of the academic boycott against the South African apartheid regime organized by the African National Congress. But I was invited in 1990 after the boycott had been lifted to go and address sociologists in South Africa. This was a very strange and extraordinary experience for me particularly after going down the Volga with all those Russian sociologists.

What I discovered in South Africa was a sociology I had never seen before, just as Russian sociology was also quite unique at that time. I found sociologists – as well as people whom I had known for many years in exile – people who were deeply engaged in the social movements of the time whether in communities or factories.. These sociologists, deeply embedded in such movements and doing a very activist sociology, were generating all sorts of new ideas and challenges to the conventional sociology I was accustomed to. This was my first intimation that sociology could be really different than the sociology I practiced and that

was generally practiced in United States. It was a very professional – by ‘professional’ I mean sociologists in the United States spend a lot of their time talking to one another, exchanging papers with one another and evaluating one another’s work, teaching students in the university but for the most part they are insulated from the wider society.

94

I was intrigued by this new alternative sociology and I came back to the United States with an imagination of how sociology could be different - the combination of going down the Volga with Russian sociologists at the time of the disintegration of the Soviet Union and being in South Africa with South African sociologists challenging the apartheid regime.

Out of this emerged, over time, reflections that became the basis of my vision of sociology as composed of 4 elements: professional, public, policy and critical. The idea of public sociology emerged very much from my experience in South Africa in 1990 and indeed in subsequent trips to South Africa during the 1990-s and I still continue to go back there. That is the context within which my understanding of public sociology developed – that and the contrast with US sociology, which was so involuted and so professionalized.

* * *

DIVISION OF SOCIOLOGICAL LABOR

<div> <div>Audience</div> <div>Knowledge</div> </div>	Academic Audience	Extra-Academic Audience
	PROFESSIONAL	POLICY
<div> <div>Instrumental Knowledge</div> <div>Reflexive Knowledge</div> </div>	CRITICAL	PUBLIC

The prototype of professional sociology can be found in the United States. It is the extreme form of professional sociology and I am going to contrast it with what I call 'public sociology'. In professional sociology sociologists engage with one another, work within their own research programs, develop research agendas. A variety of research programs exist and are developed usually in a university or academic context, sometimes in institutes outside the university. Professional sociology is a sociology for sociologists or largely for sociologists as opposed to public sociology, which engages broader publics, lay audiences - it is a dialogical relationship in which each side is accountable to the other in which sociologists respond to the problems and interests of publics and publics respond to sociological insights. So here the idea is not to produce a sociology only accessible to professionals but to produce a sociology that can provide the foundations of public debate and public discussion.

I want to contrast public sociology with what I call policy sociology. Policy sociology is less a dialogic relationship, it is the application of professional sociology in the service of some client. The client may be a government agency, an NGO, a labor organization. In policy sociology it is the client that determines or defines the terms of sociology, defines a problem to be solved by a sociologist.

And finally, there is a fourth type of sociology, which I call critical sociology. Critical sociology is often in opposition to policy sociology but aims first and foremost at professional sociology. Critical sociology is sociology that investigates interrogates the assumptions of professional sociology and subjects them to critical discourse, critical discussion.

Where do we find a lot of policy sociology? I talked about professional sociology in the US, public sociology in South Africa. I found a lot of policy sociology in what was the Soviet Union. In fact sociology in the Soviet Union was largely a sociology that was orchestrated and organized on behalf of the Party. It was a sociology that provided the ideology of the Party state. So the prototype of policy sociology could be found in the Soviet Union.

Critical sociology you might say emerged in response to policy sociology- in places like Hungary or Poland where socialist regimes called forth critical sociology, critical of the policy sociology – although that could be very risky. In the West, on the other hand, critical sociology was more oriented to professional world. In the United States we think of

people like C. Wright Mills or Robert Lynd, one could even include Pitirim Sorokin who, in his later years, played the role of the critical sociologist in the United States.

NP: How about Robert Merton, where would you put him?

MB: That is interesting. He was a key architect of professional sociology in the United States although one of the ways he built professional sociology was by giving it a public image –so he was also a public sociologist but only in the service of professional sociology. His student, Alvin Gouldner was very much a critical sociologist, critical of the professional sociology that was current in the 1950s and 1960s.

Anyway there we have our two-by-two table, and the question is: how do we justify it? I have constructed it inductively and, thus, justified it empirically, but I think that we can also generate these four types of sociology by asking two fundamental questions:

1) Knowledge for whom?

This is a question that sociologists and social scientists ask too infrequently. Who are we writing for? Are we writing for ourselves, an academic audience, or are we writing for an extra-academic audience? That is one dimension of our two-by-two table.

2) Knowledge for what?

For what ends, purposes do we want to produce sociology? When we are policy sociologists we have an extra-academic audience, a client who defines the problem, and we, sociologists, try to solve the problem, that is one form of instrumental knowledge. On the other hand, as professional sociologists we have an academic audience and we are in the business of solving puzzles. I think that is what we do as social scientists, we have our research programs or paradigms, and they generate puzzles and as sociologists we try to solve those puzzles, that is how Thomas Kuhn defines science and I think that is what we do as scientists. Those are the two types of instrumental knowledge -- solving puzzles which is professional sociology or solving problems, which is policy sociology.

Now we turn to the second dimension - reflexive knowledge, which is not so much concerned with means for given ends but concerned with discussion of those ends, ultimate goals, values of

society. This reflexive knowledge is what Max Weber would call 'value discussion' and this distinction between instrumental and reflexive knowledge is at the heart of the Frankfurt School of critical theory.

In the extra-academic context reflexive sociology is public sociology - that is a dialogue among sociologists, social scientists and broader publics about the directions or the values of the society in which they live. Critical sociology, on the other hand, is a discussion within the sociological community itself, a discussion about the methodological and philosophical assumptions of professional sociology, about the foundations of our discipline. It is important to interrogate the values that inform professional sociology, but that interrogation -- that critical sociology -- should also infuse public and policy interventions. The values that form the foundations of sociology -- notions of justice, of rationality or equality - should also inform public and policy sociologies. So if professional sociology is the 'brain' then critical sociology is the 'heart' of sociology -- it is where we find our reason for existence and the motivation for our work.

97

This is my division of sociological labor. Now let me make a few qualifying remarks. First, individual sociologists can be professional and public sociologists at the same time or they can be policy and professional sociologists, or they could be simply public sociologists alone. The link between sociologist and type of sociology is not given, it is a complex relationship and indeed sociologists often have careers that take them sequential through these various boxes.

What about the relationships among the 4 sociologies? The underlieing assumption of this division of labor is that they these four types are in a relationship of interdependence. That is to say, each one of these sociologies depends upon the other three. The flourishing of each depends upon the flourishing of all.

To the extent that these four types of sociology are in intimate connection with one another we have a vibrant discipline. To the extent -- this is the danger -- that the public sociologist becomes populist sociologist and is only concerned with being accountable to publics and loses touch with policy and critical and professional sociologies, that is a problem for public sociology and a problem for the discipline as a whole. To the extent that professional sociology insulates itself from policy, critical and public sociologies, as to some extent it does in the United

States, that is a problem not for professional sociology but for the discipline as a whole. Insofar as critical sociology becomes simply dogmatic sociology and becomes unresponsive to professional, public and policy sociologies, it too becomes problematic.

So my claim is that flourishing discipline depends upon the interrelationship, upon a synergy of these interdependent sociologies, forming what we might call an organic solidarity. That is my dream. But reality, of course, is very different. The reality is that these four sociologies - in whatever context we look at them whether it be local, national, regional, global – are turn out to be part of a hierarchy, they are in relationship of domination whose configuration looks very different in different countries.

* * *

Let's have a little fun. All the following people are sociologists in one way or another. By talking about them the idea is to show the ways in which they do not fit perfectly into these boxes. All I want to suggest by these short biographies how different people are located at different places in this matrix, often people combine different types of sociology together and we can see in the Russian context that different generations of sociologists are engaged with the wider world and with sociology in different ways.

Leon Trotsky. Trotsky was of course a very public figure and a wonderful orator, he spent a lot of time haranguing people about the revolution, especially in 1917 with those in Saint Petersburg. But he was also an architect of the early Soviet state -- his policies under war communism during the civil war and the militarization of labor afterwards turned out to be very authoritarian. But he was a major figure in charting out economic policy and he was, of course, the brilliant commander of the Red Army during the The Civil War. An extraordinary character. On the one hand he was a public sociologist - his *History of the Russian Revolution* is still one of the greatest books ever written about the Russian revolution, and one written by a participant observer. You might say he was a professional sociologist but there was no professional sociology He was also a critical sociologist. *The History of the Russian Revolution* was written in exile as a critique of what became of the revolution. We see how he is located in at least three of these boxes.

Alexander Chayanov was a great rural sociologist who defended the idea of the peasant economy against collectivization. And his theories of the peasant economy are widely read, at least, in the West to this day. Theodor Shanin, a well-known sociologist and big figure in peasant studies, and who has now returned to Russia, became Chayanov's champion and popularizer in the West. Chayanov was also a policy sociologist and a critical sociologist like Trotsky.

Nikolai Bukharin. He wrote a book called *Historical Materialism* and a very famous book on imperialism as well. So you might say he too was a policy sociologist but also contributing to the emerging paradigm of Marxist sociology, but from outside the professional world.

99

But what do all these three people have in common? All are public sociologists in one way or another but they have something else in common. They were members of a single party but what happened to all of them? They were killed by the Stalinist regime (Bukharin 1938 as far as we know, Chayanov was 1937, and Trotsky was assassinated in 1940). My point is this: public sociology is not for sissies, it can be very dangerous. For example, public sociologists, in South Africa were assassinated, others found themselves in prison and harassed. If we think about the Iran today, sociology is under assault precisely because it has public moments and critical moments. Here in the United States, there is no threat to your life, there is nothing at stake -- it is just a matter of what you might lose in terms of your career.

Pitirim Sorokin. In his early years in the United States in the 1920s and 1930s Sorokin was a major figure in professional sociology. He introduced the idea of social mobility into US sociology – something we now take completely for granted. He was also a major figure in bringing history to sociology. Yes he brought it to sociology in a relatively crude manner but his vision, his panorama was extraordinary. That is on the one side. But on the other side he tried to promote a public sociology with his ideas of love or altruism, which he thought of in religious terms and sought to disseminate them among publics beyond sociology. In fact he lost his sociological audience because he was so critical of sociology. In his Russian phase Sorokin was also a policy sociologist - he was a secretary to Kerensky in the Provisional Government during the Revolution and after the Revolution he conducted sociological surveys investigating rural policies. His work became a real challenge to the

regime and he was imprisoned. He secured a reprieve from Lenin but was expelled from the country. That is how he survived as a critical-public sociologist and escaped the tragic fate of so many others. He is a fascinating figure because he moved between all four types of sociology at different periods in his life.

Tatiana Zaslavskaya. In Novosibirsk, she worked on inequality within Soviet society. But she was more than just a professional sociologist.

100

NP: She issued a very important report in 1980 about the social conditions of Soviet society which was very critical, challenging its foundations. It was a very important professional deed and very risky in a certain way. She was highly criticized by the communist party bosses and was almost on the edge of being expelled from the university in 1980. It was the late Brezhnev period, we call it the time of 'The dream of reason'. Zaslavskaya was a rebel, she started a very important movement and I think she is the founder of contemporary Russian sociology - public sociology as well as professional. But she is also a policy sociologist. She worked with clients, with contracts and she conducted her research not just for the sake of academia but for practical applied purposes, especially in rural sociology.

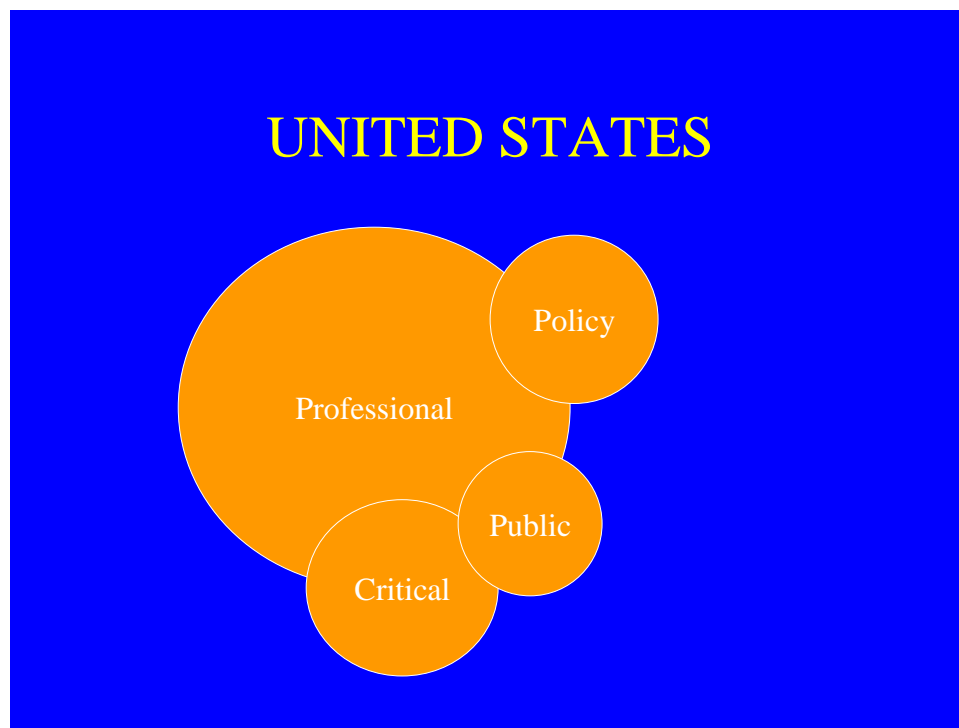
MB: I think she used to say that being in Novosibirsk there was no way to punish her as there was no place further from Moscow where they could send her. So she could be critical and safe in Novosibirsk.

Vladimir Yadov. He is of course another figure very similar to Zaslavskaya – similar generation, similar public role and similar professional role in sociology.

* * *

MB: Let me summarize where we are by presenting this in a different way – not talking about individual sociologists but the sociologies of different countries.

Here is the United States.

101

This is my impression of the United States, a gross generalization of a complex field. Still, we can say it is heavy on professional sociology with relatively weak public, policy and critical sociologies. The professional dominates the discipline.

NP: Why do you have such a big professional sociology – because there is no public demand for sociology? What is the social reason for having such an enormously huge bulk of professional sociologists in your country?

MB: We can say historically that all the disciplines not just sociology are hyper-professionalized in the United States, and they developed in the mid- and post-war period with what we call 'The Academic Revolution', with the rapid expansion of the universities that combined both teaching and research, universities became societies into themselves.

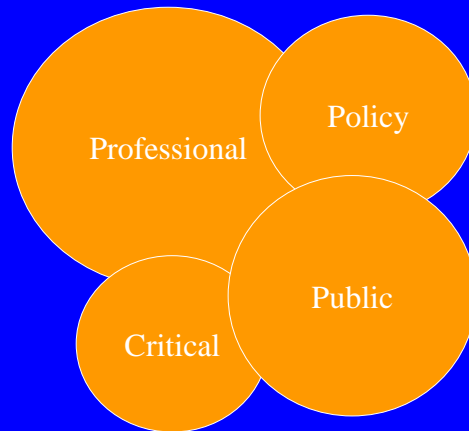
This is interesting: we always asked the great French philosopher, Michel Foucault, when he used to come to the University of California, 'Why do you come to Berkeley? Why would a French intellectual want to come to the United States?' He said, 'Because in the United States the university is like a huge public sphere unto itself.' And he was able here to debate with people as though it were a public sphere. Such a university does not exist in France.

Specifically about sociology, we have a real problem – why is the public, the critical and the policy so small? Because sociology has always had a problem in the United States in conveying its wisdom to a broader community. Why? Because in the United States the idea of the social, the very assumptions of sociology are antithetical to the common sense of its people. In the United States people think as individuals, they think psychologically, the world and so the sociological perspective has great difficulty in conveying the social structural limitations of human action. In the US individuals believe they can accomplish anything, they just have to want to do it badly enough! Why is policy sociology so weak? Policy science was stronger in the period when there was a more elaborated welfare state in the 1960s, when there were publicly recognized ‘social problems’, such as poverty, or civil rights, but today these problems may be worse but they are not defined as social problems – the welfare state has shrunk and problems are defined as an individual affair. The concept of society is alien not just to the citizens but also to the state. We sociologists are on a very defensive position: we exist because we have so many students to teach, it is our major function. In my view, teaching is a very important aspect of public sociology and we should think of students as our publics with whom we have conversations, two-way conversations, about the world.

NP: But why would your students take sociology courses if they are not applicable to what is happening in the country?

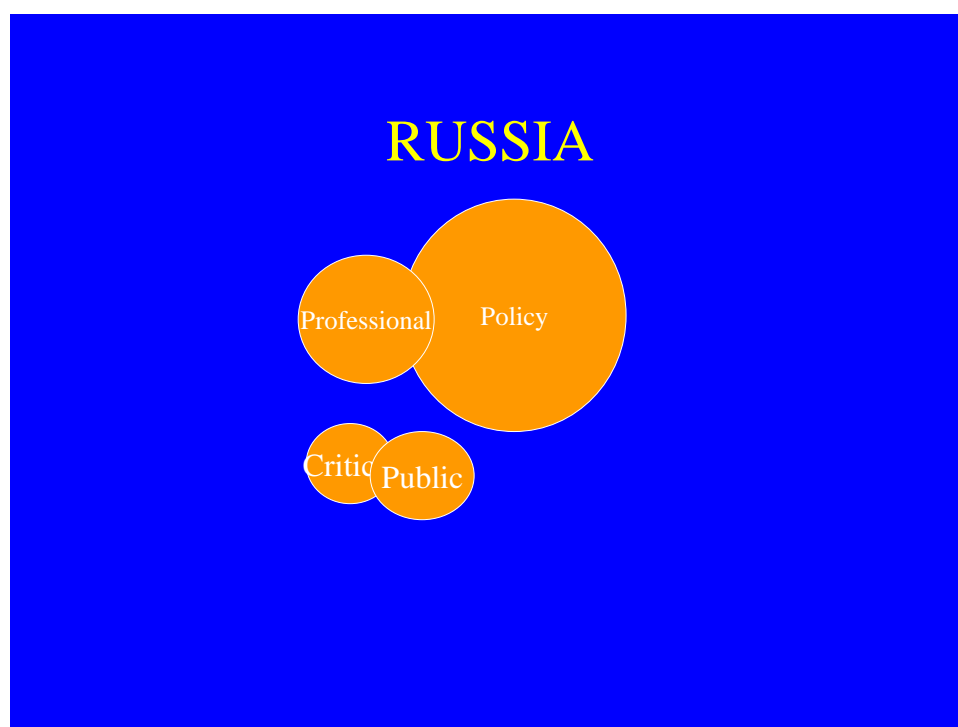
MB: Sociology is very applicable to what is happening in the country! While the world at large may not see it that way, many students do. For example, many of our sociology students are immigrants: when they come to the United States they find themselves in a very difficult situation to grasp. Sociology gives them a vision of how this society is constructed, they recognize hierarchy, domination, inequalities but also diversity, plurality, different ethnic and racial groups. But the wider public does not see the world through a sociological lens. Not to say the sociology does not explain the world – far from it, it is just that its explanations, the emphasis on social structure is not in the common sense, not readily accessible to people. It’s very different in France, Scandinavia, England, for example. There they do understand social structure, but the United States is a mass society which worships the individual, has created what Durkheim called “the cult of the individual.” Therefore it is difficult to get the ideas of sociology across.

SOUTH AFRICA

103

In South Africa there was a strong public sociology because it was so linked to the apartheid struggles of the 1970s, 1980s and the early 1990s. What is interesting, today in a new post-apartheid South Africa sociology is in retreat, it is becoming less public. Civil society is now much more contained, leaders of the civil society have moved into the state, the state itself has insisted that sociologists spend more time teaching and has made the conditions of sociology more and more difficult. So what you have is a movement back out of the society, away from public sociology into the professional and policy sphere. Many sociologists in South Africa cannot exist on their university income alone, but have to supplement it with policy work for NGOs or often state organizations. A similar story we could tell for India or Brazil.

In 1990 Russian sociology was in a very vibrant mood. This was the Perestroika period in which civil society and sociology took on a new lease of life particularly around small cooperatives which energized civil society. I think in the post-Soviet era, the public face of sociology has been in retreat. . Elena Zdravomyslova has said that public sociology in Russia has to be the public defense of professional sociology. Only now is professional sociology being built up, like here at the HSE. But it is still fragmented without a coherent framework. This the legacy of the Soviet period when sociology – inasmuch as it existed – was the ideological arm of the party state. That is to say, with a few exceptions such as those I have already mentioned, sociology was an extremely limited policy science. You live with that legacy today, as we can see in the abundance of survey research for NGOs, for corporations, for government agencies, for politicians. An autonomous professional sociology is still very weak.

NP: I have pretty much the same type of understanding of what is happening. The only point is that we probably need to put those circles closer to one another because critical and public sociology are not isolated from policy and professional – many figures among my colleagues work in all four domains simultaneously. They come closer with an exception that probably policy sociology is a little more distant from the others. Policy sociologists feel like being more self-contained,

they are more or less well paid, they probably do not need us, they have their own world - their own contracts, their own clients – probably not in the time of crisis today but a few years ago.

What is your anticipation of the future development of public sociology in your country and in our country? Do you think it could be on the rise and under what conditions? What can our students do with the knowledge of public sociology in the future?

MB: The future of public sociology varies from country to country. When I was talking about public sociology in the US this time last year I was optimistic that the new Obama regime, facing an economic crisis would subscribe to a more sociological vision of the world. And I was not the only one hoping this might be the case. This hasn't come to pass even though the economic crisis continues. Particularly hard hits are the universities which are moving ever more in the direction of privatization, corporatization and there is now the question of what will happen to disciplines like sociology, or history or English that cannot deliver commercially redeemable goods. The public universities in the United States at this moment in history - and we feel it very strongly here in Berkeley - are very much in retreat, in a defensive position. Of course the university is organized so that the first to suffer are the non-academic staff who get laid off and the students who have to pay higher fees, but, slowly but surely, it is going to affect everybody and, indeed, it is already affecting everybody. Under these circumstances sociology has both greater obstacles to overcome but it will also be presented with new opportunities. We have to think of new ways of giving sociology a public face in these new circumstances. Today public sociology is ever more necessary because there are no clear economic solutions to our economic problems, there are only sociological solutions. Still, as I have said, it is not clear who believes this – even many sociologists don't – and, therefore, what constituencies public sociology will have. That is the story here in the United States.

NP: How about China? I am asking because you are a great admirer of inviting Chinese colleagues into the ISA so I am asking you about your evaluation of the perspectives of the Chinese sociology. They have very special social and political conditions.

MB: It is a very fascinating story and very different to the Russian one. Chinese sociology did not exist until the 1980s. It had been

squashed by the state. How was it resurrected? In the 1980s they brought in experts of Chinese descent from the United States – Nan Lin was the most famous of these - to bring US sociology to China and they did that very successfully. At the same time the government sent lots of Chinese students mainly to the United States, but Europe too, where they were trained. Many of them returned with their PhDs and now populate the major departments of sociology. Sociology is also very strong in the Chinese Academy of Social Sciences where more policy driven work is done. All this indicates that the Chinese state considers sociology as having great potential in tackling social problems and also creating an ideology that will cement a society that is dangerously falling apart. The state has much more faith in sociology than most other states!

Now, alongside this professional and policy driven sociology, there also inevitably develops a critical sociology and even a public sociology. Today in China it is possible to actually have a public sociology because there exists a thin and precarious but nevertheless real public sphere. There is the possibility through the Internet, through NGOs, through social movements of a very limited kind to convey sociology to a wider society. And there have been some very interesting projects conducted by sociologists working with communities and labor organizations in different parts of China. You never know if and when the state will stamp them out of existence, but nevertheless this is a very promising development of sociology. At this point Chinese sociology is one of the most vibrant sociologies in the world.

Another interesting part of the world is Latin America with a long tradition of engaged sociology, public and policy sociology. There we find politicians who are sociologists or were sociologists and public intellectuals orchestrating debates about the direction of society. Brazil is the best example, but also Mexico, Bolivia and Argentina.

NP: Cardoso, a very famous sociologist who was once the president of the ISA, became the president of Brazil. And I heard that there are more sociologists in Brazil than in the United States.

MB: If you are a sociologist in a university in Brazil, you can live on your salary – that is not true in any other country in Latin America where a sociologist employed in the university has 2-3-4-5 other jobs. This really limits the effectiveness of teaching, conducting research, becoming a public figure. Brazil has always funded its public universities in a way that

was quite unusual for the third world. But you find a lot of organic public sociology, that is sociologists working closely with communities in many parts of Latin America. They have developed what is called 'participatory action research' – that is collaborative research between sociologists as well as other social scientists and communities. It is quite a fascinating region of the world with respect to public sociology!

* * *

Q: Can sociologists exist in countries which don't have civil society? What do you think about civil society in Russia?

107

MB: As I see it sociology is a view of the world taken from the standpoint of civil society, so if there is no civil society there is no sociology. And I think there is a lot of evidence for that - in Stalinist Russia there was no sociology, in Mao's China there was no sociology, and there was no civil society in either of those countries. The same happened in Pinochet's Chile, or in Nazi Germany. Without civil society sociology cannot survive, they are connected by an umbilical cord. They are Siamese twins, firmly attached to one another, growing up together.

I think what we sociologists have failed to do is to develop a convincing scheme of mapping civil societies in different parts of the world. Any such map must also show the relationship between civil society and the state, civil society and the economy at the same time as being sensitive to the internal structure of civil society. What is civil society? Its elements are institutions, organizations, social movements and publics that are neither part of the state nor part of the economy. What does it look like in Russia? It looks very different in Moscow than it does in Syktyvkar; Novosibirsk is different from Saint Petersburg. Russia is an enormous country and I think the first thing to say is that Russian civil society is not a single integrated one, it is a fractured civil society and therefore you get a fractured sociology. It is no accident, therefore, that sociology tends to develop in one or two centers in Russia. I have not been studying Russia since 2002 so I don't have a good sense of what has happened since then in terms of the development for example of social movements or organizations that transcend regional boundaries.

NP: I agree with you again. Sociology is fragmented and, in my opinion, civil society today in this part of the world is not living through its happiest times. The public demand for sociology is falling as compared

to what it used to be, let's say 5-8 years ago. We probably need to agitate publics, this is why we have invited our students to study public sociology, because we cannot wait to be asked to do something in society, we need to look for work in society, to recruit more publics to study sociology, to take the initiative in meeting people, in going on television and radio, the press so as to convey analysis, our critical evaluation of what is happening in society. This is what we can and should do -- there is some room for that, there is a freedom today to do that. In other words we need to be a little bit more militant.

MB: Absolutely. On the one hand, there is the idea of a traditional public sociology in which you communicate sociological visions and their relevance through the mass media. On the other hand, there is the organic public sociology in which you have direct face-to-face unmediated relationships between sociologists and communities, building up projects and researches through collaboration.

Sociology has its own projects but it cannot be isolated from other disciplines. Particularly in public sociology, we have to collaborate across disciplinary boundaries. That is not to say that we dissolve sociology, it means that we strengthen the discipline by having relationships with other disciplines. I think public sociology must become a part, a distinct part of a public social science.

Some people think that there should be only one social science, that there should not be sociology, political science, geography, anthropology or economics but instead just one social science. This one social science at this time in history would turn out to be economics and that would be problematic, at least from my point of view. Social sciences have different interests: although each social science is a complex and contested field, nevertheless each has a dominant perspective: in political science it is to support the stability of political orders, in economics it is to expand markets. As I've said I think sociology's interest is to defend civil society and I think these are antagonistic projects. Particularly in an era of run-away marketization, sociology has a very important role to play - to keep markets and the state at bay, , to prevent them from destroying civil society. In this regard sociology is at odds with their dominant perspectives in economics and political science, but it is allied to anthropology and to geography. I

suppose I am a 'sociological chauvinism' - I still believe in the importance of a sociological vision. And as I say this is very much tied to civil society.

Q: Can one be a sociologist without having a credentialed official training as a sociologist?

MB: I don't think there is any doubt that one can be a public sociologist without a diploma in sociology. In this country, there are thousands of journalists, many of whom are spontaneous, intuitive sociologists or even sociologists that have read a lot of sociology, There are quite a few outstanding journalists who write brilliant analyses of important issues of a sociological character. The *New Yorker* is particularly strong in this regard, and the the *New York Times* is like a daily journal of sociology!

109

So, yes, there are public sociologists doing good work, who are not part of a university, who may not even be trained in sociology and it is our role, sociologists in the university, to enter into a dialogue, a discussion with them. When I was a president of the American Sociological Association, I introduced a new award for excellence in the reporting of social issues. The idea was to reward and recognize people outside the discipline who are doing good sociology, and that is what we do every year. We should not see them as competitors but as collaborators and we should learn from them.

Q: What type of knowledge and practical skills are important in training a public sociologist?

MB: There are two types of public sociology, traditional and organic, and they require very different skills. The traditional public sociologist has to be very skilled at translating – they both have to be of course – sociological ideas into an accessible language so that they resonate with the experience of those with whom we are communicating. Training to be an ethnographer who joins communities in their time and space would be good training for all forms of public sociology. Before we can communicate sociology, we have to understand the common sense of the people with whom we are communicating. That is a necessary foundation for both the organic and the traditional type of public sociology.

In training public sociologists, we should also spend much more time listening to journalists talk about how they communicate and write

for public audiences - they do it every day of their lives. We should bring in photographers and see how they think and how they imagine their subjects. We should bring in practitioners of communication and become apprentices to such experts.

Sociology has not done enough to explore different media; anthropologists are way ahead of us. If we are a part of sociology, we should very deeply engage with, for example, film as a way of presenting our ideas. There are all sorts of ways of presenting our ideas through the Internet, just like the very conversation we are having today. We should be doing more of this. A friend of mine, Erik Wright, who teaches in Wisconsin holds conversations between himself and political activists in Bogota, Columbia about his ideas on participatory government and democratic budgeting. This trans-continental dialogue is now facilitated by the communications technology that we have. That is the optimistic side of public sociology – we have at our disposal new technologies that would facilitate getting our ideas across.

Q: On the one hand, sociologists should work with concrete publics that exist in reality. On the other hand, public sociologists should create and organize their own public. What do you think about sociologists themselves constituting a public?

MB: One of my projects in the International Sociological Association has been to create a global community of sociologists. We have to learn to talk to ourselves and among ourselves, to constitute ourselves as a public before we can be effective in communicating with others. Or at least these two should go hand in hand. We are simultaneously observers of society but also participants in society. As observers we constitute ourselves as scientists, professional sociologists, but as participants we constitute ourselves as public sociologists. I feel strongly that we have to think of ourselves as a collective actor and we have to turn sociology on ourselves and think imaginatively how we can work together across national boundaries, overcoming all the inequalities and differences that divide us. It is a difficult project particularly especially if we are thinking globally, but I am encouraged that this is really possible – to develop a distinctive vision of sociology that we can indeed all share.

CIVIL SPHERE vs. PUBLIC SPHERE

Telebridge with Jeffrey Alexander
February 10, 2010

Higher School of Economics (Moscow, Russia)
—Yale University (USA)

111

Джеффри Александер (род. 1945)

Один из бесспорных лидеров современной социологии, профессор Йельского университета, заслуженный профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, совместно с Р. Айерманом возглавляет Центр культуральной социологии Йельского университета. представитель неофункционализма (термин «неофункционализм» был введён в научный оборот им самим в 1985 году). Дж. Александер, учтя критику функционализма 60-70-х годов, дополнил концепцию Т. Парсонса достижениями других социологических школ, прежде всего, идеями, связанными с конфликтом и феноменологией. Среди последних работ: «Значения социальной жизни: культуральная социология» (2003), «Гражданская сфера» (2006).

Participants

JA - Jeffrey Alexander, Yale University

NP – Nikita Pokrovsky, HSE

AB – Alex Boklin, HSE

DP – Dmitry Popov, HSE

SL – Sergei Lebedev, Moscow State University

JA: I would start with some background introduction to my work on the civil sphere. ‘The Civil Sphere’ draws out of different trends of my work but what is most distinctive about it is its cultural sociological dimension.

Cultural sociology is something that I began to define in my own particular manner in the middle and late 1980-s. This is an effort to put meaning, patterns of meaning and meaning-making at the center of social science, to make meaning into an independent variable to give culture relative autonomy.

The background of this goes back to Durkheim. In the early 80-s I said that we needed to make a distinction between the middle theory of Durkheim and late Durkheim. Late Durkheim is especially in ‘The Elementary Forms of the Religious Life’, which is a study of the symbolic classification system of the Australian aborigines, the rituals, the division of symbols into the sacred and profane, the energy that circulates among the aborigines, and the importance of culture. That book by Durkheim, published in 1912, was taken as a foundational text for anthropology but not sociology. Sociology focused on ‘The Division of Labour in Society’ (1893), ‘Suicide’ (1897) and ‘The Rules of the Sociological Method’ (1895). My interpretation of Durkheim was that those middle period works of the 1890-s were too functionalist and too mechanical; it was really Durkheim toward the end of his life who emphasized symbolic and emotional energy which we should focus on.

In doing so, I wanted to argue against the idea that traditional and modern lives are radically different in terms of the role of emotions, tradition, and meanings. This is one of the most pernicious divides that marks modern social science. Of course, there is a big difference between a traditional and a modern society, there is no doubt about ~~that~~ the role science, urbanism, education, rationality etc, but does that mean that modern people have given up irrational feelings and commitments to belief systems that can't be proven by science? The assumption of Marx, Weber, early Durkheim, also Simmel in many respects, and many others since is that there is this radical break between tradition and modernity: for example, when anthropologists study traditional societies, they might use the tools of symbolic analysis, but when they study modern societies, they have to focus entirely on the economic organization, on the role of demographic variables on society and the as purely bureaucratic.

In the 1980-s, I tried to develop conceptual tools for studying culture, meaning, codes and narratives inside the modern societies. For instance, I wrote an article on the computer, 'The Sacred and Profane Information Machine' which is in a book called 'The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology'. I said that the computer is, of course, a piece of immensely efficient and rational technology, but it is also a gigantic symbol that people have very irrational feelings about; they look to the computer as a vehicle of salvation and a machine that threatens damnation, that threatens to bring an apocalyptic end of the world.

In the late 1980-s I was studying politics, in which I have always been interested, and wrote an essay on the Watergate crisis in the US, which was created by president Nixon. One of the things I realized, as I was beginning to learn about symbolic structures, is that the late Durkheim has to be updated and connected to semiotic theories - for example, Barthes, Lévi-Strauss, later on Foucault and also to the hermeneutical theories of Dilthey and others, and - in the contemporary context - to the great symbolic anthropology of the late 20th century – for example, Mary Douglas, Clifford Geertz, and Victor Turner. So basically my concern as a cultural sociologist was to synthesize these different elements in a way that would produce models of analysis that could be subjected to rational empirical methods and come up with strong and robust findings.

In the late 1980-s and 1990-s, I studied the history and contemporary contours of political, social, economic, governmental, racial, gender, religious conflicts that occur in the public sphere of the United States particularly, but other countries as well. And instead of thinking of those conflicts as conflicts primarily over the material resources or social capital (such that the actors had nothing in common with each other - in other words, a game theoretical model), it seemed more true to me that the actors often actually spoke a common language. Even while they were in a very serious conflict with each other, they articulated their different interests in terms of a shared public language of which they were not really aware. I decipher this language as a binary code which I call 'the discourse of civil society'. I decided that was the language about motives, relations and institutions that had highly polarized quality of the sacred and profane, good and bad, and that what people were fighting over was not only material interest but the symbolic construction of themselves and others and that if they could construct their opponents in a polluted manner then those would look to the public audience as if they were undeserving of opposition in the civil sphere and were not worthy people in civil terms.

Once I had that insight, I built a new theory of the civil sphere and in doing that I could take on board not only cultural theories, but also institutional theories which were a bit of Durkheim, partly Weber, a lot of Parsons. Weber and Parsons developed a theory of different value spheres and different institutional worlds, and they develop a basic notion of systems – so you could talk about the relative autonomy of different spheres (civil, political, sphere, family, religious, ethnic or racial) from each other. It seemed to me that I could develop a more sociological understanding of democracy - that democracy exists to the degree that civil sphere assumes relative independence from other spheres. And I define the civil sphere as a sphere organized around an ideal of solidarity where each person has strong feelings of identification with every other member of the society, but the identification with people defined as autonomous individuals. So it is an attempt to combine individual with the communal and this is quite close to Durkheim's understanding of 'the cult of the individual' or to what Parsons called 'institutionalized individualism'.

I don't believe that civil solidarity has been given nearly enough attention in social theory or in social sciences. Social sciences have

mainly talked about the nation, the state, a bit about the legal order, of course, economic inequality a lot, ethnicity etc, but the sphere of civil solidarity is rarely the object of social analysis, so my aim was to develop a new object of study. What I wanted to lay out was, in a kind of Mertonian way, a middle range theory of the civil sphere, not simply a meta-theory in a philosophical or normative sense of which Habermas' work 'The Structural Transformation of the Public Sphere' is an example. But my aim was very sociological - I wanted to elaborate a set of concepts which would enable people to do research and to develop explanations.

115

I have two main levels: the level of the discourse of civil society which I have described in a set of complex languages and then the institutional level which I divide into the communicative and the regulative. The communicative gives a central role for mass communication, for public opinion polling, and for civil associations, and the regulative has more to do with using the discourse of civil society to develop coercive instructions to the state and to the individuals in the society. Of course, the key to a democracy is if the people on their own can regulate state power. That is the critical issue, because if they can do that to a significant degree, then they can also regulate economic, religious or patriarchal power. For example, if you have a relatively autonomous mass media, that is tremendously significant in affecting public opinion and social consciousness, and people who are in power have to answer to this public opinion. That is why when a society moves away from democracy, it is extremely important for authoritarian powers to gradually gain control of newspapers and television stations and why professional journalism is one of the least studied but most extremely significant institutions in a civil society.

It is a shame - I don't know what it is like in Russia but in the United States - the study of mass media is in specialized schools that are called 'media schools' or 'journalism schools' and it is rarely a part of the social science - sociologists rarely study newspapers or televisions. Anyway, the communicative institutions are critical - another example is polls. The more a society becomes authoritarian the less is public polling important. Polls seem as if they are purely scientific - they take random sampling to develop public opinion, but polling provides a public force that can shock people in a moral manner - for instance, it can say that the public doesn't like what the president of the United States is doing. If

Obama is doing something and people think it is popular, and then public opinion polls reveal that actually there is skepticism among the majority of citizen about President Obama's health care plan – well that kind of stops him! There is no institutional regulation, but then the journalists say: 'How do you respond to the fact that the public doesn't like what you are doing?' and he feels compelled to answer in a way because he is under obligation of solidarity. Of course he is also worried for his own material interest and that gets to the regulatory institutions, because every one, two, three or four years there are elections. The electoral system (free and fair voting) is a critical regulation: every once in a while public opinion translates into a vote which means that people can be kicked out of the office.

* * *

One of the things that I struggle with in developing this theory is the relationship between civil sphere and public sphere – there is a mess with the terms and I address this when I talk about the civil society. In the literature you must have met mostly civil society; I wanted to try to develop a distinctive way of speaking of civil society as a sphere that is vis-à-vis other social spheres whereas the traditional political theory and social theory way of thinking about civil society is all spheres outside of the state or all social issues outside of the state. For me, the civil sphere is different than the public sphere; many of the performances in the public sphere are oriented towards the extensions or contractions of civil society and civil obligations, but many are not. This is the argument that I have made.

The Habermasian perspective, which is very powerful today, traces its roots back to Plato and Aristotle and the ideas of Socrates - back to the Greek polis in republican Greece. 'Publicness is identical with democracy'—that is Habermas' argument. I don't agree with that because what I see is that publicness is a performative space in which people – political actors, social actors - can make arguments against democracy that can be projected to everybody. In the 1920-s and early 1930-s in Germany, the Hitler movement and the Nazi movement performed on the public stage as very effective actors and increased anti-Semitism, nationalism and eventually succeeded in gaining the most votes in 1933! And in the United States I see many very conservative actors making effective performances on the public stage.

Hannah Arendt is very interested in the public as well and she also, as Habermas does, takes her interest back to the Greek polis and to the classical writings of the ancient philosophers. But Arendt has a much more cultural and symbolic understanding of the public sphere. Habermas' understanding of the public sphere is very rationalistic: he believes that people are compelled to present good reasons, that there is an urge to reach consensus, that you are bound by certain norms of transparency etc, whereas Arendt realizes that the public sphere is a sphere of what she calls 'agonism' and she uses the notion of performativity – the sphere of speaking and acting individuals. I feel that my understanding of the public sphere is closer to Arendt's.

117

In the last decade, I have tried to develop a theory of social performances. Social performances are ways that actors try to get results in interaction, but they do so culturally and symbolically, not through rational action. The idea of social performance tries to embrace a more pragmatic dimension and connect it to a cultural dimension - that is why I call it a theory of cultural pragmatics. If you look at the history of post-World War II sociology you see the work of Erving Goffman and his first and most important book 'The Presentation of Self in Everyday Life' published in 1956. It is all about presentation, performativity, and there are a lot of other developments like the work of John Austin with the notions of ordinary language and performance. So I try to bring theater studies, performance studies into cultural theory.

* * *

AB: My question will generally refer to the relation between the civil sphere and Internet technologies. We may point out quite a number of negative intrusions that can be made into civil sphere - by capitalism, by state, by religion etc. But as far as I understand there is at least one danger that comes from within – this is the problem of commercialization or bureaucratization of civil sphere. If we take what is called 'independent mass media' or trade unions fighting for workers' rights, they all imply inequality within their organization (including unequal distribution of power), they all need some funds in order to keep on existing. And this may turn to noncivil institutions which demonstrate these features. So the question is: how would you evaluate the potential and the role of Internet technologies – in particular Wikipedia which helps to share information for free and can be

contributed to freely, or Youtube which was the only channel for information from Iran when all other media were blocked by authorities after the election, or social networks like Facebook? I suppose, these could be really useful instruments for constructing and sustaining civil sphere.

JA: Concerning the first point about commercialism, I would say that spheres outside of the civil sphere including economic and private capitalism are not necessarily anticivil, but they are noncivil. I identify three ideal-typical modes of relation between civil and noncivil: facilitating input, destructive intrusion and civil repair. I argue there it is up to the society at particular time to decide if something is a destructive intrusion or not - in other words, whether it is anticivil. It is not objectively anticivil: for example, the patriarchal arrangements of a traditional family where a male was in power over the female was not regarded as an anticivil institution for most of modern societies. If you look at Habermas' book, he actually argues that patriarchal family was essential to the vigorous public sphere and ethics, but in our days - at least insofar as we accept feminism as a strong moral argument - we often feel that that family was anticivil, that it does not give facilitating inputs to the civil sphere, but is something that the civil sphere needs to reconstruct to give more rights to women so to protect them.

I would say, the same is with business. The history of the relations of private capitalism and the civil sphere is always changing and always dynamic. For example, the safety and the conditions of workers in factory, which are fairly regulated now, used to be unregulated. Is there unemployment insurance for people when they are fired? Is there right for workers to organize their own trade unions? These are continually negotiated.

The issue of independent media is also very important. On the one hand, the media is made for the purpose of making profit and one would say this is anticivil. But I would argue that that it really depends more on the professional of journalism - to what degree does it form a self-regulating professional organization -- and the freedom of the people who write the scripts and the news. How much do they control? How much do the people who own the media control? These are big issues to study.

The second part of your question that was about all the new, let's say, 'social relations media'. Definitely in a society which is very state-controlled, where there is a suppression of the autonomy of media, you find that these social networking tools are absolutely essential because they are the only way people can communicate directly with one another and public opinion can form, and broader solidarity constructed. In a society like the United States, however, networking media do are not as crucial, for there are other, more professional, and more deeply institutionalized communicative institutions in the civil sphere.

It is quite a challenging problem, for example, to figure out what the relationship is of blogging to the communicative media of the civil sphere. If you look at the blogging you see blogs are very partisan and very "prejudiced." Blogs are organized nationally around right wing and left wing opinions; they don't correspond to the utopian ideology or the utopian discourse of the Internet. As a cultural sociologist I would look at the Internet not as an objective thing (although it does have objective possibilities), but there has also been a utopian discourse in a company of the introduction of the Internet - a utopian discourse of freedom, solidarity, democracy.

For example, people say: 'The Chinese government will not be able to maintain its authoritarian control once that Internet comes to China' as if a purely technological development has a gigantic cultural meaning attached to it, and thus its effects are inevitable. But as we see in China, the Internet will be controlled to a high degree by the state and we experienced a tremendous conflict between Google and the Chinese Communist Party. As I understand, in Russia it is not like that and there is still complete freedom of the Internet use. All of these social networking technologies are a new kind of communicative institution and they ~~it~~ should be written about, but in a manner that is careful not to endorse them as an inherently democratic institution.

SL: I would like to bring up again the topic of mass media and communication. Could you please expand on how they produce ideology, myths and in this way influence society and act as a means of power?

JA: In the United States and Europe there has been a very long standing debate about the relationship between mass media and mass public opinion. Basically, there are two very well established standpoints – one is that the mass media is a manipulator of opinion, independently

of society, but the other side of research says that is not true, that ideologies or narratives of the mass media are filtered through the primary and secondary groups of the civil society. Projection and reception may be not synchronized, and you can have a state mass media projecting things which people just do not believe. Of course, when the mass media are controlled not by the civil society but by the state or by a rapacious capitalist and are not affected by independent journalism, they are an anticivil force - but it does not mean that they have complete control of what people think; there are other ways for people to form opinion. Even in the darkest days of the Soviet Union, from my observation, it was not clear that the mass of the people believed the propaganda machine of the state, and there were independent circulations of opinions, there were artists, there were intellectuals.

Here is the way that I think of this: let's say a giant company hires an expensive advertising firm and they design a huge advertising campaign to convince people of X, Y or Z – they do not necessarily succeed and convince. There are many studies of such failures. So we can't assume that all the messages that come in are accepted. It depends on what other opportunities people do have to form opinions and on what is the role of informal communication. What about religion? Is religion a form of public opinion formation that has autonomy vis-à-vis the mass media? What is the media's relation of family structure or ethnicity? What region are you from? Does this affect your opinion of things apart from the media? There are many ways to sustain counter opinion that can be quite separated from mass media.

DP: You are talking about mass media as a means of creating civil definitions, but it can also become a tool of creating simulacra, in terms of Baudrillard, so this might be just another type of controlling the society, another way of making people believe something what those who control the mass media want them to believe. The question is, in other words, if civil sphere can be simulated? Is it a real threat, from your point of view?

JA: I like the way this question puts Baudrillard's, post-modern, and Neo-Marxist critique of contemporary society in contact with my theory of the civil sphere.

Once you have a society where mass media is present, then performativity has a central place. None of us will ever meet personally and have a chance to evaluate in a face-to-face way those who are in power over us. 99.9% percent of us will never meet these people really – that is the fundamental condition of a large-scale modern and post-modern society. But that means that our understanding of who they are and their moral stature is a matter of projecting performance. When we evaluate performances we are always answering if they are fake or authentic, so a simulacrum is a judgment that the performance is fake. Baudrillard worked with the idea that there is an authentic reality which he knows as an analyst and a fake reality which he also knows, and that puts him close to Frankfurt critical theory. He sees mass media as culture industry and argues that in a post-modern society most of performances in the public are fake.

All public lives, all representations of power are matters of performativity and it is up to the public or what I call ‘citizen audience’ to attribute authenticity and sincerity or to make a critical judgment that the performances are fake or not. In fact, the currency that circulates through a civil society, through its public spaces, is judgments as to ‘that is fake’, ‘that is authentic’, ‘he is moral’, ‘he is pretending’. Yes, other social conditions would make it more easy to pretend to be somebody whom you are not, and the answer would be if the mass media are controlled by a government or a corrupt capitalist class or businessmen people who are in league with the government, and if there is no competition between media and between political parties – that makes it harder for the public to reach an opinion about authenticity.

I wrote about this problem in a book that I have recently completed: *The Performance of Politics: Obama’s Victory and the Democratic Struggle for Power* (Oxford University Press, 2010). I said it would be technologically possible, for example, for the Obama or the McCain campaign to fake every single image, that they could pretend there were giant crowds when there were just a few people, they could pretend that people were applauding when they were not. There are immense technological possibilities. So the question is: why does not that happen in more or less competitive democracy? There is a chance to manipulate, so why don’t political candidates go all the way towards a real simulacra? I think it is because if you did that, you would be exposed in a day, or a week, or a month by the other side, by other media, and

you would be exposed as violating the normative constraints of the discourse of civil society which demands honesty, responsibility, sincerity. You could be impeached, arrested or put in jail.

NP: How would you see the role of a sociologist in such conditions – whether a sociologist should demonstrate the authenticity of the process? Do you think the sociologist should be involved in analyzing the situation or a sociologist should be outside of those things? What would be a specific role of a sociologist in civil sphere?

122

JA: There are two different roles: there is a role of an intellectual and the role of a professional sociologist. Certainly, sometimes a person is both a public intellectual and an academic sociologist, but often sometimes not. Intellectuals can play different roles. One is very partisan – right-wing intellectuals, left-wing intellectuals. The role of such an intellectual is to speak not on behalf of the civil sphere but on behalf of particular interests. Yes, they are on the public stage, but they are people who formulate ideologies.

On the other hand, there is an intellectualist ideal, that goes back to Socrates, of people who speak on behalf of critical discourse of the civil sphere: Sakharov or Solzhenitsyn in the history of Russia, Habermas in Germany, Sartre and sometimes even Foucault in France. The key to this role is the word 'disinterest': 'disinterested' means somebody who does not have a particular side and can step back therefore from a contest. I think that is the role of the academic intellectual as well. In a civil society an academic could enter a debate and say: 'This is a fixed election, this is a simulacrum, this is not democracy', because the authority of a sociologist or an academic can be that we are speaking from a more universalistic point: 'I am making a general remark about this entire situation, I am not for the left, I am not for the right, I represent myself from the point of view of the public'.

NP: If I speak as an intellectual like Sakharov or Solzhenitsyn, but being a sociologist myself, I should first of all announce my role and status as an interested moral speaker, although I am a sociologist, but I am speaking on behalf of the society as a citizen. But in other case I should represent myself as a professional, disinterested, neutral value-free sociologist and say 'I am speaking as a medical doctor to you, I am telling you your diagnosis.' Is it true that you or myself or any other

colleagues of ours should definitely represent themselves either as citizens or sociologists and not mix up those two roles?

JA: Those are ideal types, and in concrete reality we all mix those roles. An economist, a constitutional lawyer, a medical expert or an expert in public health might say: 'I am an expert in this and I am telling you that the Russian economy has so much corruption' (I am purely hypothetical here!). 'The level of corruption is 55%, and if we don't lower it to 20%, we will not have a productive economy' – that is a person speaking as an expert but obviously also as a citizen, because why would he care about corruption? Because he cares about solidarity, about obligations to others, about honesty - so we do mix these two roles together. But it is possibly different from saying 'I am a member of a liberal party and therefore I want you to do this or that.'

123

NP: Then definitely you are not an expert, but a representative of the political party.

JA: And a lot of intellectuals like to do that.

* * *

AB: To what extent does iconic experience affect modern society, what is the influence of it and whether it is a universal process which we may find in all the cultures and societies all over the world?

JA: For me, the critical issue is this: is iconic experience and iconic representation also present in a mechanical society, a modern society or it is only part of a religious society or a traditional society? For example, Russian orthodox churches are famous for icons, but undoubtedly the Soviet Union was filled with icons too?

As I said at the beginning of this seminar, I am very critical of the idea that there is a major break or epistemological difference between traditional and modern societies. Roland Barthes, in his collection of essays called 'Mythologies', wrote a short and brilliant essay called "Einstein's Brain." To speak of the image of Einstein is to see the significance of iconic representation, because that image is a way of communicating a whole set of descriptive meanings about the modern world - the role of physics, the role of mathematics, the mystery of science, positive and negative possibilities. So for me, the iconic means that we represent cultural meanings not only through our discourse, in

written and spoken languages, but also through the material culture meaning through the aesthetic constructions of the surfaces of things.

124

I don't know any of you except Nikita (I had a pleasure of him coming into my house in New Haven). But I am looking at you and I see your faces, your hairstyles, how you are holding your hands, how you dress, and I am making – unconsciously largely – inductions about how you are thinking, feeling, who you are. I may probably be mistaken about 95% of the things I am thinking. But that is the role of surface, of representation, so my answer is that iconic experience is very important everywhere – that is why we have pictures of our beloved leaders on billboard.

NP: Jeffrey, why do you say you are 95% mistaken? Because you are from a different culture. When I look at my students, I am not 95% mistaken, because I belong to this culture and I have the power of interpretation and reading the iconic, right?

JA: Exactly. Of course, to the degree that your students and I are a part of the global culture where there is an international sense of style, then I have more security and can make more judgments better than 95%.

AB: You have already said that from your standpoint, iconic experience is truly important for different cultures in all historical periods. What is the role of emotions in iconic experience and, in general, in social and cultural systems?

JA: It is difficult for me to understand emotions without thinking of their symbolic representation. Say, ideas of pollution, fear of things stigmatized, feelings of shame or an embarrassment - emotions are attached to cultural codes, these social codes are patterned, they are institutionalized, and they are not something that we possess as individuals. Why do we wear cloths instead of walking naked? It is a pretty significant thing and it is obviously about the coding of the emotions. Anger, joy, sadness – these are connected to narratives and brought forth by text - by progressive, tragic or melodramatic narratives. We should not study emotions in isolation from cultural sociology.

AB: You write that contact with iconic goes through our senses and transmits meaning, but at the same time that is a transmission without communicating. You also point out that iconic is about experience and

to be iconically conscious is to be able to understand without knowing. How do you think, is reflection about why we worship icons or why somebody wants to be an icon, somehow kills or stops 'iconic consciousness'? Schütz wrote that at the very moment we start reflecting on dreams or fantasies, we are no longer dreaming or engaged in the sphere of fantasies.

JA: Reflection is not the same as iconic experience - it is an attempt to step outside of the flow of iconic experience, but being able to engage in reflection is itself partly stimulated by iconic attachments. For example, if you become attached to your sociology professor as an iconic figure and you learn to imitate him or her and you internalize his critical thinking in education – that iconic experience can allow you to be reflective and non-iconic vis-à-vis society. For example in a radical social movement it is quite common to admire, even to worship a popular mass leader. This means there is iconic experience, so membership in the group is often a very unreflective set of emotions. But the members of that movement have critical reflection towards, let's say, business or capitalist media.

I don't think that there is a danger that reflection ends iconic experience forever: you can have reflections on dreams but you are still going to dream every night. You don't stop yourself from dreaming, you wake up and you try like Freud did in the interpretation of dreams to gain some independence from the act of dreaming, but it does not mean you are not going to dream. You can think and write a book about love, but it does not mean you are not going to fall in love. And when you fall in love, you have lost your ability for reflection.

ПРИЛОЖЕНИЕ

126

ИЗБРАННЫЕ ПРОГРАММЫ² ОНЛАЙН КУРСОВ ПО СОЦИОЛОГИИ КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ ГУ-ВШЭ

Social Analysis of Urban Everyday Life

(на английском языке)

для направления 040200.68 – «Социология» подготовки магистра

Авторы программы:

доктор социологических наук, профессор кафедры общей социологии Никита Покровский,
профессор Университета Кларк Яаан Валсинер,
тьютор Никита Харламов, Университет Кларка (аспирант)—ГУ-ВШЭ.

Требования к студентам: a student is required to possess an upper-intermediate language level and basic sociological education to participate in the course.

² Все курсы, помещенные в этом разделе, поддерживаются программой Фонда образовательных инициатив ГУ-ВШЭ.

Аннотация:

The course is supposed both to provide students with classical and contemporary sociological perspectives on the city everyday life and to Besides this, this course is, as planned, to give tools and insights to study this field on their own.

The course covers the 1st and the 2nd modules.

Учебные задачи дисциплины:

As a result, the student is expected to:

- understand the key sociological issues in the sphere of urban everyday life research (both empirical and theoretical) and the ways in which they are solved
- conduct a relevant research and to present its data in an essay

127

Формы контроля:

The course implies conducting a research by students (they may do it in groups) presented at the final meeting and converted into essay afterwards.

The final grade is calculated as follows:

W (activity during lectures and seminars) = 0,2; W (essay) = 0,4; W (project research presentation) = 0,4.

III. План курса

Topic 1. Course Introduction

The first meeting sets out the landscape of the course. The key questions for the meeting are: What is the city as a scientific phenomenon? What disciplines study the city? What are sociological, psychological, geographical research outlooks on the city? What does it mean to 'study the urban everyday life' and how could one grasp it? What are the advantages and disadvantages of focusing on everydayness?

Readings:**Required:**

Lefebvre, Henri. 1987. 'The Everyday and Everydayness' [Translated by Christine Levich]. Yale French Studies, Vol.73, pp.7-11.

Simmel, Georg. 1971 [1903]. 'The Metropolis and Mental Life' [translated by Edward A. Shils]. Pp.324-339 in: Simmel, Georg. 1971. On Individuality

and Social Forms; Selected Writings. Edited and with an Introduction by Donald N. Levine. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Suggested:

Venkatesh, Sudhir. 2008. *Gang Leader for a Day: A Rogue Sociologist Crosses the Line*. London: Penguin. Ch.1: 'How Does It Feel to Be Black and Poor?', pp.1-25.

Jazbinsek, Dietmar. 2003. 'The Metropolis and the Mental Life of Georg Simmel: On the History of an Antipathy'. *Journal of Urban History*, Vol.30 No.1, pp.102-125.

128

Topic 2. How Does Cultural Psychology Analyze the Complex Phenomenon Called 'The City'?

In cultural psychology there are three general directions through which the city is investigated. Traditionally, in conjunction with environmental psychology, cultural psychology would analyze the personal feelings and thoughts of one or another culturally structured place (square, street) and look at the kinds of activities performed in the urban contexts (children playing, elderly sitting or walking, etc.). In conjunction with social psychology, cultural psychology considers phenomena of 'bystander intervention' and the impact of crowding in cities upon the establishment of social conduct norms. Thirdly, cultural psychology of the 21st century is establishing its ties with semiotics—the science of signs. From that viewpoint, both the places in the urban environments and the actions of the persons in public environments are viewed from the perspective of what kinds of signs mediate their actions.

Readings:

Required:

Valsiner, Jaan. 1998. *The Guided Mind*. Cambridge, MA: Harvard University Press [chapter Semiotic regulation of psychological processes, pp. 234-282]

Rosa, Alberto. 2007. 'Acts of psyche: Actuations as synthesis of semiosis and action'. In: J Valsiner and A. Rosa (Eds), *Handbook of Socio-Cultural Psychology* (pp. 205-237). New York: Cambridge University Press.

Suggested:

Ohnuki-Tierney, Emiko. 1994. 'The Power of Absence: Zero Signifiers and their Transgressions'. *L'Homme*, Vol.34 No.2, pp.59-76.

Valsiner, Jaan. 2006. 'The Street'. Unpublished manuscript, based on invited lecture at *Arquitectura 3000*, Universitat Politècnica de Catalunya, Barcelona in 2004.

Valsiner, Jaan. 2007. *Culture in Minds and Societies: Foundations of Cultural Psychology*. New Delhi: Sage. Ch.8: 'Methodology for Cultural Psychology: Systemic, Qualitative, and Idiographic', pp.358-389.

Topic 3. Basic Distinctions in the Study of Urban Everyday Life

The study of urban everyday life is grounded in setting up a range of distinctions (often these are dichotomies) that define the phenomenon and help grasp its various aspects. The first of these distinctions is the dichotomy 'rural/urban' which today is increasingly compromised and made complex by processes of globalization and widespread urbanization. Another key distinction is 'public/private', which defines the kinds of activities and modes of social ordering in urban space. The distinction 'center-periphery' is central to imagining the space of many (but not all!) cities, including Moscow. A set of distinctions such as 'light/dark', 'safe/dangerous', 'visible/invisible', 'passable/impassable', 'ordered/disordered' help describe human experience of the city.

Readings:

Required:

Simmel, Georg. 1997a [1903]. 'Sociology of Space' [translated by Mark Ritter and David Frisby]. Pp.137-170 in: Frisby, David and Mike Featherstone (eds.) 1997. *Simmel on Culture: Selected Writings*. London et al.: Sage.

Amin, Ash. 2007. 'Re-Thinking the Urban Social'. *City*, Vol.11 No.1, pp.100-114.

Suggested:

Edensor, Tim. 2005. *Industrial Ruins: Spaces, Aesthetics and Materiality*. Oxford: Berg. Ch.3: 'Ruins and the Dis-Ordering of Space', pp.53-95.

Featherstone, Mike. 1997. 'The Flaneur, the City, and Virtual Public Life'. *Urban Studies*, Vol.35 No.5-6, pp.909-925.

Schonle, Andreas. 2006. 'Ruins and History: Observations on Russian Approaches to Destruction and Decay'. *Slavic Review*, Vol.65 No.4, pp.649-669.

Topic 4. The Chicago School of Sociology

The Chicago School (sometimes described as the Ecological School) was the first major body of works emerging during the 1920s and 1930s specialising in urban sociology, and the research into the urban environment by combining theory and ethnographic fieldwork in

Chicago, now applied elsewhere. While involving scholars at several Chicago area universities, the term is often used interchangeably to refer to the University of Chicago's sociology department. Following World War II, a "Second Chicago School" arose whose members used symbolic interactionism combined with methods of field research, to create a new body of works. This was one of the first institutions to use quantitative methods in criminology.

The Chicago School is best known for its urban sociology and for the development of the symbolic interactionist approach. It has focused on human behavior as determined by social structures and physical environmental factors, rather than genetic and personal characteristics. Biologists and anthropologists have accepted the theory of evolution as demonstrating that animals adapt to their environments. As applied to humans who are considered responsible for their own destinies, the School believed that the natural environment which the community inhabits is a major factor in shaping human behavior, and that the city functions as a microcosm.

Readings:

Required:

Park, Robert E. 1915. 'The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment'. *American Journal of Sociology*, Vol.20 No.5, pp.577-612.

Topic 5. Contemporary Perspectives on the City

Contemporary social science has added a range of new perspectives on the city that attempt to describe the rapidly changing urban landscape on the verge of the new Millennium. Principal approaches relevant to contextualizing the study of everyday life include the regionalist perspective envisaging the changing landscape of the city ('patchwork urbanism') and the dissolution of bordered urban settlement; and the postmodernist perspective that attempts to reconfigure the conceptual structure used to imagine the city. A particularly important problem is the possibility of universal applicability of these approaches for the study of such environments as Moscow.

Readings:

Required:

MacLeod, Gordon and Kevin Ward. 2002. 'Spaces of Utopia and Dystopia: Landscaping the Contemporary City'. *Geografiska Annaler: Series B – Human Geography*, Vol.84 No.3-4, pp.153-170.

Suggested:

Davis, Mike. 2006 [1991]. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. 3rd Ed. With a New Preface. London, UK and New York, NY: Verso. Ch.4.

Flusty, Steven and Michael J. Dear. 1998 . 'Postmodern Urbanism'. *Annals of the Association of American Geographers*, Vol.88 No.1, pp. 50-72.

Keizer, K., S.Lindenberg and L.Steg. 2008. 'The Spreading of Disorder'. *Science*, Vol.322, pp.1681-1685.

Topic 6. Environmental Psychology of Living in the Cities

The classic work of Stanley Milgram in social/environmental psychology remains the basis for a look at the city phenomena. Based on the hyper-large and crowded context of New York, Milgram demonstrated phenomena of feelings of the city, and social norms that are constructed for the psychological living in the city. City is also socially structured ("ghetto" phenomena) and an inevitable meeting place for persons of different ages, races, and interests.

Readings:**Required:**

Milgram, Stanley. 1970. 'The Experience of Living in Cities'. *Science*, Vol.167, pp.1461-1468.

Suggested:

Hannerz, Ulf. 2004. 'Mainstream and Ghetto in Culture'. Pp.177-200 in Hannerz, Ulf. 2004. *Soulside: Inquiries into Ghetto Culture and Community*. Chicago: University of Chicago Press.

Topic 7. Methodologies for Researching Urban Everyday Life

This meeting attempts to chart the range of methodologies available for studying the urban everyday life. The traditional participant and non-participant observation today is widely augmented with a variety of participatory techniques such as experiments and various performative techniques that involve complex activities that involve researcher and participants in a concerted enterprise within urban space. Particular attention will be devoted to the relation of the researcher to the actual empirical environment of the city.

Readings:**Required:**

Bulmer, Martin. 1982. 'When is Disguise Justified? Alternatives to Covert Participant Observation'. *Qualitative Sociology*, Vol.5, pp.251-264.

Suggested:

Buscher, Monika and John Urry. 2009. 'Mobile Methods and the Empirical'. *European Journal of Social Theory*, Vol.12 No.1, pp.99-116.

Galasinska, Aleksandra. 2003. 'Temporal Shifts on Photo-Elicited Narratives in a Polish Border Town'. *Narrative Inquiry*, Vol.13 No.2, pp.393-411.

Ingold, Tim. 2004. 'Culture on the Ground: The World Perceived Through the Feet'. *Journal of Material Culture*, Vol.9 No.3, pp.315-340.

Topic 8. Project Development Meeting

The meeting is devoted to developing the course projects. For this meeting each student is required to present a short outline (5-7 minutes, with or without visual aids) of the proposed course project for in-class discussion.

Topic 9. Boundaries and Rhythms of Urban Everyday Experience

Dichotomies discussed earlier imply the existence of boundaries or borders as well as processes of fusion and transgression thereof. This lecture focuses on the issue of boundary-making and boundary-breaching. This issue is best approached from a dynamic standpoint that sees experience as process. We will discuss flexible and rigid boundaries and the rhythmical nature of many border orderings in the city.

Readings:

Required:

Lefebvre, Henri. 1996. 'Rhythmanalysis of Mediterranean Cities'. Pp.228-240 in Lefebvre, Henri. 1996. *Writings on Cities*. Oxford: Basil Blackwell.

Simmel, Georg. 2007 [1908]. 'The Social Boundary' [Translated by Ulrich Teucher and Thomas M. Kemple]. *Theory, Culture and Society*, Vol.24 No.7-8, pp.53-56.

Suggested:

Lindemann, Gesa. 2005. 'The Analysis of the Borders of the Social World: A Challenge for Sociological Theory'. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, Vol.35 No.1, pp.69-98.

Shapira, Rina and David Navon. 1991. 'Alone Together: Public and Private Dimensions of a Tel-Aviv Café'. *Qualitative Sociology*, Vol.14 No.2, pp.107-125.

Topic 10. Discussion of Projects – Progress Reports

The meeting is devoted to developing the course projects. For this meeting each student is required to present a short outline (5-7 minutes, with or without visual aids) of the proposed course project for in-class discussion.

Topic 11. Magic, Rituals and Theatricality in the City

A century ago, Max Weber wrote that “disenchantment of the world” was relentlessly happening. But as our science and technologies develop, it seems that on the contrary, our world becomes more and more magical. Leonid Ionin proposes to call it a ‘new magical epoch’.

Many modern social theorists (among them Ulrich Beck, Zygmunt Bauman, Anthony Giddens) emphasize that the world is ‘getting out of control’, becomes more uncertain and risky and that these risks and uncertainty are ‘hand-made’, manufactured.

It was Bronislaw Malinowski who first linked magic and uncertainty (plus danger and anxiety). This ‘uncertainty hypothesis’ is applicable not only to aborigines, but also to modern people – those who live in cities.

Thus, the main objective of the lecture is to analyze the place of magic and its features in relation to other key concepts (danger, anxiety and belief). Lecture material combines both theoretical and empirical material.

Readings:

Required:

Malinowski, Bronislaw (1955), *Magic, Science and Religion*, in: Needham, Joseph (ed.). *Science, Religion and Reality*. New York: George Braziller, Inc.

Ionin, Leonid (2005), *Novaya magicheskaya epoha* (The new magical epoch), *Logos*, Vol. 2, No. 47, p. 156-173.

Suggested:

Felson, Richard B. and Gmelch, George (1979), *Uncertainty and the Use of Magic*, *Current Anthropology*, Vol. 20, No. 3 (September), p. 587-589.

Albas, Daniel and Albas, Cheryl (1989), *Modern Magic: The Case of Examinations*. *The Sociological Quarterly*, Vol. 30, No. 4 (Winter), p. 603-613.

Vyse, Stuart A. (1997), *Believing in Magic: The Psychology of Superstition*. New York: Oxford University Press.

Campbell, Colin (1996), Half-Belief and the Paradox of Ritual Instrumental Activism: A Theory of Modern Superstition, The British Journal of Sociology, Vol. 47, No. 1 (March), p. 151-166.

Topic 12. Discussion of Projects – Progress Reports

The meeting is devoted to developing the course projects. For this meeting each student is required to present a short outline (5-7 minutes, with or without visual aids) of the proposed course project for in-class discussion.

134

Topic 13. Final Meeting

During the final meeting, research groups (or single students) present their current achievements and share faced difficulties with colleagues in order to bring them into their essays and presentations.

Topic 14. First Course Paper Draft Deadline

Discussion of essays submitted online, preparation for the fort-coming research projects presentation

Topic 15. – Final Course Paper Draft Deadline

Presentation of research projects and their discussion

The Globalization of Social Time: Theory and Applications

Teleconference course

Nikita Pokrovsky, State University—Higher School of Economics

Rosa, Hartmut, Friedrich-Schiller-University, Jena, Germany

Aim of the Course

The aim of the proposed on-line course is to acquire a critical understanding of those worldwide social and cultural processes that are frequently brought together under the banner of 'Globalization'. The course seeks to explore, analyze and understand these transformative processes from a temporal perspective, i.e., through the theoretical and

empirical study of social time. Thus, it seeks to establish an understanding of 'globalized time' as a time that is at once condensed (or accelerated), fragmented, commodified, unified, gendered and multi-temporal. The course is based on the observation that the acceleration and globalization of time is experienced similarly in all areas and contexts of the world: In South America as well as in the US, Western Europe or Russia, India or China, South Africa or Australia. The overall goal of the program is to enable students to understand and apply a variety of fundamental theories of globalization to a broad range of social phenomena in their every-day life-worlds and in their life-course.

135

The Content

Advocating a broad transdisciplinary orientation, the course aims to integrate state-of-the-art resources of the sociology of time and of theories and empirical studies of globalization processes in order to facilitate a deep understanding of the multifaceted transformation processes modern societies are going through.

The on-line course is meant to be a kernel for the development of a new research and educational model for investigation into social lives of human beings in any country of the World—thus it includes topics and readings that are relevant in Europe, the Americas, Africa, and Asia. It also includes small-scale observational research tasks that should guide students towards developing their skills of analytic and critical observation in culturally structured and diverse open spaces. In addition it involves the skills of so-called sociological imagination which helps the students to relate the chain of simple everyday life facts to the main social tendencies of our time.

Applications

The focus on social time and everyday social practice allows to find common ground in various research spheres and disciplines and to promote the development of a research standpoint from which all kinds of inquiries may be launched, from fundamental research on basic questions of temporal life to applied projects in public (municipal) administration, business design, and creative arts.

Process of Teaching

The on-line course explores an advanced level of social and temporal studies starting from the conceptual foundations of Globalization and

Social Time. It covers a range of specific topics that are currently on top of the agenda of sociological research, using a variety of case studies from around the world and working with varieties of data types (e.g. narratives, maps, photographs, statistical data) and research methodologies (e.g. observation, experimentation, mapping). The suggested course potentially can be implemented in any university around the World—and in any collaborative arrangement between universities around the World, especially in a format of videoconferencing. It is based on the collaboration between Higher School of Economics in Moscow, Russia, and Friedrich-Schiller-University in Jena, Germany. It is intended as a standard program for any course on the topic of globalization or the sociology of time in any country around the globe. The use of contemporary technology affords the running of such a course in parallel in various countries—which is the aim of the present course program.

Teaching Format. The proposed course is designed to meet the requirements of contemporary multimedia, i.e. using audio/visual means of teaching and learning (PowerPoint, video/audio recording, etc.). There will be six consecutive two-hour sessions (in English) that are telebridged between HSE and Friedrich-Schiller-University. This will be followed-up by a final five-hour on-line conference where students mutually present and discuss the work. To get full credits, students subsequently are asked to write a 15-page essay.

All lectures and class discussions would involve from the students the skills of using digital photography and video. The course plan is established as a perspective of on-line, real time, teleconferencing between State University—Higher School of Economics in Moscow and Friedrich-Schiller-University in Jena. It is more than a new means of communication between distant locations on the globe. Teleconferencing brings into being an entirely new effect of virtual presence and co-presence of two quite distant groups of professors and students representing two different cultures. Such communication through space and cultural differences makes almost a magical impact on human consciousness.

Co-teacher

Dr. Hartmut Rosa, Professor of General and Theoretical Sociology in Jena and Director of the Research-Institute 'Laboratory of the Enlightenment' at Friedrich-Schiller-University in Jena, is working on the sociology of

time, on the theory of modernity and in the field of globalization-studies. He is editor of the journal 'Time & Society' (Sage) and an affiliated professor at the New School for Social Research in New York, too. His book 'Beschleunigung. Die Veränderung der Zeitstrukturen in der Moderne' will be published in English and French, soon. He has published numerous books and articles in German as well as international journals. In September 2008, he visited HSE and presented two lectures on Social Acceleration.

137

Further 'Marketing' of the Course

The suggested course potentially can be implemented in any university around the World—and in any collaborative arrangement between universities around the World, especially in a format of videoconferencing. It is based on the collaboration between Higher School of Economics in Moscow, Russia, and Friedrich-Schiller-University in Jena, Germany. It is intended as a standard program for any course on the topic of globalization or the sociology of time in any country around the globe. The use of contemporary technology affords the running of such a course in parallel in various countries—which is the aim of the present course program. The participating MA students on both sides will be introduced to the field of modern communication and will develop a taste for contemporary social theory in its both abstract and applied variations.

«СОВРЕМЕННЫЙ ТУРИЗМ И КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ» ДИСТАНТНЫЙ КУРС В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН ТЕЛЕКОНФЕРЕНЦИЙ

Авторы программы:

Проф.Покровский Никита Евгеньевич, ГУ-ВШЭ, кафедра общей социологии

Проф. Черняева Татьяна Ивановна, Саратовский государственный технический университет, кафедра менеджмента туристического бизнеса

Курс предполагает достижение двух групп целей – организационно-коммуникативных и учебных.

Организационно-коммуникативные цели связаны с трансляцией знаний и созданием пространства коммуникации между вузами, что способствует формированию общей исследовательской культуры, социологического видения и профессионального взаимодействия.

Учебные цели направлены на социологическую рефлексию практик современного туризма как специфических моделей конструирования реальности. В ходе достижения этих целей решаются следующие **учебные задачи**:

- рассмотреть мобильность в зависимости от типа общественного устройства;
- выявить специфику туризма как феномена глобальной потребительской культуры;
- проводить компаративный анализ основных социологических концептов в изучении туризма; понимать их методологические основания;
- анализировать формирование новых *смыслов* туризма, скрывающихся за масштабными формами туристической деятельности.

Курс предназначен для магистрантов 2 года обучения (магистерские программы «Социология публичной сферы и социальных коммуникаций» ГУ ВШЭ, «Менеджмент туризма» СГТУ). Магистранты должны обладать базовыми знаниями фундаментальных социологических парадигм, понимать специфику конструктивистских подходов к объяснению социальной реальности, владеть методами и технологиями качественных исследований.

Численность учебных групп – до 20 человек с каждой стороны.

Курс читается в режиме онлайн и формате телеконференций для двух групп магистров. Группы не более 20 магистров с каждой стороны

Форма, структура и организация курса: Одновременное обсуждение в системе *еженедельных* онлайн телемостов единого перечня тем и проблем группами магистров в двух университетах. Формы обсуждения: (а) онлайн лекции, (б) аналитические дискуссии по тематике заранее прочитанных текстов, (в) презентации и обсуждения мини-проектов участников. Итоговое эссе по проблемам потребления в повседневной жизни (предварительно группы

обмениваются своими эссе и обсуждают их на Интернет-форуме). В курсе предусмотрены теоретические (16 часов), семинарские (8 часов) и практические занятия (8 часов).

Формы отчетности: 1) презентация личных и групповых проектов на онлайн занятиях, 2) представление обоим преподавателям текстов исследовательских отчетов и эссе.

Структура типового занятия: 1-я часть - изложение или разъяснение преподавателем теоретического материала (лекция или семинар); 2-я часть - обсуждение магистерских презентаций. Каждый участник открывает на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ свой блог, в котором отражается сбор и анализ материала, промежуточные и конечные результаты. Ведется открытая дискуссия по текущим материалам. Это позволит преподавателям и участникам расширить рамки курса и наблюдать за ходом работы не только во время занятий, а при онлайн дискуссиях ссылаться не только на сказанное, но и на прочитанное в блогах.

Фиксация и распространение: Онлайн телеконференции записываются и размещаются в виде флэш-видео на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ в открытом доступе.

Теоретические занятия проводятся в форме лекции-диалога, проблемной дискуссии; групповой рефлексии с активным использованием мультимедийных материалов и привлечением специалистов из туристических фирм, рекламных агентств, фотохудожников.

В рамках семинарских и практических занятий особое внимание уделяется формированию и закреплению навыков аналитической работы: компаративному анализу, синтезу теоретических подходов; повышению теоретической вооруженности, знанию основных парадигм, концептуальных моделей, прояснению значения базовых концептов и связей между ними, всего того, что составляет запас социологической эрудиции. Не менее важной задачей становится формирование интеллектуальной гибкости, умения сопоставлять разные области знания и переносить теоретические схемы и социологическую логику на широкий класс ситуаций, связанных с туризмом. Это

достигается путем использования технологий работы в малых группах, группового обсуждения и презентации материалов совместной деятельности; технологий коллажа и проектирования.

Мы исходим из понимания практического характера дисциплины. Это возможно только при особом структурировании образовательного процесса – выхода за рамки линейной коммуникации «преподаватель–магистрант», где первый выступает носителем абсолютных истин и генеральным оценок, а второй – пассивным получателем информации. В рамках предлагаемого курса залогом успешности становится субъект – субъектная коммуникация, где и преподаватель и магистрант, работая в режиме сотворчества осуществляют совместный интеллектуальный поиск и формируют исследовательские дискурсивные практики. Такой подход был разработан и успешно применен в рамках саратовской школы теории организаций, фокусирующей внимание на методологии и технологии организационного проектирования.

«ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС» ДИСТАНТНЫЙ КУРС В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН ТЕЛЕКОНФЕРЕНЦИЙ

Авторы программы:

Проф. Покровский Никита Евгеньевич, ГУ-ВШЭ, факультет социологии, кафедра общей социологии

Проф. Ильин Владимир Иванович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, кафедра социологии культуры и коммуникации

Предмет дистантного курса: *Дискурс потребления*, который проявляется в форме индивидуальных практик групп людей, конструирующих свою идентичность и воспроизводящих свою социальную «самость» (self) в процессе потребления товаров и услуг.

Методология (теоретическая): Предлагаемый дистантный курс в своем содержании опирается на позицию деятельностно-конструктивистской методологии. Наиболее яркими представителями этой методологии стали П. Бурдьё и А. Гидденс. Ее реализация в сфере потребления предполагает включение и целого ряда иных подходов (например, драматургической концепции И. Гофмана), которые не противоречат данной методологии. Ее суть применительно к потреблению может быть сведена к следующим тезисам. Быть - значит не только называться, но и жить соответствующим образом, в т.ч. в сфере потребления. Социальное конструирование – это процесс превращения словесных определений в более или менее устойчивые формы поведения, социального взаимодействия. Индивид конструирует свою идентичность разными способами, среди которых немаловажное место занимает выбор товаров и услуг. Он творит себя, но из ресурсов, черпаемых в окружающей среде, следуя культурной программе, сформированной под влиянием культуры своего общества, субкультуры своей группы и следуя принципу «зеркального Я». Потребление – это производство текста и одновременно *дискурс*, имеющие серьезные социальные последствия. Человек говорит окружающим «Я – это X», используя язык потребления (пищи, одежды, жилища, транспорта и т.д.). С помощью особых приемов самопрезентации индивид навязывает окружающим свое определение, манипулируя их впечатлениями. Внешняя идентификация выступает как приписывание к определенной группе или категории, и на этом основании окружающие строят свое поведение по отношению к данному индивиду.

Человек, подчиняясь существующим нормам, ценностям, следуя принятому языку, воспроизводит не только себя, но и свою внешнюю среду. Мораль, обычаи, мода существуют лишь в той мере, в какой люди воспроизводят их в своей повседневной жизни. Активная роль индивида в сотворении своей среды наиболее очевидна в малых группах (семье, компании друзей, коллег и т.д.). Здесь вкусы одного влияют на потребление других. Между тем в больших общностях наблюдается тот же процесс, просто роль индивида несравненно меньше. Однако это не меняет вывода:

социальная и культурная среда существует лишь в той форме, в какой мы все ее воспроизводим.

Цель курса: Создать единое «дистантное» (виртуальное) учебно-научное пространство, включающее и объединяющее две научные школы изучения социальной теории потребления на кафедре социологии культуры и коммуникации СПбГУ (В.И.Ильин) и на кафедре общей социологии ГУ-ВШЭ (Н.Е.Покровский). Взаимодействие этих научных групп происходит в течение многих лет в рамках российских и международных конференций и летних школ, а также гранта РФФИ (2007-2010) «Потребление и консумеризм в контексте российской глокализации». В это учебно-научное пространство органично включаются бакалавры факультетов социологии обоих университетов.

Задача: Стимулировать научный интерес у студентов к фундаментальным социологическим исследованиям. Научить студентов умению «читать» тексты и дискурсы окружающей жизни и уметь их интерпретировать с помощью «социологического воображения». Институализировать в рамках дистантного учебного процесса российскую (ГУ-ВШЭ – СПбГУ) школу социальной теории потребления. **Форма, структура и организация курса:** Форма - одновременное обсуждение в системе *еженедельных* онлайн телемостов единого перечня тем и проблем группами бакалавров в двух университетах. Формы обсуждения: (а) онлайн лекции, (б) аналитические дискуссии по тематике заранее прочитанных текстов, (в) презентации и обсуждения мини-проектов участников. Итоговое эссе по проблемам потребления в повседневной жизни (предварительно группы обмениваются своими эссе и обсуждают их на Интернет-форуме).

Проводятся параллельные совместные *экспресс-исследования* с активным использованием визуальных методов и текущим их обсуждением через телемост. Выборочная тематика: "Стили уличной моды в Москве и Петербурге", "Одежда как инструмент конструирования гендерной границы", "Стили женственности (мужественности)", "Автомобиль как фактор формирования стилей жизни", «Феноменология света и тени в городской среде в зонах потребления» и т.д. Общее направление студенческих исследований - "Люди и вещи": анализ формирования социального взаимодействия, конфигураций отношений, устойчивых и

временных социальных общностей в процессе потребления вещей и услуг (напр., общность вкусов в сфере досуга порождает стилевые сообщества, потребление пищи и алкоголя выполняет ритуальные функции в процессе формирования и сплочения групп и т.д.). Совместная интерпретация аудиовизуальных материалов, отражающих культуру потребления и соответствующих методологии визуальной социологии.

Объем курса: 36 час. (по 4 часа в неделю одним блоком; из них 32 час. в онлайн и 4 час. офф-лайн отдельно). Распределение учебной нагрузки между Н.Е.Покровским и В.И.Ильиным - 50:50.

143

Формы отчетности: 1) презентация личных и групповых проектов на онлайн занятиях, 2) представление обоим преподавателям текстов исследовательских отчетов и эссе.

Структура типового занятия: 1-я часть - изложение или разъяснение преподавателем теоретического материала (лекция или семинар); 2-я часть - обсуждение студенческих презентаций. Каждый участник открывает на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ свой блог, в котором отражается сбор и анализ материала, промежуточные и конечные результаты. Ведется открытая дискуссия по текущим материалам. Это позволит преподавателям и участникам расширить рамки курса и наблюдать за ходом работы не только во время занятий, а при онлайн дискуссиях ссылаться не только на сказанное, но и на прочитанное в блогах.

Фиксация и распространение: Онлайн телеконференции записываются и размещаются в виде флэш-видео на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ в открытом доступе

«ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ВИРТУАЛИЗАЦИЯ – ГЛЭМ - КАПИТАЛИЗМ»

ДИСТАНТНЫЙ КУРС В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН ТЕЛЕКОНФЕРЕНЦИЙ

Авторы программы:

Проф.Покровский Никита Евгеньевич, ГУ-ВШЭ, факультет социологии, кафедра общей социологии

144

Проф.Иванов Дмитрий Владиславович, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет социологии, кафедра теории и истории социологии

Цель курса: содействие формированию в России интегрированного социологического образовательного пространства путем использования новейших информационно-коммуникационных технологий и развитие медиа-компетенций преподавателей и студентов.

Задачи курса:

1. Разработка мультимедийного учебно-методического комплекса на платформе виртуального класса (обучение в режиме телеконференций) и социальной сети (обучение с использованием сервисов Интернет-ресурса второго поколения).
2. Отработка методики преподавания в мультимедийной информационно-образовательной среде.
3. Развитие навыков применения различных информационно-коммуникационных технологий как средств профессиональной коммуникации и создания на основе этих технологий мультимедийных научно-образовательных продуктов.

Стимулировать научный интерес у магистров к фундаментальным социологическим исследованиям. Научить магистров умению проводить социально-теоретический анализ феноменов окружающего мира и их интерпретации с помощью «социологического воображения». Институализировать в рамках дистантного учебного процесса российскую (ГУ-ВШЭ – СПбГУ) школу социальной теории и социологии глобализационных процессов.

Тематическое поле курса: Модернизационные тенденции первой половины XX века. Кризис социокультурного проекта модерна. Постмодернизм и его исчерпание к концу века. Глобализация и ее следствия. Расцвет и распад советского общества как проявления общих цивилизационных тенденций. Фрагментация и эстетизация социальной жизни в России. «Постиндустриальная» экономика и консьюмеризм, медиатизация политики, экспансия поп-культуры, статусная дифференциация по стилю жизни. «Очаговая» глобализация в России. Рост транснациональных рынков и корпораций. Борьба государственной бюрократии с международными организациями. Проявления мультикультурализма. Влияние миграций на стратификацию. Замещение реальности образами и виртуализация социальных институтов. Роль имиджевых коммуникаций и цифровых технологий. Переход виртуализации в режим гламура. Отставание развития кибер-культуры в России от роста глэм-капитализма. Экономический рост в России и его структура. Концентрация финансовых потоков и гиперпотребления в сырьевых и административных центрах/структурах. Отставание национальных брэндов от глобальных трендов. Реколонизация депрессивных индустриальных и аграрных регионов/структур государством и транснациональными корпорациями. Экономика «национальных проектов». Интеграция образов империи в российских массмедиа. Патриотический «ампир» массовой культуры. Богемный «ампир» гламура. Виртуальные сообщества контр-культуры и их колонизация как источников нового «символического сырья» для массовой культуры. Усилия государственной бюрократии по созданию телекоммуникационной инфраструктуры и продвижению позитивного имиджа России. Нарушение аутсайдерами глэм-капитализма нормального функционирования экономики брэндов и трендов и политики имиджей и презентаций. Партизаны бизнеса (хакеры и пираты), политики (экстремисты), культуры (блогеры и флэш-моберы). Тенденции поглощения альтер-социальных движений и трансформация глэм-капитализма. Форма, структура и организация курса: Одновременное обсуждение в системе еженедельных онлайн телемостов единого перечня тем и проблем группами магистров в двух университетах. Формы обсуждения: (а) онлайн лекции, (б) аналитические дискуссии по тематике заранее прочитанных текстов, (в) презентации и обсуждения мини-проектов участников. Итоговое

теоретическое эссе по тематике исследования в рамках курса (предварительно группы обмениваются своими эссе и обсуждают их на Интернет-форуме).

Цикл лекций Д.В.Иванова и Н.Е.Покровского в формате PowerPoint. Ответы магистров на вопросы заданий и их групповое обсуждение в социальной сети. Поиск и размещение магистрами в сети визуальных материалов по заданной теме.

146

Объем курса: 36 час. (по 4 часа в неделю одним блоком; из них 32 час. в онлайн и 4 час. офф-лайн отдельно). Распределение учебной нагрузки между Н.Е.Покровским и Д.В.Ивановым - 50:50.

Формы отчетности: 1) презентация личных и групповых проектов на онлайн занятиях, 2) представление обоим преподавателям текстов исследовательских отчетов и эссе.

Структура типового занятия: Изложение или разъяснение преподавателем теоретического материала (лекция или семинар); обсуждение магистерских презентаций. Каждый участник открывает на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ свой блог, в котором отражается сбор и анализ материала, промежуточные и конечные результаты. Это позволит преподавателям и участникам расширить рамки курса и наблюдать за ходом работы не только во время занятий.

Онлайн телеконференции записываются и размещаются в виде флэш-видео на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ в открытом доступе.

«СОЦИОЛОГИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ»

ДИСТАНТНЫЙ КУРС В ФОРМАТЕ ОНЛАЙН ТЕЛЕКОНФЕРЕНЦИЙ

Авторы программы:

Проф.Покровский Никита Евгеньевич, ГУ-ВШЭ, факультет социологии, кафедра общей социологии

Проф.Токарский Борис Леонидович, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП), факультет управления человеческими ресурсами, кафедра социологии и социальной работы

Проф.Ральф Мэтьюз (Ralph Matthews), Sociology Department, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Co-teacher:

Проф. Ральф Мэтьюз – ведущий канадский специалист в области социологии изменения климата, социологии окружающей среды и арктических областей.

Ralph Matthews is Professor of Sociology at The University of British Columbia and Professor Emeritus of Sociology at McMaster University in Hamilton, Ontario. Throughout his career, Professor Matthews' primary research interests have revolved around understanding the relationship between social change and economic development at a community and regional level, and in assessing the ways in which public policy influences that relationship. His books include, *Communities in Decline*; *There's No Better Place Than Here*; *The Creation of Regional Dependency*; and *Controlling Common Property*. He has also published over 60 research papers. Dr. Matthews has been President of the Canadian Sociology and Anthropology Association, Associate Dean of Graduate Studies at McMaster University, Chair of Instructional Support and Information Technology, Faculty of Arts at U.B.C., and, Theme Leader of the Social and Economic Theme of AquaNet - Network of Centres of Excellence. He is currently Manager/Director of C-CIARN BC, the British Columbia node of the Canadian Climate Impact and Adaptation Research Network.

Цель курса: Создать единое «дистантное» (виртуальное) учебно-научное пространство, включающее и объединяющее трех научных школы изучения социальной теории

Задача: Стимулировать научный интерес у магистров к фундаментальным социологическим исследованиям в области социальных изменений на микро- и макроуровнях, связанных с динамикой окружающей природной среды в различных регионах мира – на Байкале, на Тихоокеанском побережье и в арктических районах Канады. Рассмотреть модели социального взаимодействия природного капитала и человеческих ресурсов. Этнические группы коренного населения в России и Канаде под воздействием изменений природной среды. Создать единое «дистантное» (виртуальное) учебно-научное пространство, включающее и объединяющее научные школы изучения социальной экологии—на кафедре социологии и социальной работы БГУЭП (Б.Л. Токарский) и на кафедре общей социологии ГУ-ВШЭ (Н.Е.Покровский) при сотрудничестве с Университетом Британской Колумбии. Стимулировать научный интерес у магистров к фундаментальным социологическим исследованиям. Научить магистров умению «читать» тексты и дискурсы окружающей жизни и уметь их интерпретировать с помощью «социологического воображения». Сделать курс регулярным с привлечением молодых преподавателей и последующей передачей им этого курса.

Курс читается в режиме онлайн и формате телеконференций для двух групп магистров факультета социологии ГУ-ВШЭ и факультета управления человеческими ресурсами Байкальского государственного университета экономики и права (БГУЭП). ; мастер-класса по 2 час. – Ральф Мэтьюз, Университет Британской Колумбии, Канада. Группы не более 20 студентов с каждой стороны. 2-ой курс магистратуры. Проф. Ральф Мэтьюз включается в курс четырьмя мастер-классами из Ванкувера (на англ. языке без перевода).

Объем курса: 36 час. (по 4 часа в неделю одним блоком; из них 32 час. в онлайн и 4 час. офф-лайн отдельно). Распределение учебной нагрузки между Н.Е.Покровским и Б.Л. Токарским – 40% :40%. Ральф Мэтьюз – 20%.

Формы отчетности: 1) презентация личных и групповых проектов на онлайн занятиях, 2) представление обоим преподавателям текстов исследовательских отчетов и эссе.

Структура типового занятия: 1-я часть - изложение или разъяснение преподавателем теоретического материала (лекция или семинар); 2-

я часть - обсуждение магистерских презентаций. Каждый участник открывает на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ свой блог, в котором отражается сбор и анализ материала, промежуточные и конечные результаты. Ведется открытая дискуссия по текущим материалам. Это позволит преподавателям и участникам расширить рамки курса и наблюдать за ходом работы не только во время занятий, а при онлайн дискуссиях ссылаться не только на сказанное, но и на прочитанное в блогах.

149

Форма, структура и организация курса: Одновременное обсуждение в системе еженедельных онлайн телемостов единого перечня тем и проблем группами бакалавров в двух университетах. Формы обсуждения: (а) онлайн лекции, (б) аналитические дискуссии по тематике заранее прочитанных текстов, (в) презентации и обсуждения мини-проектов участников. Итоговое эссе по проблемам потребления в повседневной жизни (предварительно группы обмениваются своими эссе и обсуждают их на Интернет-форуме).

Фиксация и распространение: Онлайн телеконференции записываются и размещаются в виде флэш-видео на Интернет-портале «Общая социология. История социологии» кафедры общей социологии ГУ-ВШЭ в открытом доступе.

К.П. ЛАЗЕБНАЯ

ЭСКИЗ К СОЗДАНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО ОНЛАЙН УНИВЕРСИТЕТА

150

Виртуальный университет является учебным заведением с унифицированной системой доступа к образовательным ресурсам дистанционных учебных курсов. Проектирование виртуальной среды для организации образовательного процесса требует, в первую очередь, разработки системы контроля над базами данных и коммуникацией участников.

Разрешение поставленной задачи возможно благодаря использованию структурно-функциональных возможностей «социальной сети». Виртуальная организация, включающая элементы социальной среды, имеет высокий уровень межличностных связей и живой обновляемый контент. Это позволяет осуществлять мониторинг активности пользователей, их контакты, интересы, что является необходимым условием оптимизации контроля и улучшения качества предоставления образовательных услуг.

Механизм адаптированной «социальной сети» позволяет создать единый канал, объединяющий

три информационных потока:

- Официальные связи и документация
- Образовательные коммуникации (учебные аудио-, видеоматериалы)
- Личное общение

между тремя участниками коммуникации:

- Учащиеся
- Преподаватели
- Администрация

Для этого необходимо проектирование как минимум двух видов сетевых интерфейсов:

- Аккаунт учащегося, преподавателя, администратора
- Страница курса

Формальное поле аккаунта

Контроль над процессом обучения происходит благодаря созданию необходимого формального информационного поля аккаунта для каждого участника согласно его статусу в системе, например, года и программы обучения. Формальное поле отображает обновляемую информацию о текущих курсах учащегося (лента новостей, график отчетности, учебные материалы и т.д.), а также информацию о состоянии официальной документации и административные сообщения.

151

Личное поле аккаунта

В рамках своей учетной записи каждый участник имеет возможность создавать свое лично виртуальное пространство, и при этом быть активно включенным в события сообщества. Личное поле подразумевает обмен личными сообщениями с любым участником образовательного процесса, иметь возможность просматривать страницы других пользователей, управлять своим архивом учебных материалов, вести публичные записи (блог), а так же использовать единый календарный органайзер, объединяющий события учебных курсов и личные записи.

Страница учебного курса

Страница курса содержит все необходимые текстовые, аудио- и видео – материалы, ленту новостей, информацию о руководителях, участниках и администрации курса, структуру курса, календарь событий. А так же возможность поддержки он-лайн общения между пользователями (мини-чат).

РАСПИСАНИЕ

07.09. – телемост с Майклом Буравым

08.09. – лекция "Фотография, видео и социология" (Яросла-Смирнова Е.Р.)

15.09. – семинар по итогам прохождения 3 темы

20.09. – семинар по итогам проверки эссе

22.09. – лекция-консультация "Создание мини-проекта"

2010 СЕНТЯБРЬ 09

31	01	02	03	04	05	06	07	08	09	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30		
----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	----	--	--

структура курса

ТЕМА 1
Классические направления и школы: общественная позиция социолога

ТЕМА 2
Публичная социология

ТЕМА 3
От исследования к действию: методы и дилеммы публичной социологии

ТЕМА 4
Визуальные средства публичной

виртуальный социологический университет

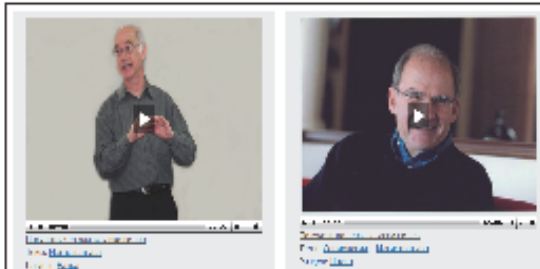
КУРС Общественная роль социологии
НАПРАВЛЕНИЕ Социология публичной сферы и социальных коммуникаций
СРОКИ ПРОВЕДЕНИЯ 01.02.10 – 01.10.10

лента новостей

01.09 Доступна обновленная программа курса

с 01.09 начинается работа над
ТЕМОЙ 4: Визуальные средства публичной социологии
Фотография, видео и социология. Визуальная социология.
Концепция социологической фотографии. Концепция verbatim.
Кинотеатрос. Театрос. Презентация мини-проектов.

материалы курса

07.09.10 В рамках направления
"Социология публичной сферы и
социальных коммуникаций" состоится
телемост с Майклом Буравым

31.08.10 В рамках направления
"Социология публичной сферы и
социальных коммуникаций" состоится
телемост с Джорджем Ритцером

Общественная роль социологии / Подред П.
Романова-ва, Е. Ярославской-Смирновой, М.
Варинг, ЦСПИ, 2008

Штомка, П. Визуальная социология.
Фотография как метод исследования. — М: Логос, 2007

Визуальная антропология: настройка
оптики / Под редакцией Е.
Ярославской-Смирновой, П. Романова, М.
Варинг, ЦСПИ, 2009.

Далее...

Срок сдачи эссе по теме тематика с
Джорджем Ритцером сдать до 20.09.10
(тема письма "Ритцер")

- МОЯ СТРАНИЦА
- ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ КУРСА
- СООБЩЕНИЯ +2
- КОНТАКТЫ КУРСА
- ВИДЕО АРХИВ КУРСА
- ФОТО АРХИВ КУРСА

РУКОВОДИТЕЛИ КУРСА

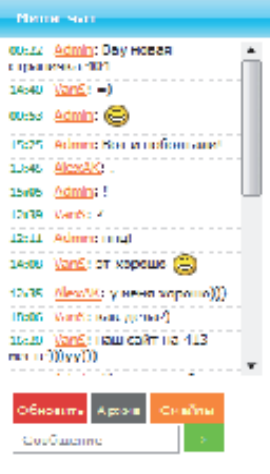
- Покровский Никита Евгеньевич
- Ярская-Смирнова Елена Ростиславовна

УЧАСТНИКИ КУРСА

- Аббасов Р.В.
- Вельская А.Д.
- Еремин С.К.
- Weller S.
- Morrison F.
- Maledky D.L.

АДМИНИСТРАЦИЯ

- Иванова И.И. сопровождение учебного процесса
- Иванов В.В. техническая поддержка

СООБЩЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ

официальный сайт

Последнее обновление - 5 июля 2010 г.

I Структура сайта

I Основатели

I Наши цели

I Гранты и научные исследования

- | Потребление и конsumerизм
- | Угорский проект

I Конференции и конгрессы

- | Конференция СоПСо 2007 г.
- | Конференции 2005-2006 гг.
- | Конференция СоПСо 2003 г.
- | Презентация книги
А.Г. Здравомыслова
- | Презентация книги
А.Б. Гофмана

I Международная
социологическая ассоциация

- | Всемирный социологический
конгресс - 2006 в Дурбане
(Заметки участника)
- | Австралийский конгресс:
впечатления российских
участников.

...

Новостная лента

Аншлаговый успех конференции СоПСо в
костромской деревне. [Текст интервью...](#)

В связи с выходом из печати первого номера
"Социологического журнала" его главный
редактор проф. Н.Е.Покровский дал интервью.
[Текст интервью.....](#)

Вышел в свет первый номер
**«Социологического
ежегодника»**, издающегося
совместной редколлегией
кафедры общей социологии
ГУ-ВШЭ и Института информации
по общественным наукам РАН. Это
первый опыт сотрудничества
одного из известнейших
институтов Российской академии наук и
ГУ-ВШЭ. С содержанием сборника можно
ознакомиться [здесь](#).

Сообщество профессиональных социологов

Адрес: 125319, Кочновский пр., д. 3, Москва, Россия.

Телефон: (495) 152-0231

Факс: (495) 152-4135

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКИХ И НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ МЕТОДЫ, СТРУКТУРА, СООБЩЕСТВА

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н.Е.ПОКРОВСКОГО

Подписано в печать 19.10.2010. Усл.печ.л.15. Тираж 500 экз. Заказ № ____
Отпечатано в минитипографии ГУ-ВШЭ, 125319, Москва, Кочновский пр., д.3

